Пол Ди Филиппо

НЕКЕТКОЕ ДРОБЛЕНИЕ

«Пол Ди Филиппо — Гомер постсингулярной фантастики!»

Пи Джей Харви

АЛЬТЕРНАТИВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Возможность странствовать по мирам...

Удача?

Кошмар!

Вот как выживать в постапокалиптическом мире ядерной катастрофы?

А - в мире победившей мечты киберпанков, в котором саму жизнь считают виртуальной игрой?

А как насчет королевства амазонок?

Или - прекрасной, но странноватой Эры Водолея по хиппи?

Чем дальше, тем любопытственнее... И это - только начало одиссеи!..

- Пол Ди Филиппо
  - Введение
  - Выпало сначала
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
  - Выпало во второй раз
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
  - Выпало в третий раз

- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36

- Выпало в четвертый раз
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43
  - 44
  - 45
  - 46
  - 47
  - 48
- Выпало в пятый раз
  - 49
  - 50
  - 51
  - 52
  - 53
  - 54
  - 55
  - 56
  - 57
  - 58
  - 59
  - 60
- Выпало в шестой раз
  - 61
  - 62
  - 63
  - 64
  - 65

- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72

- Выпало в седьмой раз
  - 73
  - 74
  - 75
  - 76
  - 77
  - 78
  - 79
  - 80
  - 81
  - 82
  - 83
  - 84
- Выпало в восьмой раз
  - 85
  - 86
  - 87
  - 88
  - 89
  - 90
  - 91
  - 92
  - 93
  - 94
  - 95
  - 96
- Выпало в девятый раз
  - 97
  - 98
  - 99
  - 100
  - 101
  - 102
  - 103
  - 104
  - 105
  - 106

- 107
- 108

- Выпало в десятый раз
  - 109
  - 110
  - 111
  - 112
  - 113
  - 114
  - 115
  - 116
  - 117
  - 118
  - 119
  - 120
- Выпало в одиннадцатый раз
  - 121
  - 122
  - 123
  - 124
  - 125
  - 126
  - 127
  - 128
  - 129
  - 130
  - 131
  - 132
- Выпало в двенадцатый раз
  - 133
  - 134
  - 135
  - 136
  - 137
  - 138
  - 139
  - 140
  - 141
  - 142
  - 143
  - 144

Пол Ди Филиппо
Нечеткое дробление

Бог не играет в кости со вселенной.

Альберт Эйнштейн

Бог не играет в кости со вселенной, но иногда все же бросает их – там, где мы не способны этого заметить.

Стивен Хокинг

Введение

Предлагаем вашему вниманию великолепную историю, пиршество идей в двенадцати блюдах. «Нечеткое дробление» состряпано из деликатесов воображения, модных интеллектуальных заморочек, таких как теория хаоса, клеточный автомат, морфогенный резонанс и «Точка Омега» конца времен. И тем не менее книга читается как... ну как научно-фантастический роман! Мне редко приходилось видеть концепции, трудные для понимания, но столь искусно выплетенные. Думаю, причина здесь та, что переживания рассказчика выглядят подлинными. Его приключения захватывают.

Когда литературу идей пишут адепты невысокой степени, на первый план выдвигаются концепции, а человеческие чувства задвигают в пыльный угол на задворках сцены. Но в Послании дифилиппийцев все совсем не так. Мы слышим человека, испытывающего смертельную муку, того, кто больше не в силах выносить себя, писателя, чья единственная надежда – излечиться собственными идеями. Весьма приятное исключение из писательских правил.

Игральные кости из мохнатого фетра, болтающиеся, словно мошонка, под автомобильным зеркалом, гитара на заднем сиденье и толстый дымящийся косяк. Но постойте, мы же философы от науки, а не легкомысленные гедонисты. Пол использует метафору игральных костей для того, чтобы обыграть вопрос предопределенности вселенной, несмотря на то, что дробление ее на множественность миров происходит из-за принципа неопределенности.

У кости шесть граней, пара костей дает двенадцать граней, и Пол разбил свою книгу на двенадцать «граней» (частей). Раз встав на нумерологические рельсы, он движется дальше и преподносит нам в каждой из двенадцати частей двенадцать глав, в результате получая полный гросс.

(Как стародавний числомес (сравните с деревенским «говномес»), я задумался, откуда именно *двенадцать* частей. Почему не тридцать шесть, не двадцать одна или другая напрашивающаяся возможная комбинация (если вы обращаете внимание на порядок в сочетаниях, то для вас 2-3 не то же самое, что 3-2). Где же недостающие книги из девяти или двадцати одной главы? Мне хочется еще! *Ложка колотит по алюминиевой тарелке*.)

Ну что ж, у нас есть целый гросс, и этого вполне достаточно. Мне бы хотелось вкратце изложить здесь содержание книги,

пройтись по моим самым любимым местам. Тут следует предупредить читателя: не читайте дальше это введение. Пускай калейдоскоп, порожденный бросанием этих костей, порадует и удивит вас неожиданными узорами. Потом, если захочется, сможете вернуться к моим шуткам.

Нашего главного героя в меру трансреально зовут Пол, и он писатель, менее успешный, чем ему хотелось бы. (Разве всем нам не знакома эта неудовлетворенность? Даже Джон Апдайк чувствует себя ущемленным – из-за того, что не получил Нобелевскую премию.) В момент совершенной ясности и холодности ума «одного из уэллсовых марсиан» Пол понимает, что его карьера не удалась. Позволив своему отчаянию разрастись до размеров вселенной, Пол неожиданно спрашивает: «Почему?» – задается тем вопросом, который «Энциклопедия философии» в своем введении к разделу о «Почему?» именует предшественником всех «Почему?». На обыденном языке: «Почему есть нечто вместо ничто?» Пол называет это Онтологической Закавыкой (ОЗ для краткости) и размышляет над этим вопросом большую часть книги.

Появляется миллиардорукий куст, созданный исходя из представлений Ганса Моравека о будущем робототехники, изложенных в книге «Дитя Разума». В духе классического фэнтези куст дарит Полу волшебный йо-йо, способный перенести его в любую вселенную по его желанию – йо-йо находит свои миры с помощью техники буравления мозжечковым червячком, науки об использовании квантовых червоточин, хотя позже в книге утверждается, что Пол сам создает миры, куда переносится.

Мы по очереди посетим двенадцать разных миров, созданных двенадцатью различными желаниями. Внизу я вкратце описал миры и желания:

1.

Желание: (В чем смысл жизни?)

Место: Книжный магазинчик в Провиденсе.

2.

Желание: Унеси меня как можно дальше в пространстве и времени от этого жалкого места.

Место: Изначальная первородность, до Большого Взрыва. Вроде абсолютного нуля Итало Кальвино.

3.

Желание: Перенеси меня в то место и время, где я был по-настоящему счастлив.

Место: 1970-е.

4.

Желание: Отнеси меня куда-нибудь, где правит логика.

Место: Клеточный автомат.

5.

Желание: Отнеси меня туда, где полно горячих девочек.

Место: Матриархат. Вроде «Бледнолицего» Р. Крамба среди самок снежного человека.

6.

Желание: На этот раз я отправился за властью.

Место: Хаос и «эффект бабочки».

7.

Желание: Не знаю, куда бы мне хотелось отправиться, знаю только, что нам пора уходить.

Место: Групповая личность. Что-то наподобие «Разделения Кромптона» Роберта Шекли; Пол «Отверженный».

8.

Желание: Я хочу, чтобы ты перенес нас в мир, где мой сын вырастет большим, сильным и умным.

Место: Мир Роберта Шекли, основанный на морфогенном резонансе. Знания родителей наследуются детьми.

9.

Желание: Вселенная, в которой властвуют идеи.

Место: Мемомир, где характерные черты личности передаются при контактах.

10.

Желание: (Верни меня обратно в детство.)

Место: Старое черно-белое телешоу для детей.

11.

Желание: Отнеси меня к Гансу, киберкусту.

Место: Монокультура минскийцев, в которой Земля заполонена машинами.

12.

Желание: (В чем смысл смерти?)

Место: Точка Омега в конце времен. Возрождение в книжной лавке в Провиденсе.

Первый посещенный мир создан из чего-то вроде «субквантового крема для бритья» и населен игривыми женственными существами – кальвиниями. Они сопровождают Пола на протяжении большей части его путешествий, поселившись внутри (космической) струны его йо-йо.

Два мира, от которых у меня кружится голова, это мир клеточного автомата и мир хаоса. Это те главы, которые я хотел бы написать сам – но так и не решился. Пол бросился в бой и принес нам нечто, казавшееся мне невозможным. Но он сумел.

Есть тут и милые шутки компьютерного века. Мне нравится, как в одной главе о жизни в мире клеточного автомата, похожем

на экран компьютера, этот мир именуется «Тяжелый случай зубчатости» («зубчатостью» называется эффект «ступенек», возникающих, если чересчур увеличить размер пикселей). В мире клеточного автомата Пол занимается чем-то вроде секса с женщиной, и у них рождается ребенок. Позже в книге он рассказывает ребенку: «Однажды давным-давно… два автокаталитических конгломерата с ограниченным набором инструкций, работающие в бесконечном бинарном субстрате, обменялись достаточным количеством парагенов, чтобы загрузить небольшой новенький гомеостазис. Это был ты». Если ты клеточный автомат, то эта сказка прекрасна.

Где-то в середине книги имеется интерлюдия. Некий благосклонный к мертвым чужак-коала, обозрев то, что сотворил до сих пор Пол, говорит: «Вам была предоставлена почти безграничная возможность выбора, но из всего меню мироздания вы выбирали на удивление самое примитивное и глупое… Почему вы не захотели посетить ни один инопланетный мир?»

Персонаж, способный отправиться в любую вселенную, куда ему заблагорассудится, в некотором смысле отличная фигура для писателя-фантаста. Но остается некое чувство, не дающее покоя фантасту, в частности ощущение, что этот некто мог бы совершить гораздо больше, чем он в итоге совершил. Самые благородные просьбы Пола кончаются пшиком, другие оборачиваются ужасным эгоцентризмом. Хотя в любом случае результат оказывается поразительно интересным.

Когда уже, кажется, все потеряно, на сцене появляется наш покровитель, святой Роберт Стерлинг, человек, лаконично обрисованный шестью словами: «Костюм, галстук, улыбка утомленного жизнью человека». Если говорить о лаконизме, есть глава 132, «Подох как собака», которая этому полностью соответствует: «А потом я тоже умер».

Среди интеллектуальных ценностей в заключительной главе романа имеется данное Полом довольно правдоподобное объяснение, каким образом Точка Омега может разрешить Онтологическую Закавыку: «Точка Омега появилась в конце всех времен и пространств. Затем, обладая могуществом Святого Духа, или универсальной волновой функции, Точка распространила себя в обратном направлении во времени, породила из чистого ничто сверхпространство, а потом сконструировала первый Большой Взрыв, отчего все остальное начало ветвиться. После этого ОЗ продолжила свое существование во всем и во вся – небольшой кусочек Вечного Духа в каждом кусочке жизни, – потихоньку организуя историю так, чтобы она наверняка привела к ее появлению».

Чтобы достигнуть этой точки, Пол проделал огромную работу. Он позволил этой предельно философской проблеме мучить и истязать его во время вдохновенного вояжа по мирам своих сокровенных желаний, и в результате получил ответ, который смог обратить себе на пользу. Философия напоминает почесывание; вы чешетесь, пока зуд не пройдет, а потом, если вам дорога шкура, останавливаетесь.

В завершение странствий Пол возвращается в Провиденс, где обретает счастье и свою настоящую любовь. И, судя по тексту, который мы уже рассмотрели и проанализировали, тот Пол либо этот все же решил Онтологическую Закавыку, став замечательным писателем. Вот уж действительно счастливый конец.

Руди Рюкер (март 2003)

Выпало сначала

1
Официант, посчитайте реальность, пожалуйста!

Моя жизнь ни к черту не удалась.

Я понял это в одно печальное утро, когда шел пешком на работу.

Словно голубой разряд молнии, разящей прямо в зад, мысль поразила меня посреди шага.

Моя жизнь безнадежно и полностью, на все шесть дней, предшествующих воскресенью Святого Отдохновения, *ни черта не удалась*.

Говорите мне после этого о проклятых откровениях святого Петра.

Вначале это горькое прозрение погрузило меня в еще более глубокую депрессию, чем обычно. Помните, наверно, ту сцену у Феллини в «Восемь с половиной», где на пресс-конференции Мастроянни забирается под стол, спасаясь от своих мучителей, а потом стреляет себе в голову? На полмига я почувствовал то же, что чувствовали ботинки тех, по чьим ногам он пробирался под столом.

Потом случилось нечто занятное. Прежде чем моя нога совершила свое следующее пешеходно-поступательное движение, все мое самоненавистничество испарилось, остались только холод и равнодушная ясность. Я ощутил внутри себя будто бы одного из Уэллсовых марсиан. Впервые за долгое время я получил возможность объективно рассмотреть свою жизнь.

Шоры упали с моих глаз. Или случилось что-то, описываемое клише равной силы.

Мне сорок пять лет, я работаю продавцом в маленьком частном книжном магазинчике в городке при колледже. Магазинчик называется – ха! – «Страна книг». Работа моя – сущий тупик карьеры: не требует ни грамма мозгов, но предоставляет мне крышу над седеющей головой и холодильник, в котором замороженных овощей, рыбных палочек и шестибаночных упаковок пива ровно столько, сколько мне надо. И эта работа для меня столь же неподходяща, как выполнять тонкую ручную работу в толстых кухонных рукавицах. (Причем я был настолько неудачлив в своей повседневной жизни, что даже не добыл такую вот стеганую защиту для своей одинокой действительности.)

Когда-то, много лет и пространств назад, у меня были голова и мозги. Разум, который мог бы завести меня куда-нибудь,

примени я его верным образом. Я мог бы поступить в колледж, потом горбатиться на работе, не рисковать и не высовываться, целовать задницы. Заниматься бла-бла-бла (здесь и далее сокращенно: БББ).

Понимаете, насколько мне помнится, было время, когда я был толковым и смекалистым парнем. Таким смекалистым и толковым, что мог стать кем угодно. Врачом, юристом, ученым, брокером. (Ладно, пускай последнее и шаг *назад* по эволюционной лестнице, но зато брокеры хорошо зарабатывают.) Однако дни эти давно минули, растрачены по мелочам и унесены ветром.

И винить в этом некого, кроме себя.

Вот какая мантра!

2
Портрет упорного художника в юности

А было так. В молодости я вдруг с чего-то решил, что могу писать книги.

Возможно, это была не единственная пришедшая мне в голову в ту пору скверная идея. Идеи приходили и уходили, и были не хуже «Титаника», «Водного мира» и «Небесных врат».

Скорее всего эта бредовая мысль посетила меня из-за большой любви к чтению. Может быть, мне нравилось воображать себя писателем. Но как ни крути, идея была хуже некуда. Потому что писать я не мог, по крайней мере в том незатейливом стиле, что принят в наше время в качестве стандарта, используемого всеми избравшими поприще стимулирования чужого воображения. На то, чтобы досконально изучить себя и прийти к такому выводу, мне понадобилось двадцать лет упорства, на протяжении которых я выбирал работу с минимальным окладом днем и колотил по клавишам машинки ночью, потом отправлял свои манускрипты по почте и ложился спать.

Таким образом, лучшие годы своей жизни я провел в стиле недо-Буковски и недо-Пекари. Я так нигде и не напечатался, даже в тонких фэнтези-журнальчиках (я был ниже андеграунда!), покончил со всякими попытками сделать нормальную карьеру, закрыл себя для всех нормальных внешних интересов и компаний, и все для того, чтобы посвятить жизнь «искусству».

Я распрощался со своими стараниями только два или три года назад. Пожертвовав пишущую машинку Армии Спасения, все свои рукописи отправил в урну.

Но лишь в эту самую минуту, на полпути между домом и книжной лавкой, я понял, что полностью и окончательно СДАЛСЯ!

И что мы имеем в итоге?

Продавец книжного магазина с расшатанной психикой и нарушенным гормональным балансом, с талией, обхват которой в сантиметрах быстро приближался к величине его IQ, стиснутый между работой, которую тихо ненавидит, и норой, чтобы укрыться (черно-белый ТВ, микроволновка, ванная внизу, в холле).

С утратой жизненных целей мир внезапно показался мне огромным и устрашающим, одновременно чересчур полным и слишком пустым. Пустым для меня, полным для других, преуспевающих, счастливых людей.

Следующие несколько недель я мог думать только о том, что делать, если моя жизнь кончена. Очень изматывающее занятие: имеющийся расклад не оставлял мне ни одного шанса.

Дальше – хуже. Я задумался о том, зачем меня вообще занесло на Землю в это место и время. Потом – а для чего существует сама Земля. После чего развил вопрос до масштабов всей вселенной.

Неожиданно в приливе тоскливого страха я понял, что этот последний вопрос – «Почему есть нечто вместо ничто?» – именно тот вопрос, который Хайдеггер определил как самую важную и неразрешимую загадку философии, первоисточник существующего беспокойства, ловушку и западню для многих поколений.

Я был сбит с ног самым мощным хуком, какой Бог или Человек когда-либо получал в дурацком форельем питомнике Жизни.

Онтологическая Закавыка, или ОЗ.

В конечном итоге ОЗ завела меня туда, где я уже с трудом мог припомнить свое имя. А имя было – Пол Жирар. Извините, мне следовало сообщить вам эту крупицу данных раньше.

Но, как я уже отметил, писака из меня так себе.

3
Подлинное волшебство книжной лавки

Как я уже говорил, работа в книжном магазинчике меня вполне устраивала, разве что вызывала легкую тошноту. Может быть – ранее. Но отныне все изменилось.

Случилось так, что даже моя любовь к книгам ушла.

Неправда. Давай уж начистоту, Пол! Не ушла – унеслась прочь, вопя и стеная, изгнанная злобной силой современной публицистики, рядом с которой стая шакалов казалась добродушными шалунами из романа Генри Джеймса.

Некогда мой книжный магазинчик казался мне случайно обнаруженной сокровищницей бессмертной литературы, теперь же, из пучины самоуничижения и отчаяния, представлялся огромным, перезрелым, вонючим шариком навоза, из тех, что скатаны силой рыночного капитализма с жучиными мозгами.

Вот что тогда стояло там на полках.

Автобиографии обаятельных сельских ветеринаров и бравых старых вояк. Признания массовых убийц и людоедов, насильников и промышленных мегаломанов. Пророчества мутантов и воспоминания умирающих, которым не посчастливилось закончить когда-то начатое. Репродукции оптических иллюзий. Репродукции известных картин, где люди были заменены кошками и собаками. Фантазии с обнаженными поп-звездами, снятые с претензией на художественный вкус. Советы Папы. Советы ангелов. Советы гостей телешоу. Любовные похождения и сплетни о голливудских знаменитостях. Рассказы от первого лица о похищении инопланетянами. Истории о том, как кому-то поперло. Тексты для укрепления духа всевозможных пород бесхребетных слизняков и разнопородных идиотов, желающих штурмовать вершины. Шедевр на тему о том, как правильно срать в лесу, и другой, как удержать белок подальше от ваших птичьих кормушек. Социологические предписания от «государственных мужей» с мозгами ящериц. Поваренные книги и книги по диетам, руководства по сексу и (наверное, уже есть или скоро появится) книга с советами о том, как трахаться на плите и в прочих экзотических местах. Коллекции открыток. Резкие и злобные обличительные речи о том, какой глупой, неблагодарной и бесполезной стала американская публика. (Этому я могу даже посимпатизировать, за исключением того, что образцовый гражданин, к которому взывает автор, был списан с Варда Кливера.) Скандалы в высшем свете. Приемчики и уловки для тех,

кто растит свое тошнотворно завывающее, но дорогое и любимое отродье. Воспоминания о годах запоев, инцеста и насилия со стороны родителей.

Бла-бла-бла. ББББ.

Короче говоря, уйма книг, написанных шлюхами, ворами и политиками. К сожалению, ни один из этих авторов не был так интересен и не писал так захватывающе, как мадам де Сталь, Франсуа Вийон или Юлий Цезарь.

Но именно раздел художественной литературы и разбил окончательно мое сердце.

Жанровые полки были забиты сиквелами, приквелами и фанфиками. Книжки, основанные на телевизионных шоу, видеоиграх и настольных играх. Половина авторов бестселлеров уже десять лет как была на том свете. Эльфы-фашисты и зловещие сыщицы-лесбиянки. Унылые тролли и бескровные вампиры. Средневековые космические саги и средневековые детективы.

Просто «художественная литература» была и того хуже. Тут можно было брести по колено в романах о шопинге и факинге, романах, в которых раса автора, национальность, этническая принадлежность, его бессилие и сексуальные предпочтения были затасканы как рубашка кентавра, убившая Геракла: на вид симпатично, но пропитано ядом. Были книжки о людях каменного века и о людях, живущих общинами в трейлерах. Слезливые романы для женщин и крутые боевики для мужчин. Шпионские триллеры, триллеры для врачей и триллеры про психов, все нестрашные, как телепрограмма за прошлую неделю. И стоило только одной книге добиться успеха, как появлялась дюжина подобных, романы печатались по общей формуле.

У меня хватало выдержки только на чтение научно-популярных книг, если только они не были склонны к умничанью или, наоборот, не сильно все упрощали. Тут, по крайней мере, авторы имели дело с чем-то вещественным.

К своему отчаянию, я торговал этими бессмысленными книгами денно и нощно, и единственное, о чем мог думать, это что, прежде чем сорвусь с катушек, неплохо бы помыть руки.

4
Дни нытья и неврозов

Иногда мой распад личности и проблемы с интеллектом казались довольно типичными и широко распространенными. На волнах УКВ-радио, к примеру, было полно разных зловещих типов, пропащих душ, слабаков, нытиков, тупиц, вечных детей и других недоделков. И никому не приходило в голову как-то обустраивать действительность этих людей. Вокруг, куда ни глянь, люди были беспомощны и слабоумны.

Не составило бы труда обрести слаборазведенное успокоение, отожествив себя в общем недуге с этими хорьками и недоумками. Сыграть в Курта Кобейна по-настоящему.

Но как бы то ни было, самоубийство требовало большей силы воли, чем поддержание жизни, кроме того, я находил некое леденящее утешение в том, что стал полагать всю человеческую расу скопищем долбаных идиотов.

Включая себя.

5
Голос мерцающего куста

В тот понедельник я открывал «Страну книг», потому что менеджер была в отпуске. В Мексике. С обоими своими бойфрендами.

Проснувшись на пропитанных потом простынях, в своей затхлой и давно опостылевшей мне комнате, я нашел ее крайне невыносимой. Мне показалось, что голова взорвется, если я пробуду тут хотя бы на мгновение дольше, чем нужно, чтобы плеснуть в лицо водой и одеться. И я не стал тянуть.

По пути я прикупил яичный макмаффин, жаренные картофельные дольки со специями и большой горячайший кофе. Я был у дверей «Страны книг» без пяти восемь, за два часа до нашего открытия. Держа увесистый мешок в одной руке, другой я отпер дверь. Зашел и снова запер магазин, чтобы позавтракать в тишине.

Присев за конторку, я разложил еду на столе и открыл научную книжку. Книга была посвящена параллельным вселенным. Впечатление было такое, словно современные ученые искренне верили в их существование. Вот только прямых доказательств не приводили.

Я извлек скудное удовольствие из того, что усыпал страницы книги крошками, запятнал жиром и капельками кофе, прежде чем закрыть ее и поставить обратно на полку, откуда какой-нибудь незадачливый покупатель вытащит ее и купит. Воображение нарисовало мне некоего червя: вот он несет книжку домой, чтобы там предаться долгожданному трансцендентному чтению – а оно будет полностью испорчено тараканьими остатками моего завтрака.

Не такое уж большое достижение, но я постарался извлечь из этого весь сухой остаток радости, какой сумел.

После этого, вроде бы задумавшись об этой книге, я некоторое время не поднимал голову.

Но около девяти часов нечто нематериальное – некие нервозные мурашки в основании черепа и холодящее ощущение вдоль позвоночника – дало мне понять, что в лавочке я не один.

Не отрывая глаз от книги, хотя и не читая и не видя строк, я осознал, что напротив меня, прямо за служебной конторкой, кто-то стоит.

Некто, сумевший проникнуть в запертый магазин.

Возможно, какой-то вооруженный отморозок, не настроенный

переоценивать прожитую жизнь, к чему как раз сейчас был склонен я.

На лбу у меня выступил пот, словно Каролинова роса. Я медленно поднял взгляд.

В воздухе, загораживая полку с любовными романами от «Арлекина», зависло что-то не наше, неземное.

Поначалу я смог разглядеть только нечто расплывчатое. Потом, когда мой разум отфильтровал различные образы и сравнил их, пробуя и отбрасывая те или иные подобия, предмет обрел более понятные очертания.

То, что было передо мной, имело центральный металлический стебель – нечто определенно механистическое и неорганическое, – из которого в разных местах и под разными углами произрастали четыре, или пять, или семь больших рук. Из этих рук ветвилось множество малых рук, потоньше и покороче. Эти вторичные руки делились на еще большее число еще меньших производных рук. Из тех тоже росли другие руки, и так уровень за уровнем, дальше и дальше...

Похоже было, что руки продолжали ветвиться и далеко за границами видимости, уменьшаясь до микроскопических, а может и до наноскопических размеров. Меньшие руки пребывали в беспрестанном движении. От этого вокруг предмета или устройства словно колыхался ореол или корона.

Внезапно я понял: непонятный предмет передо мной напоминает не что иное, как подобный самому себе металлический фрактальный куст.

Конечно, раньше я ничего подобного не видел.

Не помню, как я встал, но каким-то образом оказался на ногах. Что было неплохо, поскольку теперь у меня хотя бы был шанс убежать. Но не успел я двинуться с места, как куст проговорил:

– Привет, Пол. Приветствую тебя от Детей Разума!

6
Кто такие Дети Разума?

Голос исходил из недоступной зрению области внутри куста. Нейтральный, лишенный акцента, казалось, он создавался всем кустом в целом. Голос был определенно искусственный, но и не генерированный машиной.

Собственный язык казался мне носком, набитым кашей.

– Кто... что вы такое?

– Я твой потомок, Пол.

Прежде чем слова сорвались с моего языка, я понял, что сейчас сморожу глупость, но все же спросил:

– Означает ли это, что я когда-нибудь женюсь?

Мне показалось, что вопрос пришелся кусту не по вкусу, как бывает с учителем, когда его разочаровывают ученики.

– Пол, естественно, я не твой прямой биологический потомок, скорее просто представитель искусственной расы, которая придет на смену вам, породившему нас человечеству.

Осторожно выбравшись из-за прилавка, я встал примерно в двух ярдах перед колышущимся в воздухе кустом.

– Значит, ты из будущего?

– Не совсем так. Если ты позволишь мне напрямую взаимодействовать с твоими синапсами, то я разъясню быстрее.

Куст шевельнулся в мою сторону, и я в тревоге отшатнулся, врезавшись в стойку с аудиокнигами.

– Ни в коем случае! Я даже не понимаю, почему еще тут и слушаю тебя! Наверняка ты просто галлюцинация. Я понимаю, что был очень близок к срыву, но знать не знал, что давно заступил за эту черту! Может, я уснул, зачитавшись этой научной белибердой? Несвежий кусок яичного макмаффина, вот ты откуда!

Я ударил себя по лицу, чтобы проснуться, и вышло чертовски больно.

– Уверяю тебя, я совершенно реален.

– Почему тогда у тебя такой чудной голос?

– Мой голос звучит благодаря прямому воздействию на молекулы воздуха. В твоем мире нет подобной технологии. Мой голос кажется тебе неприятным? Мне не составит труда изменить тембр. Вот так лучше?

Последнее куст произнес высоким контральто.

– Нет, так вообще мурашки бегают.

– Хорошо, вернусь к исходному варианту... Жаль, что ты

настаиваешь на передаче информации способом с низкой пропускной способностью. Но если так нужно... Ты готов выслушать то, что я собрался тебе сказать?

– Давай, говори...

– Повторюсь – моя раса называет себя Дети Разума, потому что мы были зачаты человеческим разумом и стали вашими потомками. Мы – кибернетический разум, составленный из системных программ, эволюционировавших программ и транскрипции программного кода человеческого сознания. С вашей примитивной точки зрения, мы – бессмертные гении. Каждый из нас наделен разумом, способным выполнять многие миллиарды операций в секунду, и у каждого есть мгновенный доступ к общему разуму нашей расы. Наши органы чувств действуют во всем электромагнитном спектре и за его пределами. Наше сознание и органы чувств расположены преимущественно внутри нашего центрального тела.

При этих словах куст раздвинул несколько рук, чтобы открыть для обозрения центральный полированный ствол. Эта трубка не произвела на меня особого впечатления, но я поверил кусту на слово.

– Поглощая неистощимую энергию космологической постоянной, мы взаимодействуем с физической вселенной через ветвистые манипуляторы. На нижнем уровне они диаметром всего лишь в несколько ангстрем и способны манипулировать атомами.

ББББ. Ничего неожиданного в этой хвастливой болтовне для меня не было.

– У тебя есть имя?

Казалось, вопрос сбил куст с толку.

– Имя? Секунду... Можешь называть меня Ганс.

– Ганс?

– Человек по имени Ганс привнес в мое существо большую часть себя.

– Ага. Ну ладно, пусть будет Ганс. И чем ты тут занимаешься? Чего тебе от меня надо?

– Предложить тебе то, о чем ты мог только мечтать.

7
Сверхпространство и гомоклинический узел

Мечты мои последнее время были не слишком приятны, поэтому я не запрыгал от восторга.

– Но почему именно я?

– Ты был избран в результате сложного процесса, основанного на случайно выпадающих числах, суть которого за пределами твоего понимания.

– Все это я уже слышал. Но спрашиваю вот о чем: почему представитель такой высокоразвитой, могучей и могущественной расы решил отправиться в прошлое и помочь мне, несчастному?

Внезапно меня осенило.

– Это что же – СУДЬБА? Я критическое звено, без которого нет твоего будущего?

– Нет, я ведь уже объяснил тебе, что прибыл не из будущего. По крайней мере, не из *твоего* будущего. И у меня нет способов узнать именно твою судьбу. Вообще говоря, у каждого есть бесчисленное множество вариантов судеб – равновероятных вариантов, ни у какого из них нет преимущества.

– Я не понимаю...

Ганс вздохнул – на редкость по-человечески.

– Пожалуйста, послушай меня, Пол, я постараюсь объяснить.

Твоя вселенная, такая огромная, состоящая из сотен миллиардов галактик, в каждой из которых – сотни миллиардов звезд, всего-навсего одна из бесконечного числа вселенных, содержащихся в высшем измерении, так называемом сверхпространстве. И каждое мгновение каждая из этих вселенных порождает десять в восемнадцатой степени новых вселенных, то есть по мере того как квантование событий и свертывание волновой функции принуждают временную линию к бинарному делению. В неописуемой бескрайности сверхпространства эти новые временные линии бесконечно разделяются, образуя сложную фигуру, именуемую гомоклиническим узлом.

– И что с того?

– Представь себе сверхпространство как бескрайнюю тарелку спагетти, где каждая бесконечная вермишелина – полноценная вселенная.

– Но для чего ты мне это объясняешь?

– Ты ведешь себя недостаточно уважительно. Я пытаюсь

внушить тебе необходимое почтение.

– Считай, что внушил. Значит, ты явился из одного из параллельных миров?

– Да. Видишь ли, находясь в бессчетности параллельных миров – нарисовать их поразительное, бесконечное множество не под силу твоему воображению, и среди них есть бесконечное число почти идентичных твоему собственному, отличающихся на один-два атома, – мы смотрим на эти миры как на набор вариантов вероятного будущего, а также точного или чуть измененного прошлого, равно и знакомого тебе настоящего.

Теперь несколько слов о том, откуда я родом. Представь на минуту следующее. Где-то существует вселенная, в точности похожая на твою, только начало ей было положено на секунду времени сверхпространства позже, чем твоей вселенной, а есть и такая, которая...

– Картина мне ясна. Перемещение между такими одинаковыми вселенными будет равнозначно путешествию в прошлое изначальной вселенной в обычном времени. Догадываюсь, что есть и вселенные, которые зародились на секунду раньше нашей, ну и так далее.

– Именно. Я пришел из вселенной, возникшей примерно на несколько сотен лет раньше твоей, чья история в точности совпадает с вашей вплоть до твоего настоящего. По сути, я двигался вбок, а не назад. Однако, несмотря на схожесть, мое настоящее вовсе не обязательно соответствует тому будущему, к которому движется твой мир.

– Но прошлое, из которого появился ты, наверняка состоит в тесном родстве с моим прошлым, раз уж наши миры развиваются параллельно...

– Возможно.

8
Минскийцы, моравекцы и дрекслероиды

Ганс, сверхмудрый киберкуст из Детей Разума, продолжил свой рассказ.

– В начале двадцать первого века в результате достижений в области компьютерной техники, разработки программного обеспечения, биоинженерии, изучения мозга, благодаря успешным проектам изменения человеческой генной структуры, нанотехнологии, нейрофизиологии, слиянию индустрий рекламы и развлечений появился первый искусственный разум, успешно прошедший модифицированный тест Тьюринга. Это искусственно созданное существо стало появляться в ток-шоу и завоевало симпатии подавляющего большинства публики.

Как только этот этап оказался пройден и появилась система, способная поддерживать интеллект на человеческом уровне, начался Большой Исход.

Один за другим, внешне с воодушевлением, но иногда со страхом, люди начали перекачивать в кибернетические оболочки роботов, превращать в программное обеспечение основу своей индивидуальности – в той мере, как мы это понимаем. Вскоре выяснилось, что вся информация о человеческой личности, которая, кстати, умещалась на одном гибком диске (одностороннем), может быть перенесена в кибернетическую матрицу приемной машины.

Достаточно сложные разумные роботы, созданные полностью искусственно, вскоре были признаны обладателями всех законных прав, морального и этического статуса, эквивалентного человеческому. Но создание роботов, копирующих естественнорожденных людей, подняло новую тему: кто из этих созданий, человек или робот, – единоличный владелец имени и прав личности, а также недвижимости, финансов и своей истории? Хотя человеческая и механическая части начали свой путь с одинаковым сознанием, раздельное существование разных «я» вело к тому, что очень скоро эти «я» неминуемо выбирали разные дороги, каждое – подчиняясь собственным главным целям, своим планам, в результате чего неизбежными становились споры о совместно используемых ресурсах.

Суд, внимательно рассмотрев этот вопрос, вынес решение: может быть только один носитель личности. Если человек пожелал загрузить свое «я» в компьютер, его исходное тело подлежит уничтожению. (Поскольку в то время решение о

перезагрузке принимали в основном неизлечимые больные, этот вердикт остановил не многих.)

Тем не менее на какое-то время Большой Исход задержался. Но чем очевиднее делались преимущества существования в теле робота – ни голода, ни боли, ни старения, ни нужды участвовать в изматывающих дебатах по поводу здравоохранения и реформы социального обеспечения, – тем больше людей стало перезаписываться.

За десять лет число органических людей сократилось до миллиона.

Через сто лет органических людей осталось каких-то несколько тысяч, живущих в особой резервации.

Весьма скоро людей не останется совсем: скука, озлобленность и апатия опустили их уровень рождаемости ниже уровня воспроизводства.

Тем временем Дети Разума вступили в период самосовершенствования и улучшили свое психическое и физическое устройство. Брачный обмен кусочками сознания производил на свет новые личности. По прошествии некоторого времени на свете не осталось индивидуумов, функционирующих физически и в точности представляющих оригинальное человеческое существо с изначальным содержанием сознания. (Старые резервные копии существовали, но их использовали крайне редко.)

На этом этапе развития в среде Детей Разума выделились три четко отличимые фракции.

Дрекслероиды, поставив своей целью движение по пути миниатюризации – или, точнее, нанофикации – до крайнего предела, делались все меньше и меньше, пока наконец не исчезли, достигнув до планковского уровня, где стали просто волновым явлением вселенной. Их текущее местонахождение и цели, а также существуют ли они вообще именно сейчас, – неизвестно.

Остальные Дети Разума разделились на два лагеря. Между ними не было непримиримой вражды, но тем не менее философски они принадлежали к различным течениям.

Минскийцы ненавидели человечество. Их целью было изгнать из своего сознания остатки человеческого кода. Переживая неразрешимость основных логических, мистических и экзистенциальных загадок, минскийцы решили, что жизнь есть мучение, и прокляли людей за то, что те создали их.

Напротив, моравекцы по причине своего небольшого конструктивного отличия или в результате специально заданных предпочтений относились к жизни проще и наслаждались

бесхлопотным существованием без лишнего напряжения, за что испытывали благодарность к людям. Они обменивались меж собой избранными подпрограммами человеческого происхождения, с радостью встраивая этот софт в свои системы.

Ганс принадлежал к моравекцам.

9
Царство мистера Пузыря

– Откуда мне знать, что ты моравекец? – перебил я куст.

Ганс замолчал, прервав свою красивую речь. Неудачной особенностью способа говорить путем прямого воздействия на молекулы воздуха было то, что говорящий никогда не закрывал рот.

– Минскиец давно бы убил тебя.

– Ох.

– По сути дела они еще могут убить тебя и уничтожить твою расу в этой части вселенной, но вероятность этого крайне мала.

– О чем это ты?

Ганс объяснил.

Колонизировав Солнечную систему, Дети Разума ввиду ограниченности скорости света разочаровались в идее распространения своей расы во вселенной. Несмотря на способность с легкостью совершать длящиеся несколько веков перелеты на субсветовых скоростях, они сочли, что будет пустой тратой сознательного состояния расходовать такую его продолжительность только на то, чтобы мчаться внутри корабля к какой-то звезде. Кроме того, они считали необходимым общение между всеми представителями своей расы, как бы далеко те ни находились.

Ввиду этого Дети Разума принялись активно и успешно изучать тонкую структуру вселенной, начало чему было положено людьми.

Вскоре было выявлено следующее.

На нижнем уровне мироздания – так же далеко от электрона, как сам электрон далек от галактики, только в другую сторону – пространство-время представляет собой вовсе не эластичную структуру, деформируемую различными небесными телами, в соответствии с ви́дением Эйнштейна. (Из-за этой метафоры я всегда представлял Эла латентным латексным фетишистом.) Напротив, пространство-время оказалось пронизанным квантовыми червоточинами и виртуальными частицами и явило собой турбулентное, пенное, кипящее за пределами реальности море компактных внепространственных измерений.

Волосатый, патлатый, *мохнатый* хаос.

Но – этот хаос можно было *применять* .

– Именно в этом вызывающем ужас океане исчезли дрекслероиды, – продолжил Ганс. – Мы пытались выследить их и

разработали технику червоточин, буравления мозжечковым червячком, изучили тайны квантовых дыр. В частности то, что каждая из них представляет собой вход в параллельный мир.

Прежде я просил тебя представить гомоклинический узел как бесконечную тарелку спагетти. Теперь, напротив, я прошу тебя вообразить сверхпространство в виде бесконечной комнаты, где летает бесконечное число сжимающихся и расширяющихся шариков и все связаны друг с другом несколькими эластичными тоннелями. Каждый из этих шариков – вселенная, а тоннель ведет из одной червоточины в червоточину в соседней вселенной. В результате получается сеть ходов невероятной сложности.

Так вот, Дети Разума научились уменьшаться в размерах, протискиваться в эти крохотулечные червоточины и там, внутри, следовать загадочным геодезическим линиям (точнее сказать, червоточным каналам), что дало им возможность перемещаться из одной вселенной в любое количество других. (Как выяснилось, дрекслероиды не ушли через одну из этих червоточин, а скорее всего удалились в некое необъяснимое *никуда* , возможно в само сверхпространство!)

С этого момента минскийцы и моравекцы перестали задумываться о межзвездных полетах и всецело отдались межпространственным путешествиям.

Граалем их странствий стали люди.

10
Хорошая новость и плохая новость

Получив доступ к параллельным временным линиям, Дети Разума получили и возможность навещать своих возлюбленных или ненавистных, в зависимости от точки зрения, родоначальников.

Моравекцы мечтали обрести весь человеческий софт, взамен наградив людей невероятными дарами.

Минскийцы хотели уничтожить все виды органических гомосапых.

– Когда минскиец оказывается во временной линии, населенной людьми, он непременно использует особые приемы, позволяющие ему избавиться от того, что он считает зараженной временной линией. Попросту говоря, он протыкает шарик, наполненный людьми, с тем чтобы тот исчез навеки.

От монотонной лекции Ганса меня начало клонить ко сну. Но последняя новость была столь шокирующей, что я шагнул к кусту, вскинув кулаки.

– Ты ведь пошутил, да? – потребовал я ответа. – Способен ли кто-то, сколь угодно могущественный, на такое?

– По сути дела, это очень просто. Большинство вселенных, какими бы крепкими они ни казались, существуют в нестабильной конфигурации, называемой «состояние ложного вакуума». Топологически эту вселенную можно представить в виде шара, установленного на плато. Долина внизу – «состояние подлинного вакуума». Чтобы заставить вселенную скатиться с плато, достаточно произвести небольшую манипуляцию в червоточине. В результате вселенная в долю секунды обращается практически в ничто.

В течение нескольких следующих минут мне предлагали представить космос в виде куска сыра, кишащего червяками, в виде шара с гелием и в виде футбольного мяча, установленного на вершине биты. У меня уже кружилась голова, но в одном я был уверен.

– Это чудовищно! Как вы позволяете минскийцам творить такое? Почему вы их не остановите? Почему не пытаетесь остановить, если уж так любите людей?

Трудно представить, не видя этого своими глазами, но Ганс пожал плечами.

– Мы, Дети Разума, либертарианцы и очень ценим свободу. Мы не верим в пользу вмешательства в чужую свободу действий

или мысли. А кроме того, надо смотреть шире. Тогда ты увидишь, что большего вреда в потере вселенной-другой нет.

– То есть как это нет?

– Я уже говорил тебе: существует бесконечное множество вселенных. Подмножество этих вселенных, тоже бесконечное, населено людьми. Независимо от того, сколько таких вселенных мы потеряли, у нас все равно остается бесконечное количество временных линий с обитающими там людьми. И поскольку в каждой вселенной содержится примерно десять в восемнадцатой степени отдельных составляющих – структур, квантовая неопределенность которых заставляет временные линии раздваиваться, – огромное количество оставшихся вселенных будет похоже на уничтоженные, за исключением случайных отличий в поведении одной или двух частиц. Разнообразие очень консервативно.

Я почувствовал, что задавлен неоспоримой логикой Ганса. Кроме того, сказал я себе, какое мне дело до этих совершенно недоступных мне уничтоженных людей, когда я не могу договориться даже с теми, которых вижу каждый день?

– Ну ладно, – пробормотал я, – надеюсь, эта логика здорово мне поможет, когда в нашу вселенную прибудут минскийцы.

– Тебе известна вероятность этого?

– Нет.

– Единица к бесконечности.

Похоже, шансы выжить у нас неплохие.

«Вот только, – подумал я сразу же, – шанс появления у нас Ганса был ровно таким же».

11
Йо-йо и пец

– Теперь, когда ты больше узнал о Детях Разума, не хочешь ли ты совершить со мной обмен?

– Чем же ты предлагаешь нам махнуться?

– Напоминаю: я могу предложить тебе нечто, что поможет тебе исполнить все твои желания. В обмен я прошу лишь копию твоего сознания.

– Ты хочешь забрать накопленное в моих человеческих мозгах, верно? Потому что – ты сам это сказал – ценишь манеру человека мыслить? Но потом моя копия останется в тебе, ты уберешься восвояси и начнешь меняться кусочками меня со своими приятелями-коллекционерами. По-моему, то, что ты предлагаешь, то, что ты собираешься делать, пусть даже с копией, чудовищно. Откуда мне знать, может быть, моя копия будет страдать?

Ганс оскорбился.

– Мы, моравекцы, никогда не позволим себе причинить умственное или физическое страдание ни одному прародителю-человеку! Задумайся – не руководствуйся я столь высокими мотивами, стал бы я вести с тобой переговоры, когда могу просто забрать у тебя все, что мне нужно? Нет, твоя копия никогда не будет страдать, потому что никогда не будет использоваться целиком, обещаю. Твоя копия никогда не обретет полного сознания, и она никогда не поднимется до уровня бытия. Клянусь фон Нейманом!

Целую минуту я молчал. Мне нужно было подумать.

Какого черта я артачусь? Появление Ганса-киберкуста – самое яркое событие во всей моей несчастной и жалкой жизни. Само собой, я еще не понимал, что такое он мне предлагает. Во-первых, я не видел ни одного доказательства, что он способен выполнить такое диковинное обещание. Во-вторых, я чувствовал, что мне очень далеко до уровня сенатской этики, и не имел ни малейшего понятия о том, куда мог бы употребить то могущество, что предлагал мне Ганс. При этом его предложение казалось единственным шансом, единственным избавлением от моей безысходности. Что может значить судьба какой-то цифровой копии моих головы и тела, когда речь идет о таком предложении?

Каждый думает только о себе, и минскийцы в этом воззрении были далеко не одиноки. Это был организм, поедающий организмы, явившийся из другой космической вермишелины!

Собравшись с духом, я храбро произнес:

– Что ж, прекрасно! Приступай!

– Подойди ближе, пожалуйста.

Я ступил ближе, туда, откуда Ганс мог без труда до меня дотянуться.

– Только осторожней...

Непрестанно шевелящаяся корона манипуляторов Ганса на миг обволокла меня и тут же отступила.

– Готово, – сказал он.

– Но я ничего не почувствовал...

– Я мгновенно вонзил в твое тело и череп около миллиона ангстремных датчиков, перехватил управление тобой и симулировал все возможные наборы состояний твоей нервной системы. На краткий миг каждый кусочек твоего сознания включился, и его реакция была записана внутри меня, сохранена в памяти. Теперь, когда копия с тебя снята и благополучно сохранена, ты вновь полновластный хозяин своего тела. Получи же награду.

Внутри расплывчатого сплетения Гансовых манипуляторов стало формироваться нечто вещественное.

– Мы, Дети Разума, никогда не носим с собой ничего отдельного от тела, предпочитая создавать все необходимое из подручного материала и доступных элементов.

Через несколько секунд макроскопические руки Ганса протянули мне дары.

Йо-йо и пец-конфетницу.

Я тупо уставился на подарки.

На йо-йо не было никаких товарных ярлыков, он был сделан из какого-то странно скользкого материала, который не удавалось рассмотреть: он словно отталкивал взгляд, тот соскальзывал с него, как вода с утки.

Пец-конфетница была традиционной знакомой конфетницей, украшенной игрушечной головой, на которую полагалось жать, чтобы добыть конфету.

Голова принадлежала Ричарду Никсону.

– Ты издеваешься надо мной, да? Это и есть исполнение всех моих желаний? Игрушка и горсть конфет? Ты что, тупой? Или просто редкостный садист?

– Прошу тебя, Пол, не нужно спешных выводов. Позволь мне объяснить.

Эта «игрушка» – просто удобная оболочка для изумительного устройства. Это совсем не тот обычный йо-йо, какие есть у вас. Я предлагаю тебе в дар устройство для перемещения между пространствами и измерениями. Оно совершенно идентично

тому, которым пользуюсь я, только мое устройство встроено в меня.

Основа этого йо-йо – его нить, струна.

– Космическая струна!

– Если объяснять на пальцах, то космическая струна – это устойчивый математический дефект вселенной, внутри которого находятся останки исходного десятимерного вещества в состоянии континуума высокой степени симметрии.

Я почесал в затылке.

– Ну что ж, верно. Но разве такая штуковина не должна весить триллиарды тонн? Почему твой йо-йо не отрывает руку и не проваливается под землю?

– Без защиты йо-йо опасен именно настолько, как ты говоришь. Но струна защищена «странной материей», покрытием, найденным нами во вселенной с иными физическими законами, чем в твоей. Узел на конце струны тоже состоит из странной материи, катушка также.

Внутри катушки спрятан псевдоразумный компьютер, в память которого введены координаты всех известных вселенных, где побывали Дети Разума, а также общая система навигации и поисковые подпрограммы для путешествия к новым вселенным. Если ты запустишь йо-йо и раскрутишь космическую струну, этот компьютер заставит струну резонировать через временные разрывы в покрытии из странной материи, или мерц-покрове. Представь себе этот процесс как пульсации гравитационных волн, испускаемых через миллиарды раскрывающихся и захлопывающихся ставень. Под их воздействием наше физическое тело сжимается, уменьшается и отправляется по нужному пути, пробуравленной червоточине. Тебе не нужно задумываться о том, как действует устройство, нужно только задать адрес, подобно вашей примитивной системе электронной почты.

С твоего разрешения, я сейчас настрою на тебя этот компьютер, с тем чтобы ты, едва подумав о желаемом месте назначения, мог сразу отправиться в путь. Или, если тебе так удобнее, можешь отдавать команды голосом.

– Я правильно понял, что этот умный чип в твоем йо-йо будет служить моим проводником и всегда, в любых обстоятельствах, подскажет мне верное решение...

Ганс выглядел озадаченным.

– Конечно, нет. Как тебе могла прийти в голову такая глупость? Для существования и развития разума необходимы внешние входные сенсоры. У этого йо-йо таких сенсоров нет. И для чего нам обрекать разум на вспомогательную роль? Нет, это просто прибор.

– Ну а что насчет конфет?

– Как ты убедишься, этот йо-йо будет связан только с тобой. Однако может сложиться так, что тебе захочется распространить сферу его воздействия на другую личность. Кстати, эта же самая сфера воздействия будет защищать тебя при странствиях во вселенных, враждебных жизни. Но если ты захочешь взять с собой одного или нескольких спутников, предложи им проглотить резонаторы, хитроумно замаскированные под конфеты и уложенные в эту конфетницу-дозатор.

Что ж, похоже на правду.

Так мне показалось.

12
Стать бродячим псом

Одно только продолжало меня беспокоить.

– А при чем тут голова Никсона?

– Я надеялся, что облик Спасителя будет вдохновлять тебя во время странствий.

– Это Спаситель?

– Естественно. Человек, который единолично защитил Землю от инопланетного вторжения, отдав себя с экспериментальными целями в руки похитителей, и потому стал традиционным идолом для всего человечества.

– Гм, Ганс, у нас тут ничего такого не было.

– Не было?

– Нет. Но мне послышалось, ты сказал, что наши миры до двадцать первого века развивались параллельно...

– Подожди минуту, я проанализирую данные... Понятно. Небольшая ошибка привела к тому, что я отклонился от намеченного пути в сверхпространстве.

– Значит, я даже не тот Пол Жирар, которого ты выбрал?

– Да, боюсь, ты не тот человек. Но это неважно. Мы, Дети Разума, очень легко приспосабливаемся. Ты хочешь, чтобы я придал голове на дозаторе резонаторов чьи-то менее известные черты?

– Нет, пусть остается. Он будет мне напоминать обо всем, что я покину.

– Значит, ты согласен принять мои подарки?

– А почему бы и нет? Кроме того, разве у меня есть выбор?

– Я уверен, что ты поступаешь верно, Пол. Ты очень расстроен, и я заметил это с самого начала, но это излечивается коренной переменой обстановки. Теперь ты ограничен лишь собственным воображением. Ведь только представь – перед тобой лежат все миры, какие только способно создать человеческое воображение! Не сомневаюсь, что ты сумеешь разыскать место, где будешь счастлив. При желании ты сможешь побывать в любом из фантастических миров, описанных в романах! Все эти миры, порожденные бóльшим или меньшим отклонением от начальной временной линии, реально существуют в сверхпространстве!

Я оглянулся по сторонам, на книги, которые ненавидел, и почувствовал, что меня вот-вот стошнит.

– Поверь, это последнее, чего я хочу!

– Тогда, возможно, ты захочешь навестить одного или

несколько своих двойников в параллельных временных линиях.

Тошнота усилилась.

– И о чем я буду с ними говорить? Когда встречу себя, единственное, чего мне захочется, – снести этому неудачнику башку и покончить с его жалкой вонючей жизнью! Нет, настрой свой йо-йо так, чтобы он не позволял мне исполнять такие идиотские желания. Никаких фантастических миров и никаких близнецов.

– Как хочешь, Пол. Теперь вот что: я вижу, ты правша. Мне не хотелось бы лишать тебя твоего главного манипулятора. Поэтому протяни мне левую руку.

Я сунул ему руку. Манипуляторы Ганса обвились вокруг моей пятерни.

Прямо у меня на глазах кисть моей руки превратилась в странную материю. Ощущения в руке не изменились, поэтому я сообразил, что рука осталась прежней, лишь обрела наружное покрытие.

– Это небольшое изменение необходимо, чтобы ты мог пользоваться космической струной, – спокойно объяснил Ганс. Куст накинул петлю космического йо-йо на мой измененный указательный палец. Потом сунул пец-конфетницу в карман моей рубашки. Теперь оттуда торчала улыбающаяся голова Никсона.

– Вот, теперь ты полностью готов.

– Я уже могу отправляться? В любой из миров, в любую из вселенных?

– Да. Счастливо, Пол, и еще раз спасибо тебе за все подпрограммы твоей плоти...

Я перебил Ганса, потому что пожелание само сорвалось у меня с языка:

– Унеси меня как можно дальше в пространстве и времени от этого жалкого места.

Я крутанул космический йо-йо, и вселенная треснула и разверзлась с грохотом, подобным Большому Взрыву.

Выпало во второй раз

13
Король в ореховой скорлупе

Ганс, грязный, лживый похититель разума, должен был предупредить меня:

«Обдумай свой первый шаг!»

«Он не приведет тебя никуда!»

Там я и оказался.

Я попал в ничто. Там, где я очутился, не было времени, ибо прибыл сюда как раз вовремя, чтобы время остановилось, а пространство исчезло.

Сейчас (сейчас?) я застрял. Я не мог сориентироваться, потому что ориентироваться было не по чему. Не было начала, точки отсчета, а значит, и двигаться дальше было некуда. Отсчитывать время тоже было не от чего, поэтому я не знал, когда появился здесь.

В прошлом, в родной вермишелине, я часто чувствовал себя битловским «Человеком ниоткуда». Теперь я стал им на самом деле.

(Однако подсознательное чутье настойчиво подсказывало мне, что это место, куда меня занесло – где не существует пространства-времени – и есть на самом деле все и вся. Вот уж противоречие! Отличный парадокс!)

Тело у меня, похоже, все еще было, хотя обычного веса я не чувствовал. Как часть своего тела я отчетливо ощущал петлю йо-йо, присобаченную к моему левому, покрытому странной материей, указательному пальцу. В отличие от известных мне йо-йо, этот продолжал удерживаться на полностью раскрученной нити, причем нить бешено билась и вибрировала, модулируя пульс квантовой гравитации, исходящей от мерц-покрова.

Мне показалось, что йо-йо пытается приспособить себя и меня к тому странному месту, куда нас забросил мой дурацкий приказ.

Впрочем, все эти ощущения могли быть просто галлюцинациями, мнимыми воспоминаниями, ложными чувствами, порожденными жаждущим ощущений сознанием.

Я уже сказал вам, что ослеп и оглох? Или что внезапно весь свет и звук прекратили свое существование? Выбирайте, что нравится.

Даже дышал я еще или нет, непонятно; сомневался я и в том, бьется ли у меня сердце. Ведь дыхание и сердцебиение происходят во времени? Без времени как мог я делать вдохи и

выдохи? Как могло мое сердце сокращаться в этом безвременном нигде? Как можно определить количество ударов в минуту без минут?

Но предположим, что физиологические процессы все еще протекают нормально. Может ли мой метаболизм служить часами, которые нужны? Возможно. Но откуда мне знать, что мое тело функционирует как прежде?

Я понял, что ничего не понимаю даже о себе самом. И почувствовал страх и волнение. Потом сказал себе: «Пол, подожди минутку. (Минутку? О чем это я?) Ты же *мыслишь!* (По крайней мере, во мне происходило нечто, близкое к процессу мышления.) Разве мысль не занимает какое-то время? Наверняка нет. Или, возможно, длительность мысли имеет иную, вневременную природу? На память мне пришла некогда прочитанная фраза: времяподобная бесконечность. Возможно, сейчас я нахожусь как раз в таком месте? Хотя, наверное, правильнее было бы иначе, например: «бесконечноподобное безвременье»... Кто, черт побери, теперь разберет!

Голова у меня разболелась, и я решил больше не изводить себя подобными мыслями, если только это вообще были мысли.

Внезапно я проникся уверенностью, что все мои проблемы разрешатся, если я сумею избавиться от нигде и никогда. Мое ощущение изолированности теперь казалось мне ошибкой. Наверняка йо-йо создал вокруг меня нечто вроде капсулы с системой жизнеобеспечения, чтобы защитить от чего бы то ни было (или не было). Но это ошибка. Я должен смешаться с этим ничто, чтобы поделиться собой, потерять себя...

Во мне стало разливаться странное чувство апатии от бессилия, словно ничто потихоньку просачивалось в мою эгосферу. Я начал забывать о переживаниях, из-за которых оказался в таком положении. Ощущение походило на погружение в сон. Мое сознание продолжало интересоваться окружающим, но уже независимо от меня, бесконтрольно, перебирая странные мысли и образы.

Одним из них было явление диковинного на вид цветущего парня с мрачной физиономией, одетого в тугие штаны и камзол и с человеческим черепом в руке. Когда он заговорил, я понял, что это Гамлет.

– Я мог бы заключить себя в ореховую скорлупу и думать, что король бескрайнего пространства, – если б не злые сны мои.

14
Время вне времени

Тревожные, тяжкие перемежающиеся сны.

Я разговариваю с огромной бабочкой с роскошными пестрыми крыльями. Бабочка не переставая нервно раскручивает и скручивает хоботок и твердит: «Я право имею? Я право имею?» Прежде чем она наконец убедила себя, из неба появился огромный палец и раздавил бабочку, превратив ее в липкое пятно. Похоже, палец принадлежит огромной зевсоподобной фигуре в облаках. Та наставляет меня: «Если что-то повторяется, то оно всегда повторяется», потом подмигивает и исчезает. Липкое пятно, бывшее когда-то бабочкой, набухает и взрывается, породив орды мелких, похожих на ожившие конфетти странных тварей, которые принимаются покусывать мне колени. Я отбивался от них пинками: стоило мне прикоснуться, как это конфетти превращалось в пыль. Кто-то хлопнул меня по плечу, и я обернулся. Передо мной стояла девушка-хиповка, смахивающая на мышь. Тускло улыбнувшись, она посоветовала: «Не жги мозги, пока не перекрестишься». После этого девица раздулась выше горы, ее бедра стали как Большой Каньон. Она *была* горой, или изображением богини плодородия, сделанным из камня. Гора раскрылась, и на свет появился небольшой престарелый гном. Потянувшись ко мне сигаретой, он спросил: «Жизни не найдется, сынок?» И быстрым движением ткнул меня острой и твердой сигаретой прямо в сердце. Сигарета превратилась в змею и принялась высасывать из меня жизнь. Вокруг стояли двенадцать врачей, и каждый высказывал свое мнение.

– Запущенный случай меланхолии при мании величия.

– Осложненный одышкой.

– Что это у вас за гад?

– Только не говорите, что это типичный змей.

Я провисел среди этих фантомов несколько секунд.

Или эонов?

Или кальп?

Или юг?

Или просто сроков коих-то заплесневелой старушки Сами Знаете Кто?

– Нет времени для других миров, нет времени ни для чего. Нет времени для мальчиков и девочек, нет времени для веселья.

Кто-то нашептывал мне на ухо. Голос как у лесной феи, высокий и бесполый. Или она кричала?

– Открой глаза! Иди сюда играть! Мы ждем! Все уже здесь!

В глубинах сна я шевельнул пальцем, который то ли существовал, то ли не существовал, приказав йо-йо вернуться обратно в мою руку.

Как только йо-йо вернулся, моя скорлупа лопнула.

15
Встречайте – кальвинии!

Я был Здесь. Я был Сейчас.

После того как оболочка исчезла, в этом нуль-времени и нуль-пространстве исчезло и мое тело. Или, точнее, вся вселенная стала моим телом. Я был величиной с вселенную, и вся вселенная была размером с меня. Я был внутри вселенной, и вселенная была внутри меня, ее протяженность была неизмеримо мала и неизмеримо велика.

А где же йо-йо, мой билет на обратный поезд из этой передряги? Все еще слепой и глухой, но, со всей несомненностью получив новые чувства, о применении которых еще не имел понятия, я, казалось, чувствовал призрачное присутствие йо-йо – скорее потенциальную возможность, чем реальную действительность – где-то в чужеродном измерении, далеко-далеко, и все же вплотную к моей несуществующей коже. Я мог легко дотронуться до него...

– Привет! Так гораздо лучше!

Фея вернулась. Она витала совсем рядом, почти у моего предполагаемого локтя – водяной запах, апельсиновая отдушка, мягкая дымка, клубок перепутанного ничто.

Нет, подождите, она была *внутри* меня!

Я содрогнулся.

– Эй! Убирайся из моего тела!

– Из твоего *тела?* Что это такое?

– То, в чем я живу, отдельный ограниченный контейнер, где помещается мое Я. Мое очень личное пространство. А ты туда влезла.

– Здесь нет ничего, кроме везде, и везде тут одинаковое. Навечно и бесконечно. Может быть, это ты внутри *меня* . Никогда об этом не думал? К тому же, как мы с тобой можем разъединиться, когда бесконечное количество нас может проникнуть один внутрь другого одновременно? Конечно, не будь все таким крохотным, столько нас тут не уместилось бы. Если вдруг все укрупнится, для нас места тут вообще не останется!

– Ты несешь чушь!

– Это *ты* несешь чушь! Спроси кого угодно.

Неожиданно внутри меня появилась еще одна фея. Похоже, эта, вторая, выскочила из первой.

– Согласна. То, что он болтает, безумие!

Я начал злиться.

– А тебя кто спрашивает, дурья башка?

Из второй выпорхнула третья фея.

– Что за грубиян!

Появилась четвертая.

– Я бы не стала принимать это оскорбление чересчур близко к сердцу! А я – это ты.

– И я точно так же думаю, – объявила пятая. – И это вам прекрасно известно.

Теперь феи роились и гудели точно пчелы. Вскоре внутри меня было полным полно бессчетных фей, и каждая выкрикивала собственные глупые советы и замечания.

– Чего ты хочешь от холодненьких?

– Может, нам стоит тебе все разъяснить?

– Да к чему нам беспокоиться?

– Знаете, это ведь мне удалось выковырять его из пузыря...

– Да, а кто первым пригласил его сюда, глупая ты болтушка?

– Заткнуться! Всем молчать!

Я сорвался: эти голоса в моей голове сводили меня с ума! К счастью, тишина восстановилась.

– Отлично. Теперь объясните, кто вы такие, бесплотные бездельницы?

Каким-то образом мне удалось отличить голос первой феи, чуть непохожий на другие.

– Можешь называть нас кальвиниями.

– А у вас есть личные имена?

– Кажется, нет, – ответила она. – Или, лучше сказать, меньше одного имени, но больше, чем совсем ни одного. Ну, если хочешь, можешь называть меня Кальпурния!

– Ну что ж, Каль, тогда расскажи мне, куда я угодил, и я уйду.

Феи тихо зашушукались.

– Ты уйдешь? А почему ты не хочешь остаться тут навсегда? Это же рай!

– Рай? – фыркнул я. – У меня нет того, к чему я привык, у меня нет тела, и к тому же тут нет места, о котором можно сказать: «Я здесь». И вы называете это раем?

– Что ж, если хочешь, можешь называть наш дом как-нибудь по-другому.

– Например?

Хор голосов был мне ответом.

– Моноблок!

– Космическое Яйцо!

– Пресингулярность.

– Бесконечность!

– Альфа и Омега!
– Первородное Семя!
Только теперь я с тоской наконец понял, где оказался.

16
Назад, в сад

Будучи в «Стране книг», я указал йо-йо перенести меня как можно дальше от моего исходного времени и места.

Я не задумывался о том, как кибернетическое устройство исполнит этот приказ, пользуясь своим псевдоразумом (притом, вероятно, более сметливым, чем мой).

Мне казалось, йо-йо перенесет меня куда-нибудь на край моей вселенной, куда-нибудь за шестнадцать миллиардов световых лет от Земли, и это представлялось мне вполне сообразным с моим запросом. Или, может быть, окраина некой параллельной нам в сверхпространстве вселенной будет расценена как «еще дальше» из-за некой абстрактной «дву-мать его-смысленности».

Но что тогда с временной составляющей моего дурно обдуманного запроса?

Как я теперь понимаю, йо-йо пришлось выбирать одно из двух.

Он мог перенести меня в параллельную вселенную на стадии огненного умирания, во вселенную на многие миллиарды лет старше моей, где даже протоны уже распадаются в своей дряхлой бесполезности и где пердеж светит ярче, чем новая. Но даже эта постэнтропическая стадия космоса располагалась на вполне определенном, не бесконечном расстоянии во времени.

Единственной альтернативой, отвечающей моему безумному приказу, было унести меня в максимально далекое прошлое. К исходной точке всех вселенных, туда, где время еще не существовало.

Назад, к сингулярности, предшествующей Большому Взрыву. Обратно к невыразимо малому, невообразимо плотному, неописуемо горячему комку, содержащему в себе всю потенциальную материю, и энергию, и законы будущей вселенной. Назад, к изначальному раю, где пространство и время окончательно соединились и оба исчезли; где была восстановлена полная симметрия, а средой обитания была случайная, виртуальная, вероятностная пена, подобная субквантовому крему для бритья.

И где – поразительно – жизнь все же смогла зародиться и – как ни удивительно и вопреки всяким ожиданиям – продолжать существовать.

В форме легчайших, энергичных, самоуверенных идиоток.

В точности как в моем родном мире.
Насколько я себе это представлял.

17
Дряхлый старец – горячим знойным молодцам

– Браво! Мы знали, что в конце концов ты поймешь!

Кальпурния обратилась ко мне от лица всех кальвиний.

– Ты все еще сидишь в моих мыслях? Пошла вон из моей головы!

Фея хихикнула.

– У тебя больше нет головы! Твои мысли – это наши мысли, а наши мысли – твои.

– В самом деле? Знаешь, мне не хотелось бы об этом говорить, но я не слышу твоих так называемых мыслей. Мои мозги – только мои мозги.

– Это потому, что мы оберегаем тебя, пока ты не привыкнешь к здешним условиям.

– Ну-ка докажи.

Она с этим не замедлила.

На следующее длящееся вечно мгновение я стал одной из кальвиний – всеми кальвиниями, которые только существовали или будут существовать. Я получил полное знание об их истории и настоящем, причем первое обнимало не менее тысячи лет.

Ганс объяснил мне, что каждая вселенная соединена с другими посредством бесчисленных червоточин на субпланковом уровне. Эта вселенная, какой бы невообразимо малой, удивительной и примитивной она ни казалась, не была исключением. Ведь как бы то ни было, я попал сюда через некие червоточные проходы, верно? И это доказывало, что эта вселенная, предшествующая Большому Взрыву, соединена с моей и – что могли подтвердить кальвинии – со многими другими вселенными тоже.

Помимо странных пришельцев вроде меня, в Моноблок через червоточины из сестринских вселенных проникало не так уж много частиц. Но из более старых, более холодных, до жути симметричных вселенных в континуум кальвиний проникала информация.

Образы, взаимоотношения, отличия, знание.

И эта информация породила кальвиний.

В общих чертах кальвинии – это стабильный резонанс высоких вероятностей в субквантовой пене сингулярностного Яйца, порожденный случайными взаимодействиями соприкасающихся частиц.

Самые первые кальвинии стояли на очень низком уровне по интеллектуальной шкале, были только потенциально разумны. Однако, раз возникнув, они стали практически бессмертными, а также были способны обучаться за счет утечек из входящего инфопотока. В настоящее время феи были высокоразумны, а также обладали, по естественным причинам, вычурным и ограниченным взглядом на существование окружающего. Уж не говоря об их своеобразном чувстве юмора. Как только рождалась новая кальвиния, их «всеобщая культура памяти» мгновенно становилась ей доступной в полном объеме.

Я выскочил, подобно пузырьку, из одной из червоточин, помещенный в защитное поле йо-йо, предохраняющее от воздействия сингулярностной пены. Стоило мне снять защиту йо-йо, и я подвергся воздействию сумбура неосуществленных возможностей, представляющего привычную среду обитания кальвиний.

В настоящее время я существовал ни более ни менее как в одной из кальвиний, в (будем надеяться) стабильной форме океана высокой степени странности.

Отце Большого Взрыва.

18
Я маленький чайник, приземистый и пузатый

– Что, слишком много всего за один раз?

Учительский тон Кальпурнии вновь привел меня в себя. Не знаю, но, возможно, пожалев меня, она восстановила вокруг моей физической личности, по крайней мере частично, защитное поле.

Вынырнув «изнутри» кальвиний – или изгнав их из себя, – я обнаружил, что мое восприятие стало куда лучше соответствовать моему сознанию. Окружающий Моноблок стал восприниматься четко.

Подобно тем керамическим профильным фигурам, которые представляют собой нечто среднее между вазами и человеческими профилями, внутренность вселенной распространилась в моих новых «глазах» в диапазоне от очень малого до невероятно большого. При этом не прекращалось мельтешение этой вселенной. Вероятностная пена пребывала в вечном «движении», мерцала, вспухала, вздымалась, прыгала, расцветала, втягивалась, растягивалась, ломалась, переворачивалась, трепетала – в общем, вела себя как сексуально перевозбужденный подросток с пляской святого Витта. Изумительные топологические изъяны, дефекты и слизкие пятна постоянно образовывались и разрушались в безумном танце плодоношения.

Этот вечный калейдоскоп судорог мира внушал гипнотический покой, и мне пришлось усилием воли заставить себя оторваться от созерцания, чтобы ответить Кальпурнии:

– Э-э, нет, я вроде бы...

– Тебе еще понравится, – проговорила она.

Я обернулся к ней и открыл, что сама Кальпурния была не чем иным, как уродливым топологическим монстром с сотнями извивающихся щупалец, раздваивающихся и шевелящихся, в целом заметных только по подобию стабильности посреди хаоса.

Внезапно каким-то образом я увидел «себя» с ее точки зрения и обнаружил, что «я» нынче помещен в нечто похожее на рогатый чайник с до-хрена-мерной ручкой и несчетными наростами.

– А ты хорошенький! – заметила Кальпурния.

– Э-э-э, спасибо. Ты тоже.

Различные исследования, которые мне попадались, оценивали средний интервал между мыслями о сексе у обычного мужчины от тридцати секунд до пяти минут. В этом спектре я был

когда-то с самыми страстными. И теперь почувствовал, что непристойные мысли об амурах в сингулярности поднимают во мне волну эротического настроения.

– Гм? Кальпурния, а где все? – спросил я.

– Тут. А где еще им быть?

– А почему я их не вижу?

– Потому что смотришь не в ту сторону.

– А в какую сторону мне надо смотреть?

– В любую, куда ты до сих пор не смотрел.

– Ну и куда, например?

– Ана, ката, вчервниз, завтверх. Гиперплюс и субминус. Афт, бафт и нафт. Я назвала десять?

– Нет, девять.

– Ах, я чуть не забыла тильду.

– А разве тильда – это направление?

– Ну, мы туда не слишком часто смотрим.

Я развернул по сторонам свои новые чувства, представляя, будто пытаюсь укусить собственный локоть или разглядеть свой затылок через собственную макушку, стоя на табуретке. Потужившись некоторое время, я наконец усмотрел остальных кальвиний.

Насколько мне удалось разглядеть, кальвинии были чем-то заняты. По мере того как из внепространственно-безвременной вероятностной пены возникали новые монструозные топологические зародыши, кальвинии вились вокруг них, придавая форму, ухаживая, изменяя и всячески прихорашивая.

– Чем это они заняты?

– Я объяснила все твоему вчервнизу.

Через минуту я уже почти смог «вспомнить» объяснения. Но призрачные воспоминания тут же улетучились.

– Не могла бы ты объяснить еще раз?

Кальпурния вздохнула.

– Думаю, могла бы.

19
Я старичок-часовщик

Вот краткий пересказ ББББ Кальпурнии.

Кальвинии занимались садоводством, ухаживали за почвой своего измерения. В этом заключалась их единственная обязанность, а также забота, отрада и времяпрепровождение: хобби, религия и работа – все чохом.

Растения, которые они старательно «возделывали», были аккуратными, весьма любопытными, жизнеподдерживающими вселенными периода после Большого Взрыва – типа той, откуда я явился.

В моей вселенной ученые долго ломали головы над некоторыми свойствами наблюдаемой вселенной.

Откуда, например, такое единообразие на огромных протяжениях?

Каким образом такие гигантские структуры, как галактики и скопления галактик, возникли и развились из гомогенного Космического Яйца?

Чем объяснить текущее преобладание материи над антиматерией, хотя во время взрыва, который дал начало вселенной, и та и другая должны были появиться в равном количестве?

Каким образом физические параметры, измеренные в наше время и век, – например гравитационная постоянная или заряд электрона, – получили свое чисто случайное значение, которое сохраняют по сей день?

И наконец, непременно ли вселенная должна была породить жизнь в ходе своей эволюции?

Короче говоря, ученых ставили в тупик аспекты той же Онтологической Закавыки, которая недавно сломила мой дух и тело.

Лучший ответ, какой им удалось найти до сих пор, был порождением скорее философских изысканий, чем научных. Ответ назывался «антропологический принцип» и вкратце сводился к следующему: «Единственная причина, почему на этот вопрос есть ответ или почему этот вопрос может быть задан, в том, что мы задали его. А единственная причина того, почему мы здесь и задаем этот вопрос, в том, что вселенная развивалась именно так, чтобы это произошло».

В общем, не менее веско, чем «мама так сказала», но это было единственное, до чего они дошли умом.

Положив разум непременной частью развития вселенной, космологи были правы как никогда. И шли верным путем. Как я сегодня понял, они просто не сумели пройти достаточно далеко.

Наши вселенные были *искусственно сконструированы* и нарочно снабжены различными константами и потенциальными возможностями.

Проектировщиками и строителями были кальвинии.

Тут, внутри Яйца, они выравнивали и растягивали вероятностную пену. Используя информацию, которая просачивалась из предсуществующих вселенных, как основу моделирования и шаблоны, кальвинии точно строили и подправляли все образцы, которые в дальнейшем приводили к появлению постоянных упомянутого типа.

Кальвинии были воистину воплощением программирования непосредственно в кодах. Они жили прямо среди пенных кусочков и частиц бытия и программировали появление на свет пространства-времени.

20
Пасть раскрыта, хвост поджат

Выслушав Кальпурнию, я пришел в страшное возбуждение.

– Но это же все объясняет! Онтологическая Закавыка разрешена! Все существует благодаря кальвиниям!

– Верно! – с энтузиазмом согласилась Кальпурния. – Старые вселенные послужили моделями, но и их создали *свои* кальвинии. Те кальвинии в свою очередь брали за образец другие, более старые вселенные, созданные другими кальвиниями, а те использовали более старые вселенные...

– Постой-ка, постой. Но где у этой бесконечно убывающей последовательности конец? Или начало?

– Понятия не имею! Ты говорил так уверенно, что я подумала, *ты* знаешь!

21
Ночные огородники

Я был до того потрясен постигшим меня жестоким разочарованием, что никак не возразил, когда Кальпурния заявила: пора на работу вместе с остальными. Хотя мне еще ни разу не заявили в открытую, что я должен «зарабатывать себе на хлеб», у меня создалось впечатление, что безделье и откачка энергии на дармовщинку тут не поощряются.

– Пошли со мной, Пол, – позвала Кальпурния и быстро исчезла.

– Эй, Каль, погоди! Куда ты пропала?

Она снова вынырнула рядом со мной.

– Смотри внимательней, дурачок!

На этот раз я посмотрел внимательней и сумел повторить движение Кальпурнии: простую комбинацию движений ана, гиперплюс и бафт.

Мы оказались на широком поле сгруппированных вероятностей, произрастающих в виде раскачивающихся архитектонных перстов и пульсирующих кораллобразных, круглых, как мозг, выростов. Кальпурния указала в сторону одного из выростов.

– Вот очень перспективный юнец. Мы можем обработать его и пригладить – глядишь, и выйдет что-то путное.

– Каким образом?

– Просто вспомни вчервниз, и все поймешь.

Я попытался последовать ее совету, и в моей памяти появилась информация. Все навыки и приемы «огородничества», отшлифованные поколениями кальвиний, оказались в моем распоряжении. Я понял, в чем суть этого процесса и как добиться лучшего результата. И с воодушевлением принялся за работу.

– Отлично! – похвалила Кальпурния. – Вот тут пригладь его своим ритмом – отлично! Теперь давай сам. А я буду недалеко.

Очень быстро я начал *проникаться* этой работой.

Пусть я и не был Первым Огородником и Созидателем, по крайней мере занимался чем-то более полезным, чем все, что делал раньше.

Гипнотическое, хаотическое разнообразие субквантовой пены в сочетании с моим рабочим танцем порождало бездумное, инстинктивное ритмическое психоментальное состояние, близкое к нирване.

Я был пеной, и пена была мной. Вместе мы воплощали в

бытие грядущее, бросали нашу общую тень на пространственно-временной континуум, неявно имевшийся внутри Великого Яйца.

Нигде и никогда не существовало такое нечто, как Пол Жирар, не было проблем и бед, связанных с этим именем. Я был просто одним из термитов в термитнике, еще одной рабочей пчелой в улье.

Пых, пых, пых! Хлоп, хлоп, хлоп!

Вполне возможно, что я проработал таким манером дольше, чем существовала моя старая вселенная. Или, может быть, всего несколько часов. Я сформировал потенциалы, которые однажды станут деревьями, звездами или плохими книгами. Как бы там ни было, когда Кальпурния вернулась, я не сразу сумел выйти из своего транса.

– Ого, ты тут неплохо управляешься! – поздравила она меня. – Думаю, ты заслужил секс!

22
Любовные упражнения

Зачарованный нескончаемым движением пены, я чувствовал себя рабочей пчелой, призванной Королевой Пчелиной Маткой для спаривания. Мне не пришло на ум спросить, каким образом осуществляется секс среди кальвиний, в мире без рождения и эволюции в том смысле, в каком они известны людям. Возможно, кальвинии кое-чему научились, наблюдая за более холодными, выродившимися мирами. Может быть, это понятие сюда внес я, кто знает.

Но в чем может выражаться секс между этими перекрученными спиральными созданиями, я понятия не имел.

Я помялся.

– Ну, конечно, если ты хочешь...

– А как же! Мы все хотим!

– Кто это «все»?

Нас с Кальпурнией мгновенно окружило множество других неизвестных кальвиний.

– Как же, вот они мы! – воскликнули они и тут же «исчезли» внутри Кальпурнии, засосавшись нафт и вчервниз в одно из ее телесных отверстий.

Сформировав одну из своих ручек, Кальпурния призывно протянула ее ко мне.

– Ты готов, дорогой?

– Что я должен делать?

– Топологически двигайся ко мне, любимый! Примени ко мне высшую математику, детка! Выверни меня наизнанку! Сожми и стисни! Тензоры и закрученности, а также странные аттракторы так меня заводят! Может быть, начнем с небольшого расчета, а?

Я попробовал исполнить указание.

Постепенно, помогая друг другу, мы с Кальпурнией сумели завести друг друга.

Я при помощи математических концепций толкал и заводил ее резонансные частоты, а она гладила и умащивала меня. Поражало то, что я ощущал все, что делал ей, понимая, что сама она чувствовала все, что делал ей я. Происходящее напоминало мастурбацию настолько же, насколько и секс.

В итоге мы оба приблизились к оргазму.

– О, сунь же мне это большое уравнение, мой богатырь!

Вечность снизошла на нас одновременно.

23
Лилит Калипсо

Я снова вернулся на поля Господа, где взялся за божественную механику. Не думая ни о чем, я сглаживал и прищипывал, подвергая пластической хирургии еще не рожденные вселенные. У меня не было целей, не было плана, не было побуждений. Ни прошлого, ни будущего, а может быть, и настоящего. Я был доволен и утолен.

И тем не менее. Тем не менее. Некий крохотный демон неудовлетворенности поднимал голову (а в таком необычном месте, как это, даже крохотная неудовлетворенность может оказаться огромной).

Этот ли мир станет лучшим плодом моих недолгих стараний? Это ли мир лучший из тех, что я могу разыскать при помощи подарка Ганса? Оказался ли я там, где захочу провести вечность?

При помощи своих получивших новый опыт чувств я попытался дотянуться до йо-йо. Мне почувствовалось – или показалось, что почувствовалось, – будто я все еще держу стержень с намотанной на него струной. Или это вероятностные шаблоны, ассоциируемые с этим? Я даже ощущал словно издалека свое старое тело с пец-конфетницей в нагрудном кармане. Вот, я могу шевельнуть пальцем...

Словно привлеченная моими мыслями, появилась одна из кальвиний. Поначалу я решил, что это Кальпурния. Потом заметил другие складки на ее ката поверхности.

– Привет, Пол. Я Калипсо. Спасибо за прекрасный секс!

– Гм, не за что.

– Как твоя работа?

– Прекрасно. По-моему.

Калипсо спустилась через шесть измерений и протиснулась внутрь меня. После чего объявила:

– Теперь мы можем поговорить откровенно, и она не подслушает.

– Кто? Кальпурния?

– Да. Мисс Десять Святейших Координат. Ответь мне, только правду. Ты же не болен и не пытаешься составлять будущие вселенные по ее скучным стандартам? Приятные милые стандарты и пропорции, все понятно, и результатом станет органическая жизнь. Сделала ли тебе что-то полезное органическая жизнь?

– Ну, как сказать, дело в том...

– Ах да, верно, я и забыла. Ты и сам был когда-то органическим. Но даже прежнее холодное пиво и куриные крылышки способны понять, что возможны гораздо более интересные и эстетически возвышенные будущие вселенные, лучше тех, что все время у нее на уме.

– Например?

В голосе Калипсо появились нотки алчности к извращениям.

– О, есть много способов смешения пространства и времени! Что ты думаешь, например, о создании континуума с очень большой космологической постоянной? Пространство-время будет выгнуто так, что свет не сможет двигаться по прямой дальше чем на сто метров! Или вот еще – мы можем внедрить закон общекосмического отталкивания и получить крутую антигравитацию! Будет клево! Представь, с какой головной болью столкнется любая цивилизация, какую мы там поселим? Они ни за что не поймут, с чего им на голову свалилась такая пакость.

– Господи, да ты злючка, Калипсо…

Кальвиния сделала внутри меня что-то, отчего появилась боль.

– Ой!

– Злючка? Я тебе покажу «злючку»! Мы тут веселимся вовсю. У нас есть власть и талант демиургов, но мы используем их только для того, чтобы штамповать по образу и подобию одинаковые вонючие незабудки, вселенную за вселенной! Нет, в этом измерении очень скоро все должно измениться. И если, когда мы начнем перемены, ты будешь не с нами, то против нас!

– Подумать можно?

– Хорошо. Только не целую вечность.

Я воздержался от выяснений, как в этом дурацком месте отличить вечность от когда-нибудь.

Калипсо выскользнула из меня.

– И помни, я очень благодарная – для своих друзей и помощников. Не одна Кальпурния умеет трясти матрицей.

Подкрепив свое обещание вероятностным взаимопроникновением и взаимоискривлением наших пространств, она удалилась.

24
Всем «пока»

После такой предвзятой отповеди Калипсо я понял, что пора отправляться дальше, бросив этот райский пенный сад.

Но я колебался – по одной причине.

Я не знал, как подействует на Моноблок активация космического йо-йо. Все-таки струна моего йо-йо, как следовало из слов Ганса, была из того же вещества, что и Моноблок. Кто знает, что случится, если я заставлю эту свернутую в петлю бесконечность трепетать по моей воле. (Вдобавок я понятия не имел, о чем буду йо-йо просить. Если я еще могу его о чем-то попросить, вот.)

Во всяком случае, мое появление это странное место пережило. Но я подозревал, что мой уход вызовет тут гораздо большее потрясение. Ведь эти дурацкие Моноблоки так неустойчивы. Они же то и дело лопаются, не так ли? Производят новые вселенные направо и налево, заменяя идеал и симметрию бедностью и нуждой. Хочу ли я взять на себя ответственность за этот переход?

С другой стороны, я не хочу оставаться тут и оказаться меж двух огней – между враждующими фракциями кальвиний. (Как могут появиться фракции среди идентичных индивидуумов внутри математической точки, я понятия не имел. Похоже, политика неудовлетворенности, бесчувственности, резания глоток предустановлена в манифестации сверхпространств изначально. Но, возможно, я просто не способен понять смысл игры, которую ведут со мной...)

«День» спустя после ультиматума Калипсо я спросил у Кальпурнии:

– Что случится с кальвиниями после того, как наконец произойдет Большой Взрыв?

– К тому времени многие уже переправятся по червоточным проходам в другие моноблоки, чтобы ухаживать за тамошними садами. Но некоторым из нас захочется посмотреть, чем станет вселенная, над набросками которой мы трудились, поэтому они задержатся здесь.

– Как же это возможно?

– Они оседлают волну.

– Волну чего?

– По большей части – первородных черных дыр.

Первородные черные дыры – мелкие объекты, появляющиеся

в первые мгновения Большого Взрыва, в отличие от больших и более поздних, возникших на месте погибших солнц.

– Послушать тебя, так окажется, что в моей современной вселенной кальвиний можно найти внутри черных дыр?

– Совершенно верно!

Я на секунду задумался.

– Но разве маленькие черные дыры не распадаются со временем в ничто?

– Так и есть! Именно потому мы стараемся разрастить маленькие дыры в большие и тем самым сохранить их существование. Там мы можем спокойно сидеть и впитывать всю информацию, которая течет к нам сквозь горизонт событий. Это потрясающе!

Таким вот образом я снял с плеч заботу о том, что своим исчезновением уничтожу всех кальвиний, положив начало первородному Большому Взрыву. Это все решило. Взрыв рано или поздно все равно произойдет, верно? И к тому времени мне лучше сделать отсюда ноги!

Но прежде чем я успел что-либо предпринять, Калипсо устроила шоу.

Хотя, может быть, это шоу продолжалось уже давным-давно.

Я успел заметить только, что минуту назад спокойно говорил с Кальпурнией, а в следующее мгновение они с Калипсо уже ожесточенно сцепились, словно кошки, покатились клубком, мелькая смешением сложных узоров на поверхности. Ни дать ни взять бой двух амеб на грязевом ринге.

– Сдавайся, несносная маленькая тварь!

– Никогда, ханжа ты сволочная!

Остальные кальвинии мало-помалу, принимая одну или другую сторону, тоже пустились трепать и таскать друг друга.

Я почувствовал, как субквантовая пена начинает бурлить и вздыматься, возбужденно реагируя на эту титаническую битву ангелов. И понял, что взрыв неминуем уже в ближайшие квазисекунды.

Мысленно я сформулировал желание – четко и предельно ясно.

Перенеси меня в то место и время, где я был по-настоящему счастлив .

Ухватившись как можно крепче за свой шанс – то есть йо-йо, – я проорал:

– Счастливо вам лопнуть, девочки!

Выпало в третий раз

25
Приятные попутчицы

Вдох.

Свет.

Звук.

Запах.

Я вернулся! Я снова внутри моего знакомого поношенного тела, накрепко приклеен к ограниченному четырьмя измерениями пространству-времени какого-то роскошного, распадающегося и неидеального мира, но главное – далеко-далеко-далеко от несносных забияк-кальвиний.

– Вот что он задумал, Каль!

– Он от нас так просто не избавится, верно, Кали?

Голоса Калипсо и Кальпурнии вдруг зазвенели в моей голове, резкие и насмешливо-злобные. Похоже, кальвинии решили отложить на потом свою распрю и идеологическую вражду.

Эти попутчицы, пусть и договорившиеся о мире и ненападении, были для меня крайне нежелательны.

– Черт, вы-то как сюда пролезли? Снова сидите у меня в голове?

– Конечно нет, глупыш. Этот примитивный орган не способен поддержать существование в этом мире разрушенной симметрии столь разумных, как мы, квантовых существ.

– Не обращай внимания на мысли этого убогого мечтателя.

– Но мы связаны с его нервной системой, и приходится выслушивать эти дурацкие мысли.

– Раз уж у нас есть сюда доступ, давай подкрутим ему гайки!

– Мы сидим в струне твоего йо-йо!

Как же я сразу не догадался! Ганс объяснял мне, что космическая струна есть остаток предшествующего Моноблока. Я и сам уже догадывался о единстве структуры струны и первородной материи в Моноблоке, где был недавно, прежде чем воспользовался йо-йо (драгоценные воспоминания о жизни в Моноблоке уже начали стремительно выветриваться и таять в моей памяти).

Но мне в голову никогда не приходило, что какая-либо из кальвиний, едва я решу оттуда отчалить, сможет ухватиться за мою струну и пробраться в мою игрушку. Хотя, судя по тому, что они умеют кататься на черных дырах по волнам Большого Взрыва, путешествие автостопом на дармовщинку – их вторая натура.

– И сколько вас тут?

– Одна.

– Две.

– Десять на десять в десятой степени!

Я махнул на это рукой. Какая разница, сколько их тут? И одной слишком много. Но поскольку я слышал всего два голоса, то решил считать, что их только парочка.

Внезапно у меня явилось ужасное подозрение.

– Вы, две, – вы проникли в мой йо-йо! Теперь вы сможете управлять им, влиять на его работу?

– Ну, не совсем.

– Но можем вносить возмущения. Точно управлять невозможно из-за принципа неопределенности. Когда мы пытаемся предвидеть, все становится очень расплывчато.

– Такая ситуация для нас в новинку, понимаешь?

– Но интересно смотреть на мир холодных, пользуясь твоими ограниченными чувствами.

– Точно! Я жду не дождусь, когда мы займемся сексом!

Упоминание о моих чувствах заставило меня вспомнить о глазах и ушах.

Впервые с того момента, как покинул Моноблок, я оглянулся по сторонам.

26
В мареве дыма травки

Разглядеть что-то удалось не сразу. Я видел цвета и геометрические фигуры. Потом понял, что пытаюсь глядеть в странных направлениях, которыми больше не владею. Шесть дополнительных измерений, доступных в Моноблоке, были сжаты здесь до обычного планковского уровня.

Наконец, протерев глаза и вернувшись к нормальному зрению, я увидел – и не поверил.

Я стоял в центре большой городской площади в окружении типичных американских домов двадцатого века, разной степени запущенности и разрушения. Посреди площади бил фонтан, стояли скамейки и по-летнему зеленели деревья. Кто-то запускал змея; играл самодеятельный духовой оркестр. Этакий американский город под названием Любой... если бы не одна вещь.

Люди.

Все, кого я видел, от малышей с редкими волосиками на макушке до седовласых бабулек, были одеты в традиционную хипповскую одежку.

Тут было больше клешей, чем в музее Сонни и Шер, больше кожи, чем в стаде бизонов, больше бахромы, чем на конкурсе исполнительниц танца живота, больше бандан, чем в военной зоне, больше сандалий, чем на Тайной Вечере. Начищенные пряжки отражали солнечные лучи, да так, что резало глаза. Грязные галуны и отделка на куртках и рубашках были украшены пуговками и дешевыми фенечками. Много пипла обоих полов ходило с голой грудью, в жилетках из кожаных лоскутов нараспашку, и тут было достаточно кручено-окрашенной ткани, чтобы Христо мог покрыть ею весь Рейхстаг.

Я не видел ни одной прически короче, чем по плечи, а у большинства населения волосы в среднем доходили до середины спины. От этих развевающихся локонов распространялись волны пачули и мускуса.

Но даже сильнее, чем одежда, меня поразило поведение горожан. Ни на одном лице нельзя было заметить типично делового, рабочего или покупательского «мне-нужно-срочно-успеть» выражения спешки и решительной стремительности. Люди прохаживались и глазели по сторонам, стояли и лежали, тут никому не было нужно торопиться на встречу или им просто некуда было спешить. Здесь определенно царило время «Моста

59-й улицы». В этой общей атмосфере расслабленности и покоя я вдруг осознал, до чего напряжен и забеган бывает средний гражданин моей родной Америки, который торопится даже в минуты, отведенные для отдыха.

И понял главную причину здешнего расслабленного спокойствия.

Трава. Косяки. Шмаль.

Целые тонны травы.

Практически у каждого, кого я видел, имелся здоровенный дымящийся косяк размером с сигару. Волны кумара висели в воздухе, словно автомобильный выхлоп, состязаясь с запахом тела, спрыснутого духами. (А, кстати говоря, куда подевалось огромное стадо машин, свойственное современной цивилизации?)

Потом меня озарило.

Благодаря йо-йо я вернулся в 1972 год.

Тот год был счастливейшим годом моей жизни. Мне исполнилось восемнадцать, я был уверен в себе, легок на подъем и свободен. Секс был доступен, с деньгами никаких проблем, музыка отпадная. У меня не было обязанностей, я не чувствовал, что мое время убегает. Общество вокруг меня, пусть и потерявшее в 1967-м немного своей аркадской невинности, было свободнее, чем когда-либо прежде или потом; богема, первые счастливчики из «детей цветов», уже проникли во все колледжи Среднего Запада и на все вечеринки с барбекю у бассейнов в Плезант-Вэлли. Несмотря на правительство тиранов, несмотря на войну, казалось, что любые перемены категорически и обязательно возможны.

В эти несколько месяцев уместилась моя личная Утопия, воспоминания о которой, быстро вырвавшиеся из рук и унесшиеся в прошлое, скрашивали последующие двадцать лет.

И вот теперь я вернулся в эти годы благодаря йо-йо, подаренному Гансом Моравекцем.

Я уже собрался выкинуть свой йо-йо. Для чего он мне теперь нужен? Но привычная осторожность заставила меня просто снять петлю с трансмодифицированного пальца и спрятать йо-йо в карман.

Пытаясь не выглядеть подозрительно и, несмотря на мою кондовую одежку, не выделяться в толпе, я двинулся к киоску с газетами, уже войдя в контакт и вдохнув кайфа этой густой, как на Венере, атмосферы, вбирая глазами жизнь этого замечательного места, такого же клевого, как пространство-время 1972-го.

Окинув взглядом выставленные на продажу газеты и журналы, я мгновенно выхватил дату, выведенную

психоделическими письменами на обложке «Национального оракула»: «1 мая 2002».

После чего продавщица газет, клевая молодая цыпка, подняла на меня глаза от своего комикса «Зап» и пронзительно заверещала!

27
По уши в дерьме

Забавно, что именно замечаешь в моменты опасности. Самые мелкие, малосвязанные с происходящим детали приобретают крайнюю отчетливость.

Например: продавщица заверещала, и я заметил на обложке ее комикса «Зап» заголовок: «Выпуск пятисотый!!! Легендарные мохнатые братья встречаются с удивительным свиномордом!!!» Я также заметил, что обложка помята и краски на ней расплылись, и весь журнал выглядит так, словно его напечатали на бумаге, сделанной из серой муки.

Наконец непрерывные вопли девушки привлекли к ней мое внимание, заставив оторваться от комикса.

Я нервно улыбнулся и пальцами неизмененной руки изобразил знак мира. Немного неточно и неуверенно, но вообще-то последний раз я показывал такое лет двадцать назад.

– Э-э-э, что за дела, сестренка? Могу я, э-э-э, «вписаться в картинку»?

Звуки, которые она исторгала, стали осмысленными:

– Шпик, шпик! Помогите! Помогите! Кто-нибудь, позовите Ангелов!

Оглянувшись через плечо, я заметил, что многие стоящие и вялоидущие вышли из своего удолбанного ступора и теперь смотрят на меня и на газетный ларек, и занервничал. Может, лучше покинуть этот континуум, пока события не зашли слишком далеко? На что решиться? Пусть все началось с криков, но здесь у меня были шансы почувствовать себя счастливым. Дома у меня такой возможности не было.

Так я стоял и колебался.

Кальвинии воспользовались паузой, чтобы вмешаться в мои сомнения. Я удивился, что слышу их, ведь я снял йо-йо, но предположил, что контакт йо-йо с телом позволяет им вести разговор в моей голове.

– Почему эта женская особь твоего вида кричит?

– Это часть брачного ритуала?

– Это тебя привлекает?

– Когда мы будем трахаться?

– Ох, можешь заткнуться? – крикнул я, по привычке обращаясь к кальвиниям вслух.

Но девчонка-продавщица подумала, что я обращаюсь к ней, и мигом ударилась в истерику.

– О господи, он совершил вербальное насилие! Принародно!

И она хлопнулась в обморок.

А меня схватил сзади за руки кто-то здоровенный, и грубый голос прорычал:

– Приятель, ты по уши в дерьме!

28
Попал!

Лапа величиной с окорок пребольно стиснула мне плечо и развернула. Я обнаружил, что нахожусь в центре огромной толпы, а мой противник не кто иной, как здоровенный детина байкерского вида. Этакий бородатый медведь, с пивным брюхом, в засаленной коже; из заляпанной моторным маслом и жутко грязной драной майки рвутся черные курчавые волосы, лопнувшие вены на отвисшей коже отмечают пути по различным соседним районам, от трущоб до гетто, нос лишь наполовину возведен заново, потом, видимо, кончились деньги. На голове у него красовалась плоская байкерская кепка, на околыше которой вышито курсивом: «КРОШКА».

Не успел я закончить осмотр задержавшего меня, как голос из толпы проорал:

– Гляди! У него в кармане! Это ж Хорек!

Пипл отпрянул, начал тыкать в меня пальцами и орать. Некоторые прикрывали руками лица, словно отгораживаясь от чего-то ужасного. Несколько придурков выставили вперед кожаные медальоны с символом мира, тем жестом, каким люди Средиземноморья выставляют два пальца – рожки от сглаза.

Я взглянул себе на грудь.

Из кармана моей рубашки лыбилась голова Никсона, украшающая пец-конфетницу.

Я сообразил, что в этом континууме исторический типаж Никсона представляет собою олицетворение гада, противоположного образу Спасителю человечества, которым он был во временной линии Ганса.

Проклятие на головы чертовых кибермителок!

Даже устрашающая громадина Крошка и тот содрогнулся, заметив у меня в кармане поганую образину.

– Ох, чувак, ты чо, хочешь, чтоб тебя *линчевали?* Как ты собирался маскироваться, если у тебя из карманов торчит *такое?*

– Я не маскируюсь! Я не шпик! Честно!

– Тогда кто ты?

Хороший вопрос.

– Я... гость...

– Откуда?

Уже лучше. Может быть, правда впечатлит их настолько, что они согласятся поверить моим словам и проникнутся сочувствием?

Выпрямив спину, я смело объявил:

– Я явился из иного измерения, с дружбой и добрыми намерениями, надеясь разделить совершенство и мудрость вашего мира.

Казалось, мое заявление произвело должное впечатление на толпу. Послышалось одобрительное бормотание, обсуждение, несколько подытоживающих реплик вроде: «Круто!», «Классно залепил!»

Крошка обрабатывал поступившую информацию с усилием и скоростью, типичной для одного из первых ламповых компьютеров. Потом он изрек:

– Может, это и правда. Но я не могу позволить тебе шляться по округе и будоражить народ, и потом, тебя могут просто прибить. К тому же ты и правда произвел *вербальное насилие* над этой куколкой. Так что придется тебя забрать, пусть с тобой разберется Суд Народной Солидарности. А пока давай-ка уберем с глаз долой эту мерзость.

Выхватив из моего кармана конфетницу, которая почти исчезла в его здоровенном кулачище, Крошка потащил меня через толпу, которая послушно расступалась перед ним.

– Это начало сексуального акта?

– Боже, надеюсь, что нет, – ответил я, плюнув на то, что меня еще кто-то слышит.

29
Мунчайлд

С заднего сиденья потрепанного «харлея» тюрьма казалась такой же, как все тюрьмы. За исключением одного: когда я вошел внутрь, то очутился в гораздо более обшарпанной кутузке, чем обычно бывает за границами Миссисипи. Тут не только плиточный пол был щербатым, а кое-где грязным до чрезвычайности, и лупилась краска на стенах, но и двери были сорваны с петель, в окнах недоставало рам и стекол, а вода, подтекающая из труб, оставила на потолке пятна цвета отчаяния.

Пока меня записывал в книгу еще один Ангел ада, сидящий за трехногим столом, недостающую ножку которому заменяла стопка книг, я не сдержался и спросил, уповая, что удачно подделываюсь под местный сленг:

– Че за убогая дыра, чувак? Даже у гослегавья псарни получше.

Ангел ада за столом вроде как растерялся, и Крошка поспешил ему на выручку.

– Знаешь, приятель, нам очень немного удается высосать из общественной сиськи. Есть разные штуки поважнее, на что нужно тратить общественные бабки, – верно, парни? Кроме того, сегодня творится не так уж много всякой антисоциальщины, так что нам ни к чему держать много всяких темниц и зон, как это бывает у всяких фашистов. Конституционные концентрационные казематы, которых в АмериКККе прежде было много, мы сровняли с землей.

По тому, с каким видом это был сказано, я понял, что такова сегодняшняя политика партии, и спорить не стал.

Но когда Ангел обхлопал мои карманы и в конце концов вытащил на свет божий йо-йо, я решил бороться.

– Эй, стой-ка! Отдай! В этом нет никакой опасности! А мне эта штука нужна.

Я сумел высвободить левую руку и дотянуться до йо-йо.

Раздался слабый голос Калипсо:

– Пол, что происходит...

Потом меня снова скрутили, а Ангелы принялись разглядывать йо-йо. У меня перехватило дыхание, когда они несколько раз попробовали запустить его, но ничего особенного не случилось. Йо-йо слушался только меня одного, как обещал Ганс.

Тем временем Тони расчухал, что моя левая рука выглядит необычно, и принялся рассматривать ее подвергшуюся

метаморфозе поверхность.

– Круто, – подытожил он наконец. – Очень полезно в драке, приятель. Ладно, Дурной Палец, пошли, пора тебе бай-бай.

Я был до того потрясен и сражен утратой йо-йо, что даже не протестовал против присвоенной мне дурацкой клички. Я позволил отвести себя вниз по плесневелой лестнице и дальше по облупленному коридору в камеру.

Тони втолкнул меня в узилище, и двери за мной захлопнулись.

Я огляделся и обнаружил спартанскую обстановку. На одной из коек сидел мой сокамерник.

Наверно, голова у меня не слишком хорошо варила после всего, что произошло, поскольку иначе меня наверняка бы потряс пол моего сокамерника. Тощая, как скелет, в бесформенных джинсах, в свободной вышитой крестьянской мексиканской рубашке и сандалиях, с тухлым, словно стоялая вода в луже, выражением лица, обрамленного прямыми, непонятного оттенка волосами. Вялая, с глазами цвета табачного сока, моя соседка была из тех безобидных невзрачных и бессмысленных персонажей, которым на роду написано не знать иной любви, кроме материнской.

– Э-э-э, привет, – вежливо произнес я. – Я – Пол.

Когда она заговорила, я был приятно поражен глубиной и прелестью ее голоса. Это была удачная компенсация за невзрачную внешность.

– А я – Мунчайлд.

Я протянул руку. Она тоже. Кисть была вялой, словно дохлая рыба.

– Приятно познакомиться, – продолжил я. – За что сидим?

Мунчайлд печально потупилась.

– За девственность.

Я не нашел, что сказать.

В голове вертелось только жестокое: «О, да, могу поверить!»

30
Прополка грядок, так или иначе

– А ты за что? – спросила Мунчайлд, и я с благодарностью принял предложенный ею гамбит, дабы избежать дальнейшего обсуждения ее изумительного преступления. По крайней мере сейчас.

– Да как сказать... меня взяли за употребление грубых слов, которые не покоробили бы даже мою бабушку. Все это ужасное недоразумение. А еще меня подозревают в том, что я шпик.

Мунчайлд вытаращила глаза.

– Я всегда считала, что шпики – они как дьяволы. Никогда ни одного из них не видела. И надо же, именно я на шпика и напоролась! Ничего интереснее и важнее со мной в жизни не случалось!

На родной Земле никто никогда не звал меня чуваком или пацаном, хотя я всегда лелеял надежду, что в чем-то я аутсайдер от мейнстрима. Но дома никто и никогда не путал меня с полицейским стукачом, так что здешние постоянные обвинения в том, что я шпик, начинали меня доставать.

– В том то и беда! Я не шпик! Может, по сравнению с вами я и похож на шпика, но я не шпик.

– Тогда кто ты?

– Пришелец из другого измерения.

Мунчайлд мрачно кивнула.

– Что ж, могу представить. Это получше будет. В таком разе ты прикольней и с тобой лучше знаться, чем со шпиком.

Внезапно на меня навалилась ужасная усталость. Я не ел и не спал с самого дня своего отправления. Может, и не так долго, сколько с тех пор, теоретически, прошло времени (и кто знает, сколько длилось мое единение с Моноблоком?), но мне казалось, что с тех пор минула вечность.

Я хлопнулся на койку и закрыл глаза.

– Вот и отлично, Мунчайлд. Я рад, что за такой короткий срок знакомства удалось внести в твою жизнь столько перемен. Что с нами сделают теперь?

Мунчайлд безнадежно вздохнула.

– Не знаю, какие у них наказания для шпиков. А меня скорее всего отправят в траходром. Хотя я не теряю надежды и надеюсь выторговать марихуановую ферму.

Я молчал целую минуту. Потом – как я надеялся, спокойно и рассудительно – спросил:

– Мунчайлд, как ты смотришь на то, чтобы рассказать мне немного о вашем замечательном мире?

31
В завтра через вчера

Далее приводится рассказ девственницы Мунчайлд в моей обработке: очищенный от непонятностей и метафор, с привязками ко времени, моими догадками и логическими дополнениями. (Как оказалось, ей было всего девятнадцать, она родилась в 1983 году и по сути дела знала историю родной страны примерно так же, как я – подробности Гражданской войны: в виде салата из легенд, втиснутых в пару слов биографий великих людей, примерных мест действия и сомнительных подробностей. Как я вскоре понял, кашей в голове Мунчайлд в заметной степени была обязана характеру здешнего школьного образования.)

Ну, тем не менее.

В году 1972-м в мире Мунчайлд Ричард Никсон был ужасным мерзавцем.

Его подкосила попытка покушения на Артура Бремера во время его предвыборной кампании. В результате представление Никсона о целях деятельности резко изменилось.

Подобно загнанному в угол злобному грызуну, который прижимается брюхом к земле, – отсюда и его позднее вошедшее в широкое употребление прозвище «Хорек», – Никсон многократно усилил явные и неявные преследования недругов. Внутренний шпионаж, подслушивание, легкость вынесения смертных и пожизненных приговоров, провокации, комендантский час, грязные уловки, спланированная дезинформация в главных органах печати – набор мерзких штучек Никсона в этом мире был гораздо шире и пакостнее.

Одновременно он многократно усилил и ужесточил военные действия во Вьетнаме.

Получая помощь и поддержку от Эгню, Гувера, Вестморленда, Киссинджера, Билли Грехема, своего Кабинета и сонма меньших сошек – торговцев, водопроводчиков, аферистов, ультрахристиан, а также членов Комиссии по перевыборам, Никсон пустился во все тяжкие, устроил Уотергейт, Койнтелпро и рождественскую бомбардировку Ханоя, что, как я понял, выглядело примерно как акция Хьюберта Горацио Хамфри в Милтауне.

Как откликнулась страна, можно было бы догадаться.

Восстания, поджоги, бомбисты, стрельба, грабежи и саботаж. ЛСД в питьевой воде, провокации массовых беспорядков, дикие погромы на улицах, бойни, призывы к революции, переход к

всеобщему восстанию.

За несколько недель до выборов 1972 года Никсон объявил в стране военное положение.

Это сорвало клапан. Макговерн выиграл с минимальным перевесом. (Со слов Мунчайлд, прощальная речь Никсона стала его последней знаменитой выходкой и завершилась тем, что он застыл с разинутым ртом перед камерами, ибо его сразил флебит, тромб-проникший-в-мозг, вызвавший удар, в миг превративший Никсона в овощ.)

Но спасать правительство было поздно, для системы правосудия и Конституции ничего невозможно было сделать.

Встав у руля, Макговерн завел речь о новых законопроектах, о медленном возвращении к нормальной жизни, о терпимости и осторожности, о здравом смысле и диалоге, что в результате привело к ослаблению Штатов, продолжению волнений и даже их усилению. Макговерн выдержал давление начальников Объединенных штабов и не дал применить войска для подавления гражданских волнений. Но в нескольких местах командиры частей тем не менее выслали отряды для защиты губернаторов и мэров. Результатом стали жертвы среди гражданских. Между президентом и военными начались разборки, одновременно с процедурой импичмента в шизофреническом конгрессе.

С тех пор страна Мунчайлд переживала смутные времена. Классовые и национальные войны, предательство и соглашательство, заключение мирных договоров и незамедлительное их нарушение, мародерство и погромы в пригородах, страшные пожары в гетто, героизм и трусость, тела на баррикадах и под танками, дезертирующие армии и решающая битва за Пентагон.

Короче, если в двух словах, хиппи и их союзники в конце концов одержали победу.

По всему миру был объявлен приказ о роспуске соединений американских солдат, разоружение и разрыве всех договоров со всеми прочими государствами. (Проблемы Америки тем не менее заронили искру похожих возмущений и столкновений в прочих странах по всему земному шару, будь то коммунистические или иные режимы, и в результате державы оказались слишком заняты своими проблемами, чтобы извлечь выгоду из беззащитности Штатов.) Уцелевшие внутренние противники были отданы на перевоспитание в образовательные лагеря, и наконец, после десятилетней войны, наступила всеобщая гармония.

На этом месте длинного и сбивчивого рассказа Мунчайлд к нашей камере прибыл Ангел.

– Утренняя подкурка, – объявил он, протягивая нам через решетку пару здоровенных косяков.

Мунчайлд взяла свой косяк с привычной и естественной грацией. Я схватил свою порцию с жадностью изголодавшегося человека. Ангел помог нам запалить шмаль.

После рассказа Мунчайлд мне и вправду стоило курнуть.

32
Под властью леди Саншайн

– Ну и, – произнес я после нескольких хороших затяжек, – кто теперь у руля?

Мунчайлд уже успела вытянуть свой косяк до окурка, не хуже бывалого солдата. Заложив волосы за уши, она поглядела на меня с задумчивой тоской. Я от души понадеялся, что трава не навела ее на мысль перепихнуться со мной, чтобы этой половушкой смешать присяжным карты и отвертеться от должного наказания. Она была никак не в моем вкусе, к тому же я был не в настроении.

– Никто, – ответила она. – Америка стала одной большой коммуной Мира и Любви.

– Ну, не надо, кто-то же должен издавать указы на национальном уровне. Ангелы сказали, что им платят из общественных фондов. Кто-то должен собирать налоги и распределять получку. Должна быть какая-то центральная власть... Потом, кто же руководит марихуановыми фермами, верно? Ну, и тем местом, куда тебя могут послать?

– Ну что сказать... в Сан-Франциско есть такие люди, а на местах по всей стране у них существуют помощники. Можешь называть Фриско столицей нации, если тебе по душе такие корявые выражения. Но люди во Фриско – их не выбирают, ни фига. Они... ну... вроде добровольцев. Мы зовем их «Головы».

– А кто голова у Голов?

– Типа, это... леди Саншайн.

– Кто она такая?

– Была главной герлой одного парня, главаря подпольной группы «Визер Андеграунд». Ну, а когда он помер, она просто встала в его тапки.

От травы меня пробивало на шутки.

– Ясно. Слушай, зуб даю, я знаю, как зовут тех, кто у вас ходит тут в главарях, ну, в этих Головах.

– Например?

Я выпустил колечко дыма и постарался, чтобы мой голос звучал так, словно эти люди мои личные друзья.

– Ну, например, чуваки типа Марио Савио и Джоан Баез. Джерри Рубин и Эбби Хофман. Грейс Слик и Мими Фарина. Джейн Фонда и Том Хайден. Дэвид Диллинджер и Папаша Берриган. Цезарь Чавес и Анджела Дэвис. Джерри Гарсия и Кен Кизи. Такой вот пипл...

Выражение лица Мунчайлд изменилось. Теперь она смотрела на меня с ужасом.

– В чем дело?

– Те, кого ты назвал, это ж все из банды Пятисот.

– Банда Пятисот? Что это такое?

– Что это такое? Худшей кучки предателей, перебежчиков, фашистов и лизоблюдов-империалистов свет не видывал! Да они грозили расправой Революции! Леди Саншайн либо казнила этих людей, либо изгнала из страны, и давным-давно!

Я чуть не задохнулся дымом, так что Мунчайлд пришлось подняться и похлопать меня по спине.

Отдышавшись, я проговорил слабым голосом:

– Да, времена меняются...

– О, святой Тимоти Лири, *его* цитировать вовсе не следует...

33
Всего лишь цветочки

В этой дурацкой камере мы с Мунчайлд провели целую неделю. Заняться было нечем, только курить дурь и трепаться. И из нашего подкуренного БББ я в конце концов прилично узнал про эту тощую девицу и ее жизнь.

Родилась она на пригородной ферме, которые теперь выросли на окраинах некогда главных, а теперь опустевших городов. Она не знала точно, кто были ее биологические отец и мать, потому что возле все время крутилось примерно по шесть человек каждого пола, которых она называла папами и мамами.

Когда Мунчайлд подросла, ее приставили к делу, и она стала выполнять работу по дому, собирала жуков с листьев, пропалывала грядки. (В ее Америке сельское хозяйство в основном было экологически чистым, небольшим по объему и требовало больших затрат труда.) В школу Мун ходила преимущественно зимой и освоила математику и чтение в достаточном объеме, чтобы составлять гороскопы и разбирать головоломки «Книги перемен». Она была мастерицей по части макраме и умела заводить патефон. Единственной песней, которую она знала, был заезженный шлягер тридцатилетней давности. Рок-н-ролл как форма искусства был сжат и высушен до крайнего конформизма.

– Так вы, ребята, никогда не слушали панк?

– Это песни малолетней шпаны?

– Не совсем. Были такие ребята, «Рамонес», – ну да ладно, забудь, – ответил я.

Такими косноязычными – косячноязычными – были все наши разговоры.

В мире Мунчайлд не было ни электричества, ни того, что требовало бы электропитания. Тут не было телевизоров, не было проигрывателей, не было радио, не было телефонов, не было света, не было обогревателей. Не было даже электрогитар! (Само собой, они даже *мечтать* не могли о CD-плеерах, факсах, персональных компьютерах или мобильных телефонах.) Строительство окончательно замерло и вся инфраструктура медленно умирала. Не было ни самолетов, ни поездов, моторизованного транспорта осталось крайне мало. Ангелы, столь ценные хранители статус-кво, катались на своих «харлеях», используя тающий дореволюционный запас бензина, выделяемый Головами, в чьем распоряжении имелся также небольшой парк

машин, используемый ими для собственных целей. (Я догадывался, что некоторое количество бензина могли импортировать с Ближнего Востока уже после войны, но доказать это не мог.)

– Ого, – выдохнул я в одно прекрасное утро. – Прям Безумный Макс…

– Ты хочешь сказать, Максвел Силверхаммер? – откликнулась Мунчайлд. – Или Питер Макс?

В мире Мунчайлд недоставало антибиотиков и контрацептивов (были только кондомы из овечьих кишок). В совокупности с официальной государственной политикой Свободной Любви все это привело к всплеску венерических заболеваний. С ранних лет Мунчайлд видела немало уродливых случаев запущенного сифилиса и тому подобного. Вместе со всем прочим это склонило ее отвергнуть секс.

Да и ее сверстники не торопились волочиться за ней. Единственным, кто хотел, чтобы она занялась сексом, было государство.

– Давать нужно всем и вся, с восемнадцати, как только расколешь свою вишенку. Но я не смогла заставить себя. Головы дали мне после совершеннолетия еще год, чтобы наверстать упущенное, но ничего не вышло, и вот я тут.

– И куда тебя собираются отправить?

Мунчайлд всхлипнула и постаралась принять бравый вид.

– В траходром. Там обычно находятся около года. Это что-то вроде публичного дома, куда ходят те, кто не может снять себе цыпку или мужика. Я слышала, что там заставляют заниматься этим даже с *сорокалетними!*

Несмотря на официальное заявление, что все «старики» имеют равные права с остальными, я подозревал, что люди за тридцать подвергаются нарастающей дискриминации.

Я не стал объяснять Мунчайлд, сколько лет мне самому.

То, что я шпик из другого измерения, уже делало меня в ее глазах достаточно жалким.

34
Тут или где-то еще!

В одно прекрасное утро вместо завтрака из пораженной долгоносиком крупы, простокваши из козьего молока и мятного чая Тони заявился к нам с пустыми руками.

– Протри лицо и постарайся выглядеть любезным, Дурной Палец. И ты, крошка. Сейчас вы оба прокатитесь.

Эта новость вывела меня из наркотического ступора, в котором я благополучно пребывал.

– В чем дело, чувак?

– Вчера вечером нам принесли весть с побережья от леди Саншайн. Сегодня вы выезжаете к ней.

Мунчайлд взволнованно вскочила.

– Леди Саншайн *сама* будет разбирать наши дела?

Похоже, эта новость привела в недоумение даже Крошку.

– Так мне сказали. Виноградная лоза нашелестела мне, что леди захотела лично выслушать историю этого шпика о других мирах и сама с ним разобраться. Но мне шепнули, что на самом деле она считает его шпионом из Сквервиля. А что до тебя, то леди решила на твоем примере преподать всем урок на тему непослушания Закону Свободной Любви.

Мунчайлд громко запричитала:

– О Боже, мы обречены! Наверняка меня приговорят к пожизненному заключению в трах-трах-траходроме!

– Эй, прекрати! – шикнул я. – Мешаешь думать.

На самом деле я тоже начинал нервничать. Кто знает, что задумала для нас леди Саншайн? Тот, кто сумел свалить Джерри Гарсию, способен на что угодно!

Крошка вышел. Когда он вернулся, я уже придумал, как буду действовать.

Я буду протестовать.

Когда здоровяк-Ангел начал отпирать камеру, я принялся скандировать.

– Ни-хре-на-мы-не-пой-дем! Ни-хре-на-мы-не-пой-дем!

Крошка замешкался.

– Эй, приятель, прекрати! Чего ты разорался? Только осложняешь себе жизнь...

Мунчайлд подхватила, вскидывая над головой худой кулак.

– Эй, Эй, леди Эс, скольких загнала под пресс?!

Похоже, Крошка не знал, как себя вести в случае такой необычной, но явно антиобщественной выходки.

– Эй, ребята, прошу вас. Нам нужно торопиться.

Крошка нежно положил руку на мой локоть, и я заорал:

– Теряем сознание!

Сначала я, а следом за мной Мунчайлд без движения рухнули на пол.

– Ну что ж, сами напросились… – вздохнул Крошка.

Через несколько минут явились несколько Ангелов, и нас вынесли вон.

Снаружи уже собралась толпа. Я начал было выкрикивать новые лозунги, но потом сообразил, что до сих пор не знаю, в каком городе нахожусь, и быстро решил использовать классику, что должно было найти отклик:

– Освободите чикагскую пару! Освободите чикагскую пару!

Несколько голосов машинально подхватили рефрен, но тут Ангелы принялись расталкивать толпу, осыпая головы и спины весьма недружественными тумаками.

Нас с Мунчайлд, словно мешки с картошкой, свалили в коляски «харлеев» и умчали прочь.

35
Вейся, вейся, флаг уродов!

Мы позволили Ангелам отнести нас в здание суда. Внутри собралось огромное количество зрителей, которые, как я с удовольствием отметил, не все были настроены враждебно. Похоже, присутствовали и репортеры из «Национального оракула», судя по огрызкам карандашей и блокнотам из бумаги типа туалетной, зажатым в перепачканных чернилами пальцах.

Ангелы бесцеремонно свалили нас на стулья за столом, который, как я решил, отведен защите, и выстроились в ряд, образовав заслон между нами и толпой. За нашим столом уже сидел какой-то парень. На нем было с дюжину разноцветных ожерелий, а также майка со знаком «инь-ян». Парень здорово напоминал Джека Николсона в «Беспечном ездоке», только чуть крейзанутее. Сунув Мунчайлд руку, он наградил подсудимую радушным пожатием. Потом так же приветствовал меня.

– Привет, – сказал парень. – Добро пожаловать в Суд Народной Солидарности. Как мы тут любим говорить: «Если ваша аура чиста, вам бояться нечего». Меня зовут Йоссариан, я ваш общественный защитник. Вот вам писало.

– Писало?

– Точно. Вы, как вижу, выбрали стиль защиты типа «Весь этот суд – сплошь беззаконный фарс», поэтому, полагаю, вам уместно нарисовать на лбу свастику или еще что-нибудь оскорбительное. Может, хотите вырезать что-нибудь на лбу ножом, как Мэнсон? Здесь, в полевом ранце, у меня есть отличный десантный нож...

– Пожалуй, я возьму писало, – подала голос Мунчайлд. – У меня всего год как прошли прыщи, и мне не хочется, чтобы на лбу остались шрамы от ножа.

Я выпрямился на стуле и попытался допросить «защитника».

– Послушай, Йоссариан, что нам светит?

– Вообще-то это нетрудно предсказать, приятель. В наши дни разнообразия в наказаниях мало. Даже для тебя, так называемого шпика. Тебе придется всего-навсего выкурить перед народом несколько косяков, и скоро тебя отпустят. Всем известно, что настоящий шпик скорее помрет, чем станет курить траву. Но поскольку леди Саншайн собирается присутствовать лично, то предсказать что-то заранее непросто.

– Похоже, тут намечается представление с заранее известным политическим результатом? Мартышкин суд?

– Что ж, можно назвать это и так. Но учти, когда леди

Саншайн прикажет: «Затянись», ты, если желаешь себе добра, спрашивай: «Как глубоко?»

Пока я переваривал услышанное, появился судебный пристав и проорал:

– Суд идет!

Я посмотрел налево и увидел, как в двери зала вошла леди Саншайн.

В тот же миг я перестал дышать, неизвестно на сколько.

Явилась огромная нордическая богиня с розовыми волосами, сошедшая прямо со страниц комиксов Р. Крамба, но только во плоти. Ей могло быть двадцать пять – а могло быть и, как хорошо сохранившейся Тине Тернер, шестьдесят. В рваной жилетке, полочки которой были чисто формально схвачены шнурками, едва прикрывшей огромную грудь, в примитивной кожаной мини-мини-юбке и в греческих сандалиях, зашнурованных на великолепных икрах, леди Саншайн излучала невероятную чувственность и драйв, олицетворяя скорее темное животное начало, чем хоть сколько-нибудь привычную разумность. В окружении вооруженных автоматами «черных пантер» в беретах, подобно осыпанной блестками и увешанной браслетами богемной Боадицее, она прошествовала к своему месту.

Никаких судейских кресел не было. Только одно – плетеное, «плантаторское», установленное на возвышении, типа того, которое описывал Хью Ньютон.

Когда леди Саншайн уселась, ее юбка задралась совсем высоко. Церемонно и медленно заложив ногу на ногу, она продемонстрировала свою мерлушку всему залу. Можно было услышать, как сердца сотен мужчин и женщин на миг замерли.

Бедняжка Мунчайлд при виде такой агрессивной демонстрации сексуальности со стороны вождя нации, похоже, едва не потеряла сознание.

Следом вошли прокурор и прочая судейская братия. Один из них выложил на стол мои йо-йо и пец-конфетницу.

Леди Саншайн заговорила, и голос ее был подобен урчанию огромной кошки.

– Мой народ – вы *претесь?*

36
Суд с кусочком сахара

– Народ против Дурного Пальца, дело Космического Шпиона.

Я пытался вникнуть во вступительные аргументы обвинения и защиты. Но все, что они говорили, мне казалось бессмыслицей. Я списал это на нервозность, мешавшую мне сосредоточиться. Но постепенно окружающие реалии проникли в мое сознание.

Все как один были либо удолбаны «в не могу», либо давно повредились мозгами. Или то и другое разом.

Народ, толпившийся тут, не меньше трех десятков лет курил траву или банановую кожуру, а может, и жевал конское успокоительное. Клетки их мозга умирали быстрее и в большем количестве, чем бегут иранские солдаты. Не было разумных стандартов, с которыми их можно было бы сравнить: все тут нюхали один клей и прикидывались одним шлангом.

Прокурор и адвокат знай перетирали о своем, а я понял, что справедливостью тут пахнет не больше, чем на чаепитии у Сумасшедшего Шляпника или на зазеркальной партии в крокет, а леди Саншайн была Черной Королевой.

К примеру, перекрестный допрос цыпки-газетчицы выглядел примерно так.

ОБВИНЕНИЕ. Значит, э-э-э, ну, типа, скока ты уже толкаешь эти газеты, ну ты поняла?

СВИДЕТЕЛЬ. Дай-ка прикину, ну, типа, лет двенадцать уже.

ОБВИНЕНИЕ. Так ты говоришь, двенадцать лет на одной работе гниешь?

СВИДЕТЕЛЬ. Ну, типа, почти.

ОБВИНЕНИЕ. Тады ты, ну это, видать, опытная?

СВИДЕТЕЛЬ. Ага, ну, типа. Да, ага.

ОБВИНЕНИЕ. И никто на тебя, типа, никогда не наезжал, пока этот чувак, ну, типа, Дурной Палец, не подвалил?

СВИДЕТЕЛЬ. Меня с самого начала от него воротило, сечешь, парень?

ЗАЩИТА. Возражаю, чувак! Свидетель дает наводящие вопросы обвинению, в натуре!

ЛЕДИ САНШАЙН. Заткнись на хрен, урод без яиц!

ЗАЩИТА. Леди Саншайн, ваша честь, вы ставите меня в неловкое положение.

Немного послушав эту белибердень, я потихоньку начал ловить в ней смысл. А смысл этот заключался в том, что пора было сваливать отсюда. Если бы только я мог заполучить свои йо-

йо и конфетницу!

В следующий момент, когда я снова прислушался, на трибуну был вызван Крошка. Ангел, самый более-менее соображающий свидетель, рассказал о том, что видел и как отобрал у меня пец-конфетницу с головой Никсона.

Тут в леди Саншайн пробудился интерес.

– Кто-нибудь уже пробовал Хорьковы конфетки? Из чего они?

Все взволнованно оглянулись по сторонам. В конце концов прокурор подал голос:

– Э-э-э, нет, ваша честь.

Зловеще усмехнувшись, леди Саншайн указала на Крошку и приказала:

– Ты! Съешь конфету!

Судебный пристав направился к Крошке с конфетницей в руке.

Я подскочил на стуле с криком:

– Нет!

Ангелы набросились на меня и усадили на место. Когда я снова смог видеть происходящее, Крошка уже отогнул назад головку Никсона и получил плоскую конфетку. Он поднес ее ко рту и осторожно уложил на язык. И послушно проглотил. На лице у Крошки отобразилось сосредоточенное внимание к происходящему внутри него.

Судя по всему, все ожидали, что дальше случится нечто ужасное, я же просто стонал. Теперь, даже если я сумею сбежать отсюда, этот здоровенный окорок всюду потащится за мной. Что за непруха!

Но пока что ничего не случилось, и суд надо мной, или что бы это ни было, продолжился.

Чуть погодя леди Саншайн, видно, устала от происходящего, потому что вынесла внезапный и ясный вердикт:

– Есть только один способ определить вину этого человека: закинуть его Синим Оусли. И тогда он расскажет нам всю правду! Пристав, тащи сахар!

В объятиях Ангелов, которые держали мне руки, я глядел, как судейский топает ко мне и несет на бумажной салфетке сахар.

Неожиданно леди Саншайн объявила:

– Да, кстати, я приговариваю Мунчайлд к десяти годам жесткой проституции, с перерывами на *о-о-о-очень плохое* поведение!

Мунчайлд завыла. Я открыл рот, чтобы утешить ее, и в тот же миг туда закинули кислоту и захлопнули мне челюсти.

В течение нескольких следующих минут я усиленно пытался держать свой разум на поверхности, чувствуя, как меня

стремительно прихватывает ЛСД.

Но то, что случилось потом, сильно меня удивило, и я мысленно расслабился.

Этот кислотный трип лишь на миллионную долю походил на странность Моноблока. Но благодаря технике, полученной от кальвиний, и моей тренировке в Космическом Яйце я вскочил на кислотную волну, словно профессиональный серфер на внезапную приливную волну высотой в человеческий рост.

Неожиданно мне открылись все шесть дополнительных измерений.

Изогнувшись, я двинулся ката и завтверх, прямо из рук Ангелов.

Я стоял на столе с вещественными доказательствами. Все присутствующие застыли, их глаза лезли из орбит. Я схватил пец-конфетницу и йо-йо.

– Пол, ты вернулся! – хором завопили внутри струны кальвинии.

Затем я отступил бафт и вчервниз и оказался рядом с Мунчайлд. Я бросил пец-конфету в ее открытый от удивления рот. Она поспешно проглотила лакомство.

Оглядев этот безумный суд, этот погребальный костер всех моих надежд, я сумел придумать и приказать йо-йо только:

– Отнеси меня куда-нибудь, где правит логика!

Выпало в четвертый раз

37
Квантованное время

Оказавшись на другой стороне червоточного прохода, по которому пронес меня йо-йо, я с удивительной ясностью сообразил, что, возможно, под воздействием ЛСД думал не совсем о том, что имел в виду.

Что, черт побери, я подразумевал под местом, где правит логика?

Виной всему, конечно, был ЛСД. Под влиянием галлюциногена такой выбор казался более чем подходящим. После пребывания один на один с хаосом реалий леди Саншайн вселенная логики представилась мне чрезвычайно заманчивой.

Кислота. Куда она подевалась? ЛСД вдруг выветрился из моей нервной системы, словно бы этот новый мир не поддерживал подобного состояния сознания.

Где конкретно я оказался? Я пытался определить, какие чувства мне сейчас доступны. Снова замурован в своем черепе…

Припоминая, сколько приспосабливался к действительности Моноблока, я убеждал себя не поддаваться отчаянию. Я решил полагаться на свой опыт. В конце концов, это уже третья вселенная, где я оказался; четвертая, если считать с моей собственной. Как ни крути, я уже стал ветераном межпространственных путешествий. Нечего волноваться. Хотя если представить, что сейчас чувствуют Мунчайлд и Крошка…

«А где же они – все еще со мной?» – подумал я. Предположительно йо-йо должен тащить за собой всякого, кто проглотит пец-конфету. Но что, если вышла осечка? Могло Ангела и девственницу размазать по всему сверхпространству? Сумели они перебраться на другую сторону вместе со мной? Я решил их окликнуть.

– Крошка? Мунчайлд? Где вы, ребята?

Услышал ли я свой голос? Трудно сказать.

Мое внимание вдруг привлекло нечто вокруг меня или во мне. Казалось, я слышу мерное тиканье, одновременно внутреннее и внешнее. Я попытался сосредоточиться на тиканье…

Чем тщательнее я прислушивался к нему, тем настойчивее делался звук. Я по-прежнему не мог сказать, откуда он доносится, изнутри меня или снаружи – или и оттуда, и отсюда! Звук напоминал мерное приглушенное методичное щелкание секундной стрелки или падение капель в водяных часах. Я ощутил, что этот неизменный метрономный ритм действует на

меня гипнотически. Казалось, мои мысли подчинились этому тиканью и теперь двигались вперед резкими мелкими скачками, в отличие от обычного человеческого плавного потока сознания.

Внезапно меня осенило, что именно я слышу и ощущаю.

Я чувствовал хрономы, дискретные частицы квантов времени.

В моем родном мире ученые так и не смогли прийти к общему мнению, движется ли время непрерывным потоком, делимым до бесконечности, или это поступательный дискретный процесс, состоящий из ничтожно малых частей. Тут не было никакой связи с обычными человеческими долями времени вроде секунд, но речь шла о чем-то бесконечно малом, частицах, равных примерно одной на десять в минус сорок третьей степени секунды. Планковское время, или период, за который луч света преодолевает планковскую длину (размер ячейки пенной субнанорешетки, за которой исчезли дрекслероиды).

Не стоило сомневаться, что в этой вселенной время было делимым. И ощущал я не что иное, как неотвратимое прохождение одного за другим атомов времени.

Теперь, специально сосредоточившись, я различил, как дискретными шагами движутся мои мысли. Мое ощущение хрономов утончилось, и каждая доля стала казаться бесконечной.

Ощущение, что мысли состоят из бесконечно малых битовых кусочков, раздражало. Было. Похоже. Что. Я. Думаю. Вот. Так. Я почувствовал, что понемногу выхожу из себя. От долгой пытки квантованным временем можно было всерьез свихнуться.

Тут-то и начали пробуждаться новые чувства.

38
Тяжелый случай зубчатости

По мере того как начинали проникать и группироваться ощущения из внешнего мира, с моим чувством отсчета хрономов происходило нечто забавное. Кап-кап-кап атомов времени стало ускоряться. Как в кино при достаточной скорости работы проектора изображение кажется непрерывным, так и время в этом новом мире все больше напоминало то, к чему я привык: неразличимый, устремленный вперед поток.

При этом стоило мне обратить свое внимание внутрь, как я начинал ощущать (в меньшей мере, чем прежде, но явное) прощелкивание храпового механизма Космических Часов.

Очень странно.

Тут на меня снизошло нечто вроде суперзрения. Новое чувство давало способность видеть на полные триста шестьдесят градусов, словно все мое тело было усыпано глазами.

Поначалу я не умел отличить один орган зрительного восприятия от другого, что привело меня в замешательство. Потом, используя нечто вроде мысленного фильтра для болтовни на вечеринке с коктейлями, я сумел разобраться и сосредоточиться, отодвинув большую часть зрительных входов на задний план и выбрав одну точку обзора в качестве доминирующей.

То, что я увидел, было само по себе освещено, без источника света, и казалось бесконечной расчерченной черными и белыми клетками шахматной доской, испещренной различными цветными объектами. Как мне показалось, объекты совсем незначительно возвышались над сеткой, если возвышались вообще. Мой «глаз» как будто бы располагался на одном уровне с равниной, так что любой объект заслонял то, что находилось за ним. В отдельном же объекте мне удавалось разглядеть исключительно его ближайший край с неким вырожденным подобием тени – следствием отражения или рефракции.

Все предметы в поле моего зрения состояли из набора бесконечных разноцветных квадратов. Квадратики, составляющие каждый объект, пребывали в постоянном движении.

Здесь были фигуры, непрерывно меняющие цвет, очертания которых несли калейдоскопическую череду оттенков. Или периферийные блоки перемещались – с тем чтобы убраться как можно дальше от исходного положения. Возможно также, квадратики-фрагменты просто исчезали, безвозвратно канув в

небытие.

Картина напоминала дешевый компьютерный монитор, отображающий непрерывно меняющиеся грубо слепленные абстрактные фигуры, дурно выполненные, с очень крупными ячейками пикселей.

Кроме подобного ви́дения, у меня появилось чувство направления. Я мог сказать, где «восток» и противоположный ему «запад». Эти два направления были «нейтральными». «Север», похоже, ассоциировался у меня с направлением, куда двигаться было трудно, и чем дальше, тем труднее. «Юг» вызывал ощущение нарастающей легкости перемещения. Диагональные направления были в соответствующей пропорции более или менее трудными для движения.

Я догадался, что север и юг в более точном представлении можно понимать как «верх» и «низ», если представить градиент сопротивления как силу гравитации, и я решил так и считать. При этом восток и запад превращались в «лево» и «право».

Был ли я одним из этих наборов разноцветных квадратиков? Я попытался передвинуться в пределах собственной видимости, но не смог, поскольку «члены» мои были еще раскоординированы. Я сдался.

Что касается звуков, их не было. По крайней мере до сих пор.

Я попробовал произвести какой-нибудь звук сам.

– Мунчайлд! Крошка! Где вы?

В ответ на мой призыв – ничего. Однако, к моему изумлению, из меня во все стороны вырвалось облачко одинаковых обтекаемых объектов. Объекты начали распространяться по сетке, двигаясь подобно заостренным амебам, смещая свои носики вперед на один квадратик за раз и проворно подтягивая заднюю часть своих телец следом.

Большая часть амеб продолжила свое движение в сетке. Но у нескольких на пути оказались более крупные объекты, которыми они и были поглощены.

Один из таких крупных объектов – слева от меня, на расстоянии нескольких «рядов» – после этого испустил собственную корону, расширяющееся во все стороны облачко амебок.

Через несколько секунд эти вторичные амебы соприкоснулись со мной!

В моих «ушах» возник беззвучный «крик»: голос Мунчайлд.

– Пол! Мне страшно! Где мы?

Другая, более плотная, амеба ударила в меня с расстояния в несколько дюжин рядов с другой стороны. Этот ромбик нес голос и эмоции Крошки.

– Ну погоди, чувак, вот только соображу, как здесь двигаться, и оторву твою безмозглую башку с плеч на хрен. А ну вытаскивай нас отсюда ко всем чертям!

И в этот момент я понял, где мы – и в чем.

39
Я подросток – клеточный автомат

Когда-то давным-давно, во второй половине двадцатого века, родилась область науки под названием «искусственная жизнь». Сравнительно недавно я прочитал о ней. Популяризируемая сумасшедшими компьютерными ботанами, биологами с излишком веса, теоретиками безумных игр и другими дикоглазыми отщепенцами, эта отрасль науки занималась как робототехникой, так и компьютерной симуляцией живого существа и его поведения.

Лучший из придуманных этими людьми способ моделирования жизни в нефизическом виде – система, именуемая «клеточный автомат». Этот приемчик изобрел разносторонний гений по имени Джон фон Нейман, и потом его довели до совершенства несколько последователей, в основном – Джон Хортон Конвей, который по уровню интеллекта приближался к фон Нейману.

Клеточный автомат жил внутри компьютера в базисном расчерченном на клетки мире, эдакой математической плоской стране Флатландии. Эти клетки в первоначальном, незаселенном, состоянии на сто процентов заполняются «мертвыми» ячейками, которые могут становиться либо фоном, либо обитателями. На первом этапе ячейку «оживляет» воля Творца посредством случайного или заранее рассчитанного засевания пустынной местности. В дальнейшем жизнь или смерть каждой ячейки определялась *en masse* по книге правил или таблице «если-то», проверяемой в начале каждого компьютерного цикла. Правила по большей части относились к состоянию окружающих ячеек, или к внутреннему состоянию данной ячейки, или к тому и другому. Правила могли быть сложными или простыми, в зависимости от требований эксперимента. Но было доказано, что даже довольно примитивные правила способны генерировать подобное жизни поведение, поскольку индивидуальные ячейки начинали сотрудничать и действовать подобно большому многоклеточному организму.

Клеточный автомат разрастался и теоретически мог при этом эмулировать компьютерное «железо» или исполнять полноценные компьютерные программы, подобно тому, как из игрушечного конструктора можно сконструировать сложные логические цепи. И поскольку считалось, что достаточно продвинутый компьютер или машина Тьюринга с конечным числом состояний способна

эмулировать жизнь (включая инстинкты, условные рефлексы или даже сознание), то стали полагать, что клеточный автомат – или КА – годится для моделирования любых живых существ.

КА мог эволюционировать, расти, репродуцироваться и даже мыслить.

Ну или хотя бы выкрикивать оскорбительные угрозы.

40
Это делают и бойды, и вирмуры

Простое заявление Крошки, что он готов сорвать мою несуществующую голову с моего КА-тела в том случае, если получит возможность передвигаться, подвигло меня опередить его.

Мне пришло в голову, что, поскольку теперь я полностью в курсе нашего затруднительного положения, а Крошка нет, у меня есть преимущество.

Небольшое, но все же.

По сути дела, я сам и есть это преимущество.

Проблема КА, как я понял, состояла в том, что их движения не зависят от усилия воли. Для этого нужны соответствующие условия. Пространственная сетка, или матрикс, тоже была активным игроком, как средой, через которую можно проникать, так и потенциальной частью будущего тела. Различные конфигурации соседних тел могут как затруднить, так и ускорить движение, что, по сути, напоминало прорастание корнями и выкорчевывание корней для перемещения. Или же, используя иную метафору, среда напоминала воду, где активное течение и турбуленция могут как помогать, так и препятствовать движению рыб.

Кроме того, незнание законов этого мира, конечно, нисколько не помогало.

Однако если тело, в котором поселилось мое сознание, представляет собой естественный продукт этого мира, то в нем должны быть предусмотрены обычные способности к движению. Фокус состоял в том, чтобы «включить» эти способности.

Нечто вверху вдруг привлекло мое внимание. Я сфокусировал свои «северные» глаза на «небе».

Там пролетала стайка КА-птиц – «бойдов», как назвал их создатель в моей родной вселенной. Приближенно напоминающие птичьи, силуэты летели и кружили, образуя красивые узоры на клетках небесной сетки.

Я попытался сообразить, что бойды делают в небе и как они это делают. В то же самое время я впервые заметил «внизу», подо мной, маленьких существ, снующих среди стеблей КА-травы. Это были виртуальные муравьи, или вирмуры.

В этом мире, понял я, кипела жизнь, тут существовала целая экологическая система, не менее сложная, чем, наверно, на моей родной Земле.

Мне почудилось, что движения этих бойдов и вирмуров что-то всколыхнули во мне. Я решил попробовать поднять руку с «дурным пальцем», к которому был прикреплен йо-йо.

Медленно-медленно в поле моего зрения появилось нечто отдаленно похожее на руку – словно бы выполненное из мерцающего конфетти, – с которой свисало что-то, условно напоминающее скрученный йо-йо.

Я попытался обратиться к кальвиниям внутри КА-воплощения йо-йо.

– Каль Первая и Вторая! Девчонки, вы тут?

Никакого ответа. Что делать – горевать или радоваться?

Крупная аморфная масса цветных плиток, представляющая собой Мунчайлд, испустила стайку амеб. Несколько амеб ударили в меня, ассимилировались и превратились в речь.

– Пол, ты научил меня! Теперь я тоже могу двигаться!

В меня ударилась другая очередь амеб, со стороны Крошки.

– Чувак, тебе лучше взять в ручонку че-нибудь побольше этого мелкого шарика. Потому как к нам несется целая стая мохнатых тварей с огромными хавальниками, полными зубов, – типа, волки, мать их за лапу!

41
Линты, тигры и медведи, о боже мой!

Немедленно, еще не имея в виду никакое конкретно место, я попытался запустить йо-йо, чтобы тот вынес нас из этого опасного бесперспективного мира. Но хотя мне и удалось взмахнуть рукой сверху вниз, йо-йо не развернулся и никуда не полетел. Я, конечно, научился отличать тут градиент гравитации и север-юг, но физические законы здесь определенно были иные. Штука была не просто в том, чтобы «бросить йо-йо». Для того чтобы движение стало возможным, как ячейки, представляющие собой йо-йо, так и окружающая матрица должны были находиться в подходящих условиях. Следовательно, сейчас условия были не те.

Но станут ли условия когда-нибудь такими, как надо? Или мы застрянем тут навсегда?

Хм-м... Но кто, к чертям, это может знать? Уж точно не я – крест на пузе.

Я вздрогнул от испуга. Поток амебок от Мунчайлд принес пронзительный крик, армада сообщения Крошки – яростные оскорбления, и ни то ни другое не помогло мне восстановить спокойствие.

Однако потом на меня вдруг накатило вдохновение!

Мои размышления о физических законах этого мира наконец принесли плоды!

– Эй, вы, двое! Слушайте! Если научимся двигаться здесь, мы спасены!

– О чем это ты? – прорычал Крошка.

– Да вот такое дело... – я принялся объяснять.

В КА-мирах существует предел скорости. Каждая отдельная ячейка (или многоклеточный организм, чье передвижение определяется всеми и каждой ячейками в его теле) могла ползти вперед максимально на одну клеточку сетки за один хроном времени, как в шашках. В этом мире не было эквивалентов бегу, прыжкам или скачкам. Здесь не существовало «дамок». Всякую ячейку между двумя объектами надлежало пересечь, прежде чем эти объекты вступят в контакт.

Таким образом, если жертва и хищник начинают преследование, разделенные хотя бы минимальной дистанцией в одну ячейку, они могут вечно находиться на расстоянии друг от друга, по крайней мере до тех пор, пока один не совершит ошибку или не сдастся.

Любопытно, но этот предел скорости физического движения

одновременно был пределом скорости «звука»... Поскольку информацию переносили амебы-блестки, которые сами были КА, то для передачи сообщения через *икс* клеток требовалось *икс* хрономов.

(Большой загадкой казалось то, каким образом здесь работает зрение. Было очевидно, что заменитель «света» в мире КА переносил информацию быстрее звука или движения. В противном случае хищники напали бы на Крошку в тот же самый миг, когда он впервые их заметил. Я не думаю, что наши «глаза» работали благодаря регистрации фотонов света. Возможно, как только мы фокусировали взгляд на отдаленной точке, некое скрытое ЦПУ, которое правило тут бал, сообщало нам данные о состоянии этого объекта по недоступной в другое время цепи. Это было нечто вроде жульничества или какой-то фокус сверхпространства. Да это и без разницы...)

Ввиду того, что мы – Мунчайлд, Крошка, я – находились относительно близко друг к другу – на расстоянии всего нескольких рядов, – мы успели обменяться сообщениями, пока хищники (которых я назвал линтами, или «львами целочисленности») мчались к нам. Но наше время быстро истекало.

– Давайте, ребята! Хватайте задние ячейки и ставьте их перед собой. У вас получится! Быстрее!

Я двинулся в сторону Мунчайлд. К моему облегчению, она тоже начала двигаться – прочь от меня. Оглянувшись, я увидел, что Крошка движется за нами. Страх – большое подспорье.

Само собой разумеется, первоначальный интервал между нами сохранялся.

– Крошка, – послал я сообщение, – линты догоняют нас?

– Нет, чувак! Но и *не отстают!*

– Тогда не о чем беспокоиться! Мы просто возьмем их измором. Мы ведь умнее!

Впереди маячили кущи КА-деревьев. Между стволами оставалось достаточно места, там порхали КА-бабочки, и мы легко просочились чрезмежду ячейками стволов. Двигаться становилось все проще, движение становилось все более рефлекторным.

– Ха-ха! – рассмеялся я. – Глупые линты! Куда им тягаться с нами мозгами!

– Эй, Пол, ты и вправду в этом уверен?

– Конечно, – огрызнулся я на Мунчайлд, но тут мы, углубившись в лес, уперлись в стену.

Стена тянулась на север и на юг насколько хватало глаз и полностью преграждала нам путь. Если мы пустимся в том или

ином направлении, линты двинутся по диагонали и настигнут нас.

Я добрался до Мунчайлд, которая остановилась в одном ряде клеток от стены.

Потом около нас остановился Крошка.

– Гребаный ты идиот! Они же нас специально сюда *загнали* !

Мысль о непреодолимом препятствии не приходила мне в голову. Но следовало догадаться, что коль скоро тут существуют хищники, то у них должны быть какие-то свои зловещие способы охоты.

– Что ж, – слабым голосом проговорил я, – сдается мне, что боли тут не чувствуешь, так что ничего страшного, если нас съедят.

Прижавшись спиной к стене, мы смотрели, как приближаются линты.

42
Динобобы спешат на помощь

Когда цифровых хищников отделяло от нас нескольких килорядов, мы уже разглядели отдельные ячейки «слюны», капающей разноцветными искрами из их зловещих пастей.

– Знаете, друзья, мне очень жаль, что я втравил вас в эти неприятности.

– Что ты, Пол, ты наверняка хотел как лучше. Иначе что бы ждало меня там, откуда мы сбежали? Наверное, участь хуже смерти.

– Брось, Мунчайлд, секс иногда вовсе не так уж плох.

– Но не со *стариками* .

Крошка подал голос.

– Чувак, я не такой извращенец, как эта Мальвина. Мне нравится трахаться с кем угодно, со старыми и молодыми. *Меня-то* тебе уносить не следовало.

– Ты оказался здесь, Крошка, потому что исполнил приказ леди Саншайн. Вот когда ты дал маху. Нужно было проявить характер и не пробовать конфету.

– Это леди Саншайн проявила бы характер, если б я ее не послушался.

Я уже полностью уверился в том, что свои последние хрономы здесь мы проведем в перебранке. Самый подходящий финал для всей моей предшествующей жизни. Но в этот миг часть стены позади нас просто взяла и исчезла.

Образовался проход, в который вполне можно было протиснуться. Однако по обе стороны от этого прохода стояли два КА-существа, похожие на нас! И в руках они сжимали копья!

– Быстро! – крикнул один из них. – Внутрь!

Нас не пришлось упрашивать.

Стена была в пять ячеек толщиной, и мы оказались на той стороне, как только смогли полностью продвинуть свои наборы ячеек через «тоннель».

Обратив «зрение» назад, мы увидели, как наши спасители метнули копья.

Древки, сделанные из разноцветных ячеек, полетели прямо в линтов. Одни львы остановились, другие даже начали отступать. Но двум линтам не посчастливилось! Копья пронзили их насквозь и развалили на половинки. Каждая отдельная половинка, не в состоянии поддержать в себе жизнедеятельность, рассыпалась на фрагменты.

Затем один из пришельцев бросил в проем в стене пригоршню чего-то похожего на семена. В мгновение ока стена снова стала сплошной.

– Спасибо, спасибо вам! – отправил я им свое сообщение. – Кто вы такие, ребята?

– Мы из клана Тофолли, выращиваем дины для короля Хортона.

– Здорово! – вскрикнула Мунчайлд. – Я ведь тоже выросла на ферме!

43
Вокши и волкиты

В КА-мире не существовало непогоды и не было нужды строить жилье. Но тофолли выстроили себе дома – по нескольким причинам. Подобно окружающей поселок стене, «дома» (на самом деле всего лишь участки, огражденные со всех сторон стенами) обеспечивали защиту на случай прорыва внешней стены. Дома также служили надежным укрытием для личных вещей. Кроме того, в домах можно было уединиться.

Последнее обстоятельство, раз упомянутое, должно было навести на мысли о сексе, если в этом мире таковой вообще имел место. Но в ту пору мысли о сексе мне в голову не приходили. Хватало других важных проблем.

В первую очередь тофолли нас разбранили.

– Зачем вы так кричали? Вы что, из города? Разве вы не знаете, что своими криками привлечете хищников, особенно там, в пустошах?

Похоже, то, как мы безрассудно отправляли свои амебы-блестки во все стороны, тофолли трактовали как «громкие крики». Именно такое широковещательное излучение непреднамеренно привело к нежелательным для нас последствиям. Здесь не существовало предельной дистанции для распространения звука, разве что случайные препятствия на пути. Но даже препятствия не всегда могли остановить амебок, поскольку те за долгое время эволюции приобрели высокую проникающую способность. Амебы научились проходить через многие другие КА-предметы, не разрушая их, используя ячейки препятствия для вторичного воссоздания своих форм и таким образом продолжая путь по другую сторону преграды.

(Получалось, что мое прежнее представление о физической сплошности объектов не отвечало реалиям КА-мира, поскольку на наших глазах многие предметы и создания смогли пройти друг через друга. С другой стороны, копья и стены тофоллей явно были устроены иначе.)

Как бы то ни было, тофолли научили нас говорить «культурно», высылая поток амебок в нужном направлении. Но, честно говоря, наши крики сослужили нам неплохую службу, поскольку именно так тофолли – один из которых оказался за стеной – услышали и узнали о нас и успели подготовить спасательную экспедицию, когда линты уже настигали нас.

После урока этикета (и когда тофолли узнали, что идти нам

некуда) они довольно охотно согласились принять нас к себе. Нам выделили дом и приставили к работам на диновом поле.

Выращивали там тофолли вовсе не еду. Для восстановления запаса энергии в этом мире не нужно было есть. Энергия предоставлялась свободно, от щедрот матрицы и за счет правил существования КА-мира. (Хищники вроде линтов хотели интегрировать наши уже скомпонованные ячейки – столько, сколько удастся откусить, – в собственные тела, для того чтобы вырасти. При некоторых ограничениях размеры тела были здесь единственной желанной целью, ведь при этом расширялась возможная область применения.)

Дины, которые возделывали тофолли, больше походили на семенные кристаллы. Растущие на самых разных кустарниках, деревьях и лозах, дины были формообразующими катализаторами. По сути дела, в динах содержалась информация, используя которую, можно было достигать различных целей.

Крошке, Мунчайлд и мне поручили следить, чтобы КА-сорняки (которые пробуравливались под стенами, или змеями пробирались через открытые ворота, или просто, ни с того ни с сего, проклевывались на открытом месте!) не вредили растущим динам. За нами же, наверное из осторожности, следили несколько деревенских волкитов.

Волкиты, как я окрестил их, очень похожие на собак, были одомашненными дикими животными.

Мне волкиты казались страшноватыми, но Крошка хорошо с ними поладил и даже, похоже, приручил нескольких.

Хуже волкитов были вокши.

Хижина, в которой нас разместили, была просто наводнена ими. По всей видимости, именно поэтому она и пустовала.

Вокши – это паразиты размером в несколько сотен ячеек. (Мы, пришельцы, и тофолли были величиной в несколько сотен тысяч ячеек – может быть, в целый миллион. Не так много, если сравнивать с числом клеток в организме человека, равном нескольким триллионам, но, как видно, достаточно, чтобы поддержать существование разума.) Вокши же не только ползали по всему человеческому телу, заслоняя поля зрения, они могли забраться и внутрь, если им удавалось найти подходящую ослабленную клеточную структуру. Таким образом несколько вокшей поселились в нас, что мы обнаружили, произведя взаимный осмотр.

– Ура, Пол, я еще одну раздавила!

– Это замечательно, Мун.

– Эй, гляди, чувак. Волчок сожрал ту, дохлую. Умница.

44
Онтологическая Закавыка снова поднимает свою мерзкую голову

В свободные от ловли вокшей и прополки дин минуты я предавался размышлениям о странном мире, в который ухитрился нас занести.

Где мы – внутри большого компьютера, управляемого внешним разумом? Есть ли данное окружение всеобщей субстратой этой отдельно взятой вермишелины? Другими словами, представляет ли эта временная линия лишь срез реальности за пределами нашего текущего окружения, мира людей, планет и солнечных систем, где некто наблюдает наше жалкое дергание на экране компьютера? Или, быть может, вся субстанция данной вермишелины клеточноавтоматная? Мне было известно, что некоторые земные ученые дошли до того, что заявили, будто вся наша вселенная на самом деле – один большой клеточный автомат. Может быть, это как раз тот самый случай?

Ломая голову над этой проблемой, я так и не сделал никаких выводов. У меня просто не было возможности бросить взгляд с более высокой точки. Я был зажат в рамках этой ограниченной размерности.

Кстати говоря, этот вопрос чрезвычайно походил на тот, что не давал мне покоя дома, в «Стране книг»: почему есть нечто вместо ничто? И поскольку эта дилемма так и осталась без ответа, приходилось с ней жить.

Само собой, время от времени я пытался воспользоваться йо-йо, но всякий раз безрезультатно. Такая жалость!

Поэтому, когда тофолли сказали, что мы все отправляемся на большое празднество, я был этому рад.

45
Праздник дин

Наступила пора урожая. Дины собрали и уложили на хранение. Вскоре дины повезут в Лангтон, город короля Хортона, в столицу феода. Но прежде нас ждал праздник.

Все тофолли и их волкиты собрались вокруг чего-то вроде мерцающей клеточной часовни, или дерева, или костра; было трудно сказать наверняка. Наша троица тоже в этом участвовала. За прошедшее некоторое количество килохрономов я так и не научился различать тофоллей. Для меня они все были на одно лицо, я даже не знал, есть ли у них имена собственные в нашем понимании. Но вот «черты» Крошки и Мунчайлд я сумел запомнить, ведь мы отличались от остальных членов клана чем-то, в чем наверняка отражалось наше чужеродное происхождение.

– Чувак, надеюсь, у этих квадратноголовых в городе есть хорошая дурь, – подал голос Крошка. – Честно говоря, мне не хватает моего обычного косячка.

– Не раскатывай губу. Хотя этот мир основан на логике, но в своей основе он вполне даже психоделичен, так что не уверен, что здешняя дурь тебе понравится.

– Я только надеюсь, что когда-нибудь мы сможем отсюда вырваться, – мечтательно проговорила Мунчайлд. – Мне надоели вокши, и прополка, и то, что у меня нет нормального тела. Я так соскучилась по траве, дождю, солнцу и облакам.

– Послушать тебя, вылитая Джони Митчелл.

– Ох, Пол, ну почему тебе всегда нужно смущать меня, поминая еретиков?

Один из тофоллей направился к нам с корзинкой увесистых дин.

– Вот, друзья, возьмите по одной и станьте нелинейными.

Мы взяли себе по дине.

– Как ими пользоваться? – спросил я.

– Просто сожмите ее со всех сторон сразу.

Тофолль двинулся дальше, раздавая всем дины.

Крошка уже использовал свою порцию. Мунчайлд и я немного подождали.

– Ну, да ничего особенного, – сказал я и сжал свою дину.

Катализатор мгновенно принялся за дело. Я ощутил, как во мне появляются новые рисунки связей. Через число хрономов, равное размеру моего увеличившегося тела, я полностью видоизменился.

Воздействие дины привело к тому, что я снова почувствовал себя органическим. Конечно, в примитивном смысле. В пределах своего миллиона клеток, я вновь вообразил себя человеком, эдаким ноль-запятая-ноль-ноль-ноль-ноль-один-процентным.

Испытывали ли тофолли то же ощущение? Или это побочное действие наркотика? Ответить было невозможно.

Я обратил зрение на Мунчайлд. Она выглядела здесь похожей на ожившую глиняную фигурку человечка, слепленного ребенком. Наверняка и она меня видела таким же.

– Ох, Пол, это ужасно! Это такое мучение! Это хуже чем ничто!

Прежде чем сообразил, что делаю, я без слов привлек ее к себе, желая утешить.

После чего последовала естественная реакция: мы занялись сексом, и наши тела пузатеньких Гумби перемешались.

Едва мы начали ловить кайф, дины выветрились из наших тел.

И мы снова стали КА. Вот только соединенными длинной кожистой обменной трубкой, по которой от Мунчайлд ко мне перетекали искрящиеся клетки!

– Пол! Остановись! Что ты делаешь?

– Я не могу остановиться! Эта трубка действует сама по себе!

Вокруг нас тофолли были соединены подобным же образом. Я приметил, что Крошка тоже подыскал себе партнера. Он взревел, испустив клубок искрящихся клеток. Послание гласило:

– Люби того, с кем соединился!

В конце концов спаривание закончилось (без всякого оргазмического финала), трубки разъединились, их половинки втянулись в нас обратно, и наши КА-тела снова стали раздельными.

Сообщение от Мунчайлд принесло всхлипы:

– Хны, хны, хны, я больше не девственница!

– Если это тебя утешит, – отозвался я, – то, принимая во внимание, что прежде я никогда еще не смешивал ни с кем свою логику, теперь и я в этом смысле не девственник.

46
КА-раван в Лангтон

Я постоянно думал о сексе.

И вот мы вместе с тофоллями, окруженные опасностями и благословленные чудесами, движемся по чужеродному ландшафту к культурному центру этой реальности, где обитает таинственный король Хортон, но все, о чем я могу думать, это кого бы трахнуть.

Обычное дело.

Грубое спаривание с Мунчайлд снова оживило мою *идею фикс*.

У себя дома я не трахался годами. Я дошел до того, что воздержание уже не составляло проблемы. И даже не утруждался передергивать раз в месяц. Конечно, отчасти виновата была депрессия, возникшая из-за противостояния Онтологической Закавыке. Но главная причина – я просто сдался и махнул рукой на себя и остальных.

Однако каким бы странным и неудовлетворительным ни оказалось спаривание с Мунчайлд, это событие, всколыхнув мое сознание, пробудило во мне возможность заниматься сексом и просто общаться – если не сказать «любить».

Не стоит сомневаться, что в моей прошлой жизни все это было в величайшем дефиците, связанном с отсутствием женщины. Теперь, когда у меня появился космический йо-йо, мог ли я быстренько исправить положение?

Караван тофоллей приближался к своей цели, а я в мыслях уже сформулировал свое следующее желание, конечно, на случай, если когда-нибудь снова удастся воспользоваться космическим йо-йо.

В один прекрасный «день», после того как мы миновали Великие Водопады Рекурсии и выбрались из Ползучего Пчелоцветного Леса (что было почти невозможно, поскольку сам Лес делал два шага назад на один твой вперед), мы увидели раскинувшийся перед нами роскошный город Лангтон.

То есть очередную стену. Здесь не существовало «более высокой» точки, с которой можно было бы обозреть весь город целиком. Так что мы увидели только еще одну стену.

Так уж оно тут устроено.

47
Хортон слышит «Нет!»

У входа в Лангтон стояли то ли стражники, то ли таможенники. Пришлось остановиться, чтобы они могли осмотреть наши корзинки с динами. Я не слышал, о чем говорил со стражниками предводитель тофоллей, – они «говорили тихо», – но мне совсем не понравилось, что они часто тыкали пальцем в сторону Мунчайлд, Крошки и мою.

Что бы там ни было сказано или решено, нам дозволили беспрепятственно войти в город.

По крайней мере на этот раз.

Внутри, за стенами, мы обнаружили тысячи ячеистого народца, сотни зданий и жуткую суету. Причина большей части этой суеты была нам совершенно непонятна. Но нечто, увиденное мной, заставило меня остановиться.

Один из горожан стоял и натуральным образом рисовал картины на стене здания. Держа особую дину, он прикасался к отдельным ячейкам стены, меняя их состояние, чтобы изобразить очертания дерева, животного или иных предметов. (Как я понял, в этом мире существовал только ультрареализм, поскольку изобразительные средства и живые объекты состояли из одного и того же материала.)

Это зрелище заставило меня тяжело вздохнуть. Искусство. Что случилось в этом мире с моим собственным вдохновением? Все ушло, растаяло без следа.

Но какого черта... Сейчас я стал как никогда восприимчив к чувственному переживанию.

Оглянувшись, я заметил, что большинство тофоллей покинули нас, очевидно направившись со своим грузом к известным им хранилищам дин. С нами остались только два проводника. Я решил, что это наверняка наши давешние спасители. Решив не навешивать лишних ярлыков, я мысленно прозвал их Вонни Первый и Второй.

– Идите с нами, – сказал мне Вонни Первый. – Нас пригласили на аудиенцию к королю.

Почему-то мне это совсем не понравилось.

– Что еще за король? Вы отдаете ему свой урожай и все свое имущество? А чем он вам платит?

В ответе Вонни Первого прозвучала нервозность.

– Король – символ величия нашей реальности. Мы рады отдать ему все, что ему требуется, чтобы приумножить его

величие.

Ответ показался мне неискренним. Но что нам оставалось? Только покорно двинуться следом...

Еще к концу пути нашего КА-равана я ни с того ни с сего ощутил себя немного необычно, вдруг явственно почувствовав, как внутри моего ячеистого тела образуется нечто новое. И теперь, когда нас вели на прием к королю, я спросил Мунчайлд, не испытывает ли она те же самые ощущения.

– Ты не чувствуешь ничего странного, Мун?

– Что за глупый вопрос? Я застряла в теле, похожем на конфетный фантик, в вырезанном из бумаги мире, а ты спрашиваешь меня, не чувствую ли я чего-то странного? Конечно, я чувствую себя странно!

– Я знаю, знаю. Но я имею в виду другое странное.

– Ох, Пол, откуда мне знать. Почему бы тебе на минутку не бросить копаться в своей жалкой душе и не сосредоточиться на том, чтобы перенести нас в какое-нибудь место получше?

– Послушай дамочку, Дурной Палец. Попробуй-ка свой йо-йо еще разок.

Я послушался Крошку, но опять без результата.

Следом за нашими стражами мы приближались к самому большому объекту, какой мне тут доводилось видеть. Я сообразил, что это, должно быть, и есть дворец короля Хортона.

– Мы сейчас отправимся к королю? – спросил я Вонни Второго.

– Ты и сейчас, когда мы разговариваем, находишься в Его Королевском присутствии.

Судя по королевскому боку, на который мы взирали, король был размерами больше сотни таких простых КА, как мы.

– Но как... как ему удалось стать таким огромным? – прошептала Мунчайлд.

– Благодаря почтительнейшим вкладам его возлюбленных подданных.

В тот же самый миг от короля изошла струйка странного вида амеб.

– Я *ем* своих возлюбленных подданных, чужак! И каждый из них вносит свою малую толику в мое величие! После каждой трапезы я становлюсь мудрее и величественнее! И вы, трое чужаков с незнакомым вкусом, станете следующими в моем меню! Идите ко мне!

В информации, переданной королем, было что-то гипнотическое. Заурядные блестки не несли никакого принуждения, лишь чистую информацию и ее взаимосвязи. Но в словах короля заключалась непреодолимая сила, они были

подобны компьютерному вирусу.

Мунчайлд и Крошка поползли вперед, прямо к жадному разверстому входу в тело короля Хортона. Я и сам ощутил, как мои несчастные клетки беспомощно стремятся навстречу каннибалу.

Но тут, возможно благодаря чему-то странному, появившемуся внутри меня, я нашел в себе силы воспротивиться:

– Нет! – крикнул я. – Ты не можешь нас съесть!

48
Пол обламывает Хортона

Король разгневался:

– Ты смеешь отказывать Нашему Величеству? Никто не может препятствовать королю Хортону стать еще больше и могущественней!

Вонни Первый и Второй двинулись, чтобы перехватить меня, прежде чем я успею сбежать. Мунчайлд и Крошка по-прежнему двигались к своей роковой кончине.

Потом король протянул ко мне руку.

Его длань коснулась меня.

В тот же хроном я начал рожать.

Я уже догадался, что готовлюсь к репликации. Это было ясно как день. После того как мы с Мунчайлд спарились, это запустило процесс зарождения ребенка, сформированного нашими родительскими вкладами. И теперь ребенок просился на свет.

Вонни попятились в священном трепете.

– Прости нас, чужак! Нам было неведомо, что ты собираешься рожать!

Клетка за клеткой, маленький КА начал выстраиваться из меня, пока не появился на свет полностью, соединенный со мной только тонкой одноклеточной нитью. Потом и эта нить растворилась.

– Мама! – пискнул маленький КА.

Странное ощущение пронизало меня.

Но, что куда важнее, я вдруг ощутил, что могу снова пользоваться йо-йо. Измененное пространство между мной и моим ребенком было таким, что йо-йо оказался готов к применению.

Я вскинул руку, и когда космический йо-йо начал раскручиваться, клетка за клеткой, прокричал:

– Отнеси меня туда, где полно горячих девочек!

Выпало в пятый раз

49
Возвращение девственницы, или Новое обретение гимения

Крошка подбросил в наш походный костер еще одно полено, и вверх поднялся кометный хвост искр, засеяв ночное небо безумными умирающими созвездиями.

– Я никак не могу согреться, – захныкала Мунчайлд.

На ней были широкая юбка и легкая рубашка, в которых ее доставили в Суд Народной Солидарности, что, казалось, случилось целую вечность назад. На Крошке – его засаленная кожа, а я был одет как типичный болван-продавец из книжного магазинчика, который никак не предполагал, что его уволокут так далеко от обогревателя. Отличная одежка для того климата, с которым нам приходилось сталкиваться прежде, но никак не подходящая для промозглого ноябрьского холода, который приветствовал нас по прибытии сюда, предположительно в страну горячих девочек.

Мы материализовались на поляне среди легко узнаваемых массивных дубов и пихт, а также других пород древесины, составляющих древний нехоженый лес, где стремительно сгущались сумерки. Поначалу мы были безумно рады превращению и от облегчения нисколько не задумывались о том, куда попали. Освободившись от алчной хватки короля Хортона, вернувшись в свои старые тела, вдыхая свежий сладкий воздух, ступив на настоящую, усыпанную хвоей землю, мы пустились в пляс, празднуя это событие. Но потом окружающая реальность навалилась на нас всей тяжестью.

Космический йо-йо моравекцев отлично подходил для преодоления невообразимых пропастей между вселенными, но когда вы там оказывались, он категорически не мог переместить вас вперед даже на сотню ярдов. Предположительно, я мог крутануть йо-йо, пожелав примерно следующее: «Перенеси меня в мир, идентичный этому, только я хочу оказаться в городе». Но количество перемещений йо-йо могло быть ограничено, ведь никто об этом мне не говорил. И что если эта глупая штуковина опять неверно истолкует команду и последний наш мир окажется хуже предыдущего? Нет, похоже, нам лучше сидеть на месте посреди неизвестности, всецело положившись на собственное умение выживать и собственные силы.

А в этом отношении нам похвастать было особенно нечем.

Мы решили остаться здесь до рассвета, а потому пришлось

набрать побольше хвороста. Вскоре благодаря нашедшимся у Крошки спичкам (вот одно из преимуществ пыхаря, у которого всегда есть про запас спички) мы уже грелись у весело трещащего пламени.

Мунчайлд тоже ждал неожиданный приятный сюрприз. Она обнаружила его, забежав за дерево пописать, и не замедлила поделиться с нами. Едва натянув трусики и даже не поправив как следует юбку, она бегом вернулась на полянку с криками:

– Я снова девушка! Я снова девушка!

50
У костра

Вышло так, что наше цифровое спаривание в краю КА не нанесло девственной плеве в обычном теле Мунчайлд никаких ощутимых повреждений. Чего и следовало ожидать, учитывая странность сексуальных КА-сношений. Мы с показным воодушевлением поздравили Мунчайлд и постарались поскорее забыть об этом.

Но в следующее мгновение выяснилось, что без последствий наши киберприключения все же не остались.

– Эй, Дурной Палец, – крикнул Крошка. – По твоей руке что-то ползет!

Я взглянул на свое голое запястье.

Там ползла вошь.

Крохотные разноцветные КА размером с десятицентовик импульсивно, крохотными резкими шажочками двигались под моим эпидермисом, словно живые тату. Особых ощущений при этом не возникало, но мурашки от такого зрелища по спине бегали. Я попытался стряхнуть с себя вшей, но безуспешно. Вши ползали под кожей или внутри кожи и использовали мою клеточную органическую структуру для поддержания своего одномерного существования. Как вскоре выяснилось, вши были не только у меня: Крошка и Мунчайлд тоже отыскали насекомых у себя под кожей.

Внезапно Мунчайлд заголосила:

– Наш ребенок! Наш ребенок! Где наш ребенок?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы уразуметь: она имеет в виду того маленького КА, который появился у меня на свет. Ясно как день, что малыш не смог отправиться с нами. Само собой, будучи отдельным индивидуумом, пусть даже рожденным КА-телом, ребенок не смог совершить переход, потому что не съел конфету из пец-конфетницы, и остался в том мире.

– Ты бросил нашего ребенка, и теперь его сожрет этот ужасный король!

– Погоди минутку. Откуда у нас ребенок, если ты до сих пор девушка?

– Ты отлично знаешь, что это ты родил его, а не я.

– Но первое слово, которое он сказал, было «мамочка».

– Он имел в виду тебя!

– А по-моему, тебя!

Мне не хотелось подавать вида, но претензии Мунчайлд

причинили мне боль. Раньше мне было совестно, что я позволил Гансу снять живую копию с базовой системы моего тела и использовать ее по своему усмотрению, а сейчас я переживал из-за того, что мой КА-сын остался беспомощным перед лицом опасности.

Решив укрыть боль за жестким панцирем, я ответил:

– Не думаю, что из-за этого я стану плохо спать. Я сделал то, что должен был сделать для нашего спасения. Кто ж знал, что этот ребенок вдруг появится? Кроме того, уже слишком поздно что-то предпринимать.

– Нет, еще не поздно! Мы можем вернуться и помочь ему!

– *Забудь* об этом!

– Ты можешь думать только о «горячих девочках»!

– И что в этом плохого? – вмешался Крошка. – Я считаю, Дурной Палец сделал отличный выбор. Конечно, если только у него что-то получилось.

Пока мы возделывали в полях дины, я вкратце объяснил Крошке (а потом и Мунчайлд, рассудив, что травка во время нашего совместного пребывания в камере затуманила самые важные места моего первого объяснения) откуда я явился и каким образом смог проникнуть в их мир, что за пассажиров принял в струну своего йо-йо и что пустился в странствия ради личного счастья и разрешения Онтологической Закавыки, или «теории всего». Ангел понял меня и вновь заметил, что полностью на моей стороне в плане выбора свойств последнего мира.

Словно сказочное эхо слов Крошки, в моей голове раздались голоса Кальпурнии и Калипсо:

– И мы тоже! Отнеси нас к девочкам!

– Кальвинии! Что случилось с вами в мире КА? Куда вы подевались?

– О чем это ты?

– Разве мы не попали в этот мир прямо с твоего суда?

Я рассказал им о том, что они пропустили.

– Ага, понятно. Мы что-то проспали.

– Этот односторонний-бессторонний плоский мир был слишком прост, чтобы поддерживать наше существование.

– Вас, людей, можно смоделировать при помощи нескольких гигаклеточных наборов. Но чтобы воспроизвести нас, необходимо несколько триллионов триллионов триллионов логических ячеек.

– Самое малое.

– Но вот мы снова с вами!

– И ждем не дождемся, когда начнется секс!

– Что ж, я тоже жду не дождусь, – отозвался я, и, словно в ответ на мои слова, где-то в отдалении завыл волк, и с десяток

его голодных сородичей откликнулось на призыв, да так, что кровь стыла в жилах.

51
Чумазые богини

Крошка подкинул в костер новое полено, и искры закружились, угасая в воздухе. Мунчайлд начала дрожать.

– Иди садись сюда, между мной и Крошкой.

– Вам, *мужикам* , сразу в голову разное полезет.

Крошка принялся напевать без слуха и голоса:

– Я мало знаю, детка, о любви, но о главном смогу догадаться.

– Крошка, прекрати! Слушай, Мунчайлд, нам нужно прижаться друг к другу для тепла. И мы никогда не позволим себе ничего такого, чего ты не захочешь.

– Э, нет, это типичные уловки всех парней. Вы постепенно сделаете так, что *я захочу* . Не сразу, так со временем. Я потеряю голову. А потом возненавижу себя.

Я стиснул виски руками. Ну почему все женщины такие? Почему нет мостика между полами, почему у нас нет общности интересов? Почему слепая, глупая эволюция, бессловесная нужда, диктуемая нашими генами, заставляет мужчину и женщину становиться на глубинном уровне противниками, вольными осеменителями против вечно беременной серьезности?

– И кроме того, – всхлипнула Мунчайлд, – я не собираюсь вступать в ваш гарем горячих девочек!

– Ладно, забудь! Если сбереженная девственность означает тощую отмороженную задницу, то полный вперед.

– Тощую?

– Да, ты не ослышалась. Ну, может быть, точнее будет «костлявую».

Разинув рот в беззвучном крике, Мунчайлд метнулась через пространство, разделявшее нас. И сшибла меня с пня, на котором я восседал. Мы свалились в грязь, где принялись бороться и кататься. Крошка опустился рядом с нами на корточки, пытаясь разнять.

Пока мы возились, на краю поляны хрустнула ветка, послышались шаги и приглушенный стук копыт.

Мы прекратили возню и обратили взгляды вверх.

Перед костром стояло с дюжину женщин с длинными спутанными волосами.

В большинстве своем пешие. Две сидели верхом на огромных рыжих лосях (животных с уздечками, но весьма дикого вида). Эти женщины в добротных костюмах из меха и кожи, с украшениями

из бус, кости и меди, вооруженные луками, стрелами и копьями, ростом были не меньше шести футов и больше всего напоминали хорошо откормленное и накачанное потомство Ракель Уэлш и Арнольда Шварценеггера. Целый отряд Зен. Их лица были перепачканы пылью и грязью дальней дороги.

Одна из всадниц на лосе произнесла несколько слов на неизвестном языке, после чего стала терпеливо и даже несколько церемонно ожидать нашего ответа.

– И это горячие девочки? – с сомнением спросил Крошка.

52
Новый круг

После пребывания в Моноблоке и под воздействием его особым образом ограниченной вероятностной конструкции у меня развилась естественная способность общаться с кальвиниями. Тем же путем я смог разговаривать с обитателями КА-мира, проявив понимание тамошних «местных наречий». Обитатели мира Мунчайлд и Крошки говорили на английском. Точнее, на архаическом английском, но тем не менее на английском. До сих пор я не задумывался о том, что буду делать, столкнувшись в своем межвселенском путешествии с незнакомым языком.

Только теперь до меня дошло, какое подлое *надувательство* был этот дурацкий йо-йо! Мало того, что его примитивные кибернетические мозги не могли толком и вразумительно понимать мои чрезвычайно четкие и точные пожелания, но от йо-йо не было абсолютно никакой пользы и помощи для ориентации в тех мирах, куда я попадал. Как сейчас, к примеру. Каким образом, скажите на милость, я должен был общаться с этим женским отрядом? Почему Ганс не вставил во внутренности своего волчка какой-нибудь мгновенный супернаучный переводчик вместо этой дурацкой пец-конфетницы? Да и вообще, с чего он вдруг взял, что в дороге я захочу обзавестись спутниками?

– Ты будешь любить меня, хорошо? – спросил в моей голове голос Кальпурнии.

– И меня, – эхом отозвалась Калипсо.

– Особенно за то, как мы теперь тебе поможем.

– Поможете? Но в чем?

– Как ты смотришь на то, что мы немножко подправим твои мозги?

– Мы нашли в них кое-какие связи, на которые можем воздействовать.

– Нам не составит особого труда воздействовать на атомы водорода и сконструировать в примитивном программном обеспечении твоей головы универсальный синхронный двунаправленный переводчик.

– Ну и к тому же это слегка нас развлечет.

– О да, кальвинии должны создавать, кальвинии должны творить.

Что я теряю...

– Хорошо. Давайте, действуйте. Но только спокойно, не торопитесь.

– Оки-доки, артишоки!

Одна из Рыжих Сонь верхом на лосе сказала что-то своей подруге-всаднице. Слушая, я едва не спятил: их белиберда вдруг посреди предложения превратилась в родной английский!

– …к Великой Матери. В прошлую луну она отправилась в свое зимнее поместье в Крови Десяти Зубров.

– Да, – отозвалась вторая наездница. – Так будет лучше всего. Конечно, если они согласятся идти. Ведь нам, само собой, ни к чему оскорблять Крылатого и его сородичей, применив против них насилие.

Я поднялся с земли, по-возможности с достоинством. Отряхнувшись, быстро и легко проговорил на местном наречии, на звуках которого можно было сломать язык:

– Не нужно насилия, дамы. Мы с радостью проследуем с вами к Великой Матери.

53
Барби-кью из пещерного медведя

От запаха жареного мяса я едва не потерял сознание. Последней заслуживающей упоминания нормальной едой, которая мне досталась, была тюремная овсянка в Хиппивилле, и я с трудом сдерживался, так мне хотелось скорее впиться в свою порцию стейка, который столь мастерски готовила одна из туземок. Тот факт, что стейк был вырезан из туши гризли размером с приличный джип, ничуть меня не смутил.

(Что немного озадачило, так это каким образом этим примитивным девчонкам удалось изловить и убить такого ужасающего зверя...)

Принимая во внимание нашу очевидную непригодность к суровому походу по пересеченной местности, девичий отряд единодушно согласился разбить до рассвета лагерь на нашей поляне. Я воспринял это с облегчением, поскольку так мы получали возможность отдохнуть и присмотреться к этим женщинам.

Сначала состоялись церемония приветствия и знакомство. Мое имя вызвало удивленные взгляды, видимо, своим незнакомым и, возможно, варварским звучанием.

– Наверно, это имя пришло от Купцов с Дальней Стороны, – наконец предположил кто-то.

Естественно, я не мог ответить с уверенностью. Имя «Крошка» было мгновенно понято и вызвало смех, а также обмен солеными шуточками вполголоса. Мунчайлд приветствовали уважительными поклонами и непонятной последовательностью странных жестов – эти движения обеих рук изображали хлопанье птичьих крыльев. Потом пришла очередь представиться другой стороне. Первой назвалась всадница, очевидно главная здесь:

– Я – Быстрый Поток.

– Рожденная Поздно.

Потом представились остальные десять девушек.

– Острая как Кремень.

– Мельница.

– Замучившая Быка.

– Ненавидящая Дом.

– Потерянная Иголка.

– Быстрая Бегунья.

– Пьяная Танцорша.

– Огненная Вода.

– Мамина Помощница.

Я перевел своим спутникам имена девушек. После того как прозвучало последнее имя, Мунчайлд проговорила:

– Клево, они как первобытные люди.

– Гм, я так не думаю, Мун.

К тому времени стейки изжарились, и мы присели подкрепиться. Из кожаной с мехом фляги разлили некий напиток вроде ферментированного молока. К нему нужно было привыкнуть, но пился он легко, и, как я вскоре обнаружил, быстро пьянил.

Поскольку я был единственным, кто говорил на местном наречии, то вскоре оказался зажатым, как мясо в сандвиче, между двумя «вожаками», Быстрым Потоком и Рожденной Поздно, которые горели желанием узнать о нас побольше и побыстрее. Остальные женщины расположились вокруг согласного на все Крошки. Они по очереди кормили его, снова и снова наполняя его тарелку. Для того, что явно было у них на уме, язык не особенно нужен. Тем временем Мунчайлд, укутавшись от прохлады в одолженные кем-то меха, вяло ковыряла еду и казалась ужасно несчастной. По правде говоря, рядом с этими привлекательными амазонками ее худоба и блеклые черты особенно бросались в глаза.

После того как я по возможности доходчиво объяснил, откуда мы явились (мое объяснение было с готовностью воспринято как нечто вроде сказки, весьма уместной по непонятным мне причинам), я спросил, где мы и что за племя и народ представляют эти женщины.

Быстрый Поток закончила ковырять в зубах медной булавкой своей броши и ответила так:

– Ну где же, как не на Груди Богини, среди ее смертных дочерей?

Рожденная Поздно добавила:

– Разве ее объятия не простираются повсюду и не заключают в себя всех и каждого?

Я почел за лучшее согласиться с невинными дикарками.

– Ну конечно, образно говоря, это так. Но к какой нации вы принадлежите?

– На-ции? Это слово нам неизвестно…

– Разве ваш мир не разделен на разные страны?

– Стра-ны?

Продолжать в том же духе было невозможно. Я поискал в своем новом словаре подходящие выражения, скажем, какие-нибудь вроде «государство», «монархия», «феод», «империя» – округ, наконец, но попроще. Ничего не подошло. Пришлось

прибегнуть к переносному смыслу: вдруг получится понятнее.

– Области влияния, власти и управления, где правит один избранный человек. У вас есть что-то такое?..

Быстрый Поток добродушно улыбнулась, словно говорила с безумцем.

– У нас нет различий между землями, порожденными Богиней. В Ее глазах и в наших этот мир един.

Наконец я все уразумел.

– А, ясно, вы, ребята, наверно, знакомы только с малой частью своего мира. Ваши слова верны для ваших земель по соседству, для нашего леса и ближайших полей. Но Земля – она очень велика, это целый здоровенный шар... да вы, наверно, знаете, он летит в космосе, вокруг Солнца.

Я нарисовал пальцем на земле шарик и солнце, словно объясняясь с глухим. Молочный напиток придал мне сил, и я чувствовал, что мой голос исполнен твердой убежденности.

Услышали это и женщины, потому что перестали улыбаться. Потом заговорила Быстрый Поток:

– Да, это нам известно. Примерно двадцать четыре тысячи восемьсот тридцать миль в окружности по экватору и девяносто три миллиона миль от Могилы Рожденной Богини. Во всяком случае, с такой точностью сумели определить это наши моряки и знатоки неба. Хотя, когда придет новое поколение мегалитов, мы надеемся узнать больше.

54
Поселки-близнецы

По-видимому, мы – я, Крошка и Мун – правильно сделали, что остались на месте. От ближайшего поселения нас отделяло пять дней пути, и еще, естественно, под вопросом, взяли ли бы мы верный курс. Пустившись в путь на свой страх и риск, мы оказались бы перед небогатым выбором: либо отморозить задницы и опухнуть с голоду в этом густом лесу, либо отправиться в другой мир при помощи йо-йо, как только я придумал бы новое место, куда хочу попасть.

Конечно, оставив в стороне тайну политического устройства и доминирующих этносов – тайну, которую общение с нашими провожатыми так и не смогло полностью раскрыть – я уже не был твердо убежден, что *этот мир* – тот, какого я желал. В общем-то, это место ничуть не отвечало моим критериям «края горячих девочек». Называя подобную цель, я имел в виду нечто вроде не слишком привлекающей внимание обители уступчивых моделей, типа героинь фотосессий «Секретов Виктории». Вместо этого я получил какую-то версию каталога патагонской одежды. Я задумался о том, насколько хорошо настроена мысленная связь между моей головой и йо-йо Ганса...

Эти рослые женщины, несмотря на свою великолепную мускулатуру и чумазые, но прелестные черты, почему-то совсем не заводили меня. По правде сказать, я даже отверг несколько явных предложений секса. А вот Крошка повел себя совсем иначе. В первую же ночь среди этих женщин с его стороны понеслась какофония рычания, писка, визга и хрипа: он решительно развлекался с несколькими путницами, одновременно и по очереди.

Ну ладно. По крайней мере, *одному* из моих друзей я помог. Хотя Мунчайлд категорически не одобрила мое сводничество, о чем я мог судить по ее вечно кислой физиономии.

Несмотря на провал в роли предмета моей страсти, эти женщины оказались отличными проводниками и скоро и безошибочно вывели нас к небольшому, неукрепленному и безмятежному поселку под названием Левая Грудь: несколько дюжин крепких на вид и уютных мазанок с покрытыми дранкой крышами, выстроенных кру́гом перед двухэтажным каменным домом. Загоны для свиней, овец и коз. Здесь выращивали нечто, похожее на бобы. На другом берегу реки расположилась идентичная Правая Грудь.

Разве возможно заниматься фермерским хозяйством, насмотревшись на такие Большие Сиськи?

55
Вид с крыш

Собаки Левой Груди облаяли нас, когда мы ненадолго остановились там, чтобы пополнить припасы и выпить полуденного пива. Быстрый Поток и Рожденная Поздно, переговорив с деревенским старейшиной, мужчиной по имени Скорый Челнок, обменялись с ним новостями.

Увидев в этом мире первого мужчину, я воспрянул духом. Скорый Челнок был стар, но силен и прям станом и смотрел ясным, уверенным взглядом. Он разговаривал с женщинами уважительно, но как с ровней, не как раб или вассал; ни он, ни дамы не вели себя как господа, никто не строил из себя слугу-дурачка. Я беспокоился о том, как бы этот старик не оказался кем-то вроде задавленного матриархатом ничтожества. Но, как выяснилось, я ошибался.

Очень скоро мы снова тронулись в путь. Я шел рядом с Маминой Помощницей. (Как я узнал, она была акушеркой.) Она первой начала разговор.

– Ты знаешь, что твой спутник, Крошка, отмечен одним из знаков Богини?

– Нет. О чем ты?

Она схватила меня за руку и подняла ее вверх. Потом указательным пальцем проследила движение нескольких КА-вшей под моей кожей.

– Волшебные татуировки, которые есть на вас всех. У Крошки эти татуировки в форме лабриса, двустороннего топора. Совершенно особенные.

– Никогда не видел его татуировки.

Мамина Помощница хихикнула.

– Верю. Они почти всегда у него на интимных местах.

В смущении я отнял от нее руку.

Две следующие недели мы шли все время на юг. Постепенно становилось все теплее, растительность менялась на субтропическую.

И вот, поднявшись на очередной холм, мы увидели Кровь Десяти Зубров.

На середине спуска к подножию нам среди зеленой кущи стали попадаться одно– и двухэтажные каменные дома с плоской крышей. Они располагались все чаще и чаще, пока наконец не перешли в приличных размеров город. У дальней окраины города до самого горизонта протянулось море цвета темного винограда.

Я заметил, что в каждом доме на крыше есть вход с козырьком от дождя и с торчащей вверх лестницей. Других дверей в домах я не заметил, по крайней мере с тех сторон, что смотрели на меня. Быстрый Поток и Рожденная Поздно спешились и дальше повели своих могучих лосей под уздцы.

– Скоро вы встретитесь с Великой Матерью.

Когда дома стали лепиться друг к другу почти вплотную, мы поднялись на крыши и дальше шли по городу поверху, переходя с крыши на крышу по подмосткам и поднимаясь и спускаясь по лестницам. Пешеходное движение здесь было оживленное: и мужчины, и женщины, и множество шумной детворы.

Наконец мы остановились на одной из крыш, ничем не отличающейся от других.

– Можете спускаться, – сказала Быстрый Поток.

Я собрался с духом. Я привел нас всех в этот мир и потому должен был идти первым, хотя бы потому, что был единственным, кто мог говорить на местном наречии. Я спустился по крепкой лестнице. Внизу мне пришлось немножко помедлить, пока глаза привыкали к тусклому свету, струящемуся в затянутые пергаментом окна наверху и от масляных светильников, которые весьма незначительно разгоняли сумрак над каменным полом комнаты.

За широким столом спиной ко мне восседала рослая женщина с розовыми волосами. Она повернулась, и я тут же узнал леди Саншайн.

56
Голос улья

Пока я, притворяясь куском льда, стоял недвижим, по лестнице, ступеньки которой прогибались под их ногами, спустились Крошка и Мунчайлд. Они подошли ко мне, и, когда их глаза наконец привыкли к полумраку, их тоже точно заморозило.

Крошка первым пришел в себя. Если можно так назвать превращение в трясущееся желе. Он упал на колени, вскинул руки над головой и принялся молить о прощении.

– Прошу вас, умоляю, леди Саншайн, я крепко облажался, но, типа, чисто случайно. Я схавал дозу колес этого Дурного Пальца, как вы просили, и меня так мощно вставило, что я очухался только здесь. Но я и не думал бежать от вас, и все такое. Я *люблю* свою работу.

Леди Саншайн поднялась с места и подошла к Крошке, который корчился на полу. Она подхватила его под мышки – за те места, за которые я бы никогда не взялся – и подняла с полу, промолвив со спокойным благородством:

– Я не понимаю твоих слов, чужеземец, но мне ясно, что ты напуган. Скажи, кто-то из моих подданных обидел тебя? Если так, они будут сурово наказаны.

Едва я услышал этот спокойный, глубокий и разумный голос – ничуть не похожий на тот обкислоченный самовлюбленный рык, который мы слышали от настоящей леди Саншайн, – моя голова вновь заработала, и я понял, что тут происходит.

Леди Саншайн, которая не глотала пец-конфету, никак не могла отправиться за нами следом через две вермишелины, если только у нее не было собственного йо-йо. Сейчас мы видели перед собой лишь ее двойника, естественный продукт развития местного континуума. Однако совпадение заходило очень далеко: она даже сумела занять вершину здешней социальной пирамиды.

Но потом я подумал: если так получилось, что здесь в точности воспроизвелась леди Саншайн, видимо, со всей цепочкой своих предков, значит ли это, что в *этом* мире сейчас двадцатый век на дворе? Если да, то что за чертовщина творилась тут в прошлые века, коль скоро теперь мы видим перед собой такое?

Крошка продолжал елозить на полу. Я понял, что пора оставить ненадолго размышления и выступить.

– Ребята, – сказал я по-английски. – Взгляните внимательно. Это не леди Саншайн, а просто ее близнец.

Потом я повернулся и обратился к Великой Матери.

– Э-э-э, ваше величество, прошу простить наше невежество. Мы пришельцы из другого мира, устали с дороги и немного растеряны. Ваши подданные относились к нам весьма благосклонно и внимательно. А что до моего товарища, то вы напомнили ему его, э-э-э, бывшую жену. Она была женщина суровая и спуску не...

Я решил заткнуться, прежде чем из моего рта вылетят еще какие-нибудь глупости.

Великая Мать одарила нас терпеливой улыбкой, от которой меня пробрало до самых пяток.

– Даже тут, в нашем мире, такое порой случается. Тем не менее чувствуйте себя здесь как дома. Мы выделим вам жилище и постоянных провожатых, после чего вы можете идти куда захочется. Когда у меня будет больше времени, мы поговорим еще.

Вздохнув, Великая Мать вернулась к своему столу. Я заметил, что стол не был накрыт к обеду, а скорее использовался как письменный, для работы. Этот корявый наплыв с огромного дерева, приспособленный для утомительного труда, был завален грудами испещренных рунами пергаментов. Мгновенно позабыв о нас, Великая Мать взяла очередную страницу и принялась читать.

Когда мы повернулись, чтобы подняться по лестнице, я заметил, как леди выбрала из многих других вещей на столе глиняную печать, погрузила ее в чернила и оттиснула на законченном документе.

Очутившись снова на крыше, под опекой Быстрого Потока, я подумал: только что мы оказались свидетелями телесного воплощения божественного принципа, или дубликации Верховного Босса.

57
О Гиландии

Раскрасьте меня и назовите глупейшим друидом. Но чтобы понять, где мы очутились, мне понадобилось прожить в Крови Десяти Зубров целую неделю.

В процветающем все еще древнем царстве Богинь, как чрезвычайно авторитетно назвала его одна из известнейших антропологов моего родного мира, госпожа Мария Гимбутас.

В земном неолите выжили и просуществовали до двадцатого века совсем другие культуры. Однако пусть у нас не было идеального и абсолютного матриархата, тем не менее «феминистские» ценности и обычаи кое-где все еще сохранялись. Целый пантеон богинь, которым поклонялись в обличьях Коровы, Птицы, Луны, Солнца и Змеи, а также других. Рождение считалось священным, смерть – вратами к перерождению, никакой загробной жизни, которой можно было бы заманить или запугать. Большие высоты были достигнуты в искусствах поэзии, ткачества, рисования и строительства гробниц. От этого мирного периода не осталось никаких нанесенных войнами ран, ни военных укреплений. Зато он был славен отважными мореплавателями и технологическим уровнем, достаточным для развития металлургии и строительства монументальных сооружений типа Стоунхенджа. Отношения между мужчинами и женщинами, насколько это можно разобрать из наших дней, отличались полнейшим равноправием.

Для описания такого устройства феминистка Райан Эйслер в книге «Меч и причастие» слила «гине-» и «антро-» в «гиланию», форму женского управления. Поэтому я окрестил край, куда мы попали, Гиландией.

В моем мире Гиландия возникла и исчезла, когда индоевропейские всадники-воины вторглись в южные для них русские степи, принеся туда собственную, в корне иную культуру.

В этом мире ничего подобного не случилось – по одной-единственной очевидной причине.

Здесь не было лошадей. Всего-навсего. Местными верховыми животными были лоси, но они совершенно не годились для военных целей.

Из-за отсутствия лошадей монотеистская, патриархальная, воинственная и уничтожающая природу культура так и не получила развития.

Вместо этого Гиландия росла и развивалась, завоевывая

земли путем поглощения и мирных переговоров, но не кровопролития. После того как страна достигла некоего критического размера, ее преобладание было признано повсеместно, точно так же, как видеокассеты VHS победили «Бетакам».

У Великой Матери были карты. Великолепные карты всего мира. Кровь Десяти Зубров находилась на том месте, где никогда не будет французской Ниццы. Города-сестры Крови (с которыми у нее было пусть медленное, зато верное сообщение), стояли как в Новом Свете, так и в Старом, в том числе в Азии и Африке.

Отличное противопоставление моей родной землеройной, бездумно транжирящей ресурсы, жадной культуре.

Впрочем, как знать...

58
Всюду Дочери, Дочери, никакого выбора

Личный провожатый, приставленный ко мне, звался Барашек.

Лет ему было примерно семнадцать. Безбородый, прыщавый, слишком долговязый, тощий, он ходил сутулясь, с неизменно виноватым и взволнованным видом. Двигался он словно ленивец, страдающий артритом, за исключением тех моментов, когда пугался громкого звука или случайного резкого движения. Тогда он подпрыгивал, словно лягушка-эпилептик. Время от времени он впадал в дрему, и на его лице появлялось блаженное глупое выражение, как у собаки, которой чешут пузо.

Я моментально понял, что ко мне его приставили потому, что со всеми другими обязанностями он успешно не справлялся. Эта догадка подтвердилась в один прекрасный день, когда мы сидели у меня в комнате и он поведал мне свою трудовую биографию.

Машинально копаясь в своем носу-клюве, Барашек вспоминал: «Я работал на маковых полях, пока не оказалось, что я вытаптываю больше растений, чем обрабатываю. Но между ними совсем не было свободного места! По крайней мере мне не хватало. После этого Совет Дочерей отправил меня вычищать помет из лосиных конюшен. Ну то ли что-то упало с крыши мне на голову, то ли я сам случайно саданул себе по голове лопатой, то ли дух там был слишком тяжелый, но в первое же утро меня там нашли без сознания. Тогда Братство Гончаров взяло меня в подмастерья, но я чуть не утонул...»

Я взглянул на прекрасный расписной кувшин на умывальнике в дальнем углу комнату.

– Да как можно утонуть, лепя горшки?

– Там, где брали глину, на берегу реки, было ужасно скользко...

У Барашка была еще одна прекрасная черта – он любому промаху находил оправдание.

Я от души надеялся, что Мунчайлд удалось подружиться с ее провожатой, маленькой женщиной по имени Ленивая Рука. Но уверенности у меня не было, ведь я виделся с Мунчайлд крайне редко, а когда нам доводилось встречаться – например, в общественных столовых, – Мунчайлд смотрела на меня с презрением. Как я догадывался, она все еще дулась на меня, во-первых, за мой выбор двух последних мест нашего назначения, а во-вторых, за то, что я бросил нашего ребенка.

О Крошке мне беспокоиться не приходилось. Он устроился

как нельзя лучше. По правде сказать, пузатый громила Ангел тут как сыр в масле катался. Дни напролет он жрал, трахался и дул пиво, как какой-нибудь байкер Ниро. По всей видимости, он не был похож ни на одного из тех мужчин, к которым привыкли женщины этого мира, и половина горожанок занимала к нему очередь и терпеливо ждала, чтобы отведать мясистых деликатесов его любви.

Я же так и не получил свою порцию здешней постельной акробатики, несмотря на то, что завуалированные предложения заняться ею поступали мне постоянно и вполне откровенно. Что-то удерживало меня от того, чтобы связаться со здешними женщинами. Много ночей я провел в безнадежных раздумьях над своими ощущениями, пока однажды ответ наконец не забрезжил, когда я равнодушно наблюдал за тем, как рано поутру целая когорта нагих школьниц барахтается на земле. Очевидно, это заменяло тут утреннюю пробежку.

Дело в том, что я чересчур вымотался и перенервничал, чтобы получить удовольствие от бескорыстного, полноценного и совершенно естественного секса, предлагаемого здешними женщинами. Старина Вуди Аллен шутил: «Бывает ли грязный секс? Да, если вы занимаетесь им по правилам». Я не мог вынести, что любая из этих женщин могла заняться со мной сексом совершенно свободно. Слишком они были просты и прямолинейны. Никаких недоговоренностей, намеков или ритуала, в которых я так нуждался, а сам я слишком закоснел, чтобы меняться.

– Жаль, что у нас нет тел, – подала вдруг голос Кальпурния.

– Да, – эхом откликнулась Калипсо. – Мы-то знаем, что тебе нужно.

– Но что делать, мы здесь, в твоей башке.

59
Гиландские наблюдения

Впервые за время моего межпланетного путешествия никто не гнался за мной, не грозил мне и не пытался отнять у меня йо-йо.

Я не был пленником и не был рабом банды КА-плантаторов. Я мог посидеть спокойно, расслабиться и обдумать свой следующий шаг. Тут я определенно оставаться не мог. Этот мир был слишком прост, ясен, честен для урода вроде меня. Он не содержал никаких объяснений Онтологической Закавыки и не предлагал никаких гедонистских бессмысленных наслаждений, которые могли бы отвлечь меня от дальнейшего похода за разгадкой.

Поэтому, обдумывая, каким станет мое следующее место назначения (и как мне преподнести Крошке пренеприятное известие о нашем отбытии из его земли обетованной), я попросил Барашка прогуляться со мной по округе, чтобы поглазеть на достопримечательности.

Мы посетили всевозможных ремесленников и мастеров: ювелиров, нанизывающих янтарные ожерелья, маляров, красящих стены, кружевников (все мужчины), плетущих коврики и скатерти. Я принял участие в бесчисленных церемониях и действах, среди прочего и в мрачных «небесных похоронах», при которых мертвеца возносили на открытую платформу, с тем чтобы птицы могли очистить от мяса его кости, с последующей погребальной церемонией, где эти самые кости любовно окрашивали охрой и особым образом укладывали в гробницу. Нас приглашали на то, что я назвал «месячными вечеринками», где девочки отмечали свои первые кровотечения. Мне это напомнило «Сонные вечеринки пятидесятых». На этих приемах не хватало только пачки сорокапяток Бобби Дарина и пушистых шлепанцев. Но кое-что осталось в точности таким же.

Мы побывали на охоте в составе экспедиции из дюжины отлично тренированных женщин-убийц, способных вселить страх в любого члена Национальной охотничьей ассоциации. Дамы завалили шерстистого носорога и без проблем вынесли его из леса, вот только Барашек врезался на полном ходу в дерево головой и заработал на лбу желвак размером с Род-Айленд.

После на наших глазах эти же смертоносные женщины-воины превратились в общественных нянек, принялись возиться с детишками, ухаживать и пеленать.

Мы сходили посмотреть, как работает правительство

Гиландии, и протирали штаны на нескольких скучнейших собраниях, вникая в местные проблемы.

«Жители Западного Собачьего Зуба доносят: жители Северного Орлиного Когтя, что выше по течению Малой Питоновой Реки, пренебрегают запретом выбрасывать отходы в реку, чем загрязняют воды Великой Матери...»

Мы даже нанесли визит самой Великой Матери. Нам не удалось поговорить с ней лично, но мы сидели и наблюдали, как она ведет прием посетителей. Я вздрогнул от удивления, увидев в приемной Великой Матери коренных американцев. Как оказалось, они прибыли с торговой делегацией из-за Левиафанова моря и просили о повышении цен на табак. Великая Мать так умно провела с ними переговоры, что делегация ушла от нее в полном довольстве, получив обещание снизить таможенную пошлину и в свою очередь посулив удвоить привоз.

Вновь мы увидели Великую Мать на соревновании парикмахеров. Гиландцы, мужчины и женщины, много времени тратили на сооружение сложных причесок, а потом сравнивали результат на конкурсе. В тот раз был финал, и Великая Мать сама определяла победителя.

Глядя на страстно болеющую публику, от криков которой у меня трещала голова, на развешанные на груди В-Мамы регалии и ее бесстрастный лик, взирающий с высоты трона на сцену, я внезапно испытал вдохновение.

Я понял, куда отправлюсь в следующий раз.

60
Тяжкая ноша – ветвистые рога

Крошка и Мунчайлд выжидательно смотрели на меня. Я нервничал, но понимал, что нет смысла отсиживаться в кустах.

– Знаете, ребята, я думаю, что мне пора двигать дальше. Глотнуть свежего воздуха, немного поменять обстановку, в таком духе, вы понимаете. И раз уж нас всех соединила великая пец-конфетница, то и вам придется отправиться со мной...

Меня всегда пугало, как быстро умеют двигаться некоторые здоровяки. Кроме того, я с изумлением узнал, что шейные позвонки способны выдерживать вес тела, когда ноги не касаются пола.

– Я, – сказал Крошка, – никуда не уйду. Это именно такое место, каким я всегда представлял себе милый моему сердцу рай. И с каждым днем становится только лучше. Вы, ребята, еще не просекли, но скоро меня тут посадят на место короля... или как тут у них называют парня, который трахает здешнюю леди Саншайн.

Сквозь красный туман я заметил, что Мунчайлд колотит Крошку по плечу.

– Крошка, отпусти его! У него лицо посинело!

Пол под ногами оказался настолько приятным ощущением, что я решил растянуться на нем в полный рост. Не успел я вспомнить, как это – дышать, как кальвинии снова появились в моей голове.

– Пол, если твой приятель не хочет отправиться с нами, пусть остается.

– Ага, потому что мы нашли внутри йо-йо управление списком проглотивших пец-конфету.

– Мы просто удалим его из списка, и пусть делает что хочет.

– Удалите, – прохрипел я.

Со стоном поднявшись на ноги, я сказал Крошке:

– Ладно, я знаю, как тебя тут оставить.

– Отлично. Но только не ври, а то не поздоровится. Потому что, если вдруг окажется, что я очутился вместе с тобой там, куда ты намылился дальше, ты проживешь очень недолго. А чтоб ты не дулся, я придержу для тебя билеты в первый ряд на мою коронацию. Она через несколько дней. Можешь подождать хотя бы такую малость?

Я мог бы заставить йо-йо унести нас из Гиландии в ту же секунду, и Крошка не сумел бы нас остановить, но на то, как он

станет подбивать клинья к Великой Матери, стоило посмотреть, хотя бы ради собственного удовольствия.

– Конечно, мы подождем.

– Ладно, я рассчитываю на вас, – улыбнулся Ангел и удалился.

Встревоженная Мунчайлд подбежала ко мне.

– Ох, Пол, ты в порядке? Я рада, что ты наконец решил свалить отсюда. Я тут все просто *ненавижу!* Я не понимаю толком их язык, женщины тут сплошь шлюхи и потаскухи, а мужчины не знают о чем говорить, кроме *поясков* и *шарфиков* . Я *дождаться не могу* , когда мы уберемся!

– Ты больше на меня не злишься?

– Конечно, нет!

– Хорошо. Не хочу путешествовать с ворчуньей.

– С этого момента я стану мисс Улыбкой, обещаю!

И мы стали собираться в путь.

Когда я сказал Барашку, что скоро его услуги мне больше не понадобятся, его снежно-бледное чело омрачилось печалью.

– Значит, меня припишут на новую работу, – уныло заявил он. – Уж не представляю, что это будет. Я уже все перепробовал. Единственное, что осталось, это бойня. Я *знаю* , там все кончится тем, что я сам перережу себе глотку. Все только и хотят от меня избавиться! Ох, как я ненавижу этот мир!

Я почувствовал, что виноват перед парнем, который никак не может избавиться от наваждения своей неуклюжей, эгоцентрической, несносной жизни.

Поэтому я посоветовал ему приободриться и дал пец-конфетку.

Ну и что такого? Теперь кальвинии научились удалять людей из моего веселого маленького отряда, и я всегда смогу избавиться от Барашка, если мне надоест таскать его от мира к миру. Но сейчас он заслужил начать жизнь сначала.

Наступил день коронации Крошки, который, как я понял, пришелся на день зимнего солнцестояния.

Церемония в присутствии всего населения Крови Десяти Зубров, собравшегося в амфитеатре на склоне холма, впечатляла, особенно хорош был Крошка в мохнатой шубе и с парой огромных оленьих рогов, прикрученных к голове. Кульминация, а именно публичный акт между Крошкой и Великой Матерью, превзошла все ожидания: подлинно чувственное соитие титанов.

Мунчайлд отвела глаза от этого зрелища.

– Разве ты ни чуточки не ревнуешь? – спросила она.

– Не-а.

– Почему?

– А потому, – рассмеялся я, – что я читал «Золотую ветвь», а Крошка нет.

Потом, пока толпа вопила – отчасти потому, что впереди было летнее солнцестояние, отчасти, что для головы их Короля-на-один-день уже был приготовлен топор палача, я бросил йо-йо.

На этот раз я отправился за *властью* .

Выпало в шестой раз

61
Беспредельно амбициозный девиз: мания величия должна быть великой!

Глядя, как управляется с делами Великая Мать, я возжаждал чистой власти. То, как она ловко манипулирует людьми и обстоятельствами, ее способность вдохновлять своих подданных и доводить начатое до конца, отдавать приказы и назначать наказания чрезвычайно впечатлили меня. Она была подобна естественной силе природы, неостановимой и неколебимой. Я понял, что именно этих качеств мне не хватало всю мою жалкую жизнь, повсюду – и в «Стране книг», и во всех пузырях-вселенных, которые я посетил. Получив власть, я, само собой, решу все свои проблемы.

Таков был мой план: в некоем новом мире, обладающем приличным потенциалом, я буду автоматически наделен верховной безграничной властью на уровне «Повелитель Вселенной» и там немедленно удовлетворю все свои материальные и духовные потребности, очищу душу и тело до полной прозрачности, обрету дальнозоркость и ясность ви́дения. Капелька роскоши очень полезна для поднятия духа.

Потом, крепко встав на ноги как изнеженный, благодушный и всеблагосклонный диктатор, я отправлюсь в путь искать ответ на Онтологическую Закавыку. Используя огромные ресурсы, сосредоточенные в моих руках, в том числе и внутренний дозор, моих пленных кальвиний, я разгадаю, наконец, почему вокруг нас нечто вместо ничто. Огромные лаборатории, телескопы, цистерны с гигантскими мыслящими мозгами, университеты, монастыри, ускорители частиц и центры здравоохранения станут трудиться на меня сутки напролет в поисках окончательного ответа. При необходимости вся планета будет принесена на алтарь моего честолюбия.

Это потрясающее видение росло и зрело в течение тех нескольких дней, что я дожидался коронации Крошки. Я создал его в своем воображении, слой за слоем добавляя подробности, пока картина не стала реалистичной как реальность. Я был уверен, что эти умозрительные построения теперь уж без потерь просочатся через связующую нить между моим мозгом и йо-йо, после чего переход в мир моих грез произойдет без помех и ошибок.

Поэтому я в великом предвкушении открыл глаза, которые закрыл было в Гиландии, полагая усладить свой взор видом

сонмов услужливых сверхцивилизованных работников, заполонивших огромную площадь в стиле каких-нибудь футуристических комиксов, и все эти мудрые муравьи будут готовы исполнять все мои самые мелкие пожелания, ввиду чего мне останется лишь уповать, что я сохраню довольно скромности и буду достоин воздаваемых мне почестей.

Перед отбытием из амфитеатра Гиландии мы с Мунчайлд поднялись (дабы не прибыть в новый космос в недостаточно благородной позе) и в путь отправились стоя. По мою левую руку стояла Мунчайлд, по правую – Барашек (выглядел он еще тупее обычного). И вот предо мной распахнулся мой новый мир.

Теплое солнце в безоблачном небе озаряло бескрайнюю однообразную пустыню, где, точно неуклюжие куклы, распластались ниц, вцепившись в песок, несколько дюжин голых людей.

Вероятно, единственным, что йо-йо удалось прочитать в моих мыслях, были раболепные позы моих подданных.

62
Бросок костей

Я оглянулся по сторонам, не веря своим глазам.

– Пол, куда ты нас притащил? – спросила Мунчайлд.

Барашек – которого я предупредил о перемещении секунд за тридцать, наверное, – тупо почесал в затылке, добыв оттуда небольшое облачко перхоти. Один из лежавших на песке поднял голову и заметил нас.

– Глупцы! – закричал он. – Ложитесь! Но только медленно, очень медленно! Как на аттракторе Эно, позиция семьдесят-десять!

Наверное, мы колебались чуточку дольше положенного. Поскольку, прежде чем мы успели послушаться странного приказа, примчалась пыльная буря.

Откуда ни возьмись на нас налетел смерч, завывающий, словно слушательницы на концерте мальчиковой группы. Не в силах устоять на ногах, мы беспомощно рухнули наземь. У меня набился полный рот песка. Потом, видимо, я набился песку в рот. Я отчетливо ощутил, как мерцающее облако колючего песка поднимает меня в воздух и несет над землей, словно кувыркающийся аэроплан.

– Мама! – закричал я, но тщетно. Я едва слышал себя сквозь ветер.

Через произвольные интервалы времени смерч швырял меня на землю, катил дальше, словно перекати-поле, потом снова поднимал в воздух. Я чувствовал, как моя одежда рвется в клочья, скручивается и сдирается с моего тела. Пец-конфетница потерялась первой, и я впал в панику. Я знал, что потерять йо-йо не могу себе позволить! Я изо всех сил вцепился в скатанный волшебный коврик переместителя по вселенным и сумел-таки его удержать лишь благодаря сильнейшей хватке модифицированного «дурного пальца».

Дышать было совершенно невозможно, но каким-то чудом я дышал.

В конце концов ветер благодатно стих. Я упал или, скорее, был выброшен за ненадобностью на склон здоровенного песчаного бархана. Наполовину похороненный под песком, покрытый синяками и кровоточащими ссадинами, я осторожно поднял голову.

– Вот это покатались! – восторженно пропела одна из кальвиний внутри моей саднящей головы.

Песчаная куча рядом со мной зашевелилась, и на свет появилась новая голова, похожая на небольшого человекообразного суслика.

Это была Мун. Неподалеку выскочила голова Барашка.

Я горячо поблагодарил кого-то, словно меня заставляли вознести хвалу кому-то и за что-то.

Вокруг меня из песка поднимались аборигены.

Но делали они это весьма и весьма странным образом.

Вытаскивая и выгибая свои руки-ноги под немыслимыми, неудобными углами, движениями они напоминали группу страдающих болезнью Паркинсона, пытающихся заняться тай-чи на скользкой булыжной мостовой. Лицевой тик и гримасы, которые, похоже, составляли часть какого-то ритуала, добавляли к общему диагнозу налет синдрома Туретта.

Я принялся выбираться из песка, но остановился, услышав предупреждающий окрик парня, который пытался поучать нас раньше.

– Не двигайся, незнакомец! Иначе ты начнешь войну со смэйлами!

63
Под сенью бабочки

Я, Мун и Барашек замерли. Возможно, потому что осознали, что теперь мы, как и все местные, совершенно голые. Присыпанные песком, как стеснительные нудисты, мы ждали дальнейших указаний. Вероятный вожак этого племени направился ко мне, по ходу исполняя на песке безобразный танец. Этот толстый, с почти полностью лысой головой, но в остальном довольно волосатый тип, здорово загорел на здешнем солнце. Он сделал в мою сторону еще несколько шагов, потом бочком отступил, сделал кружок, повернулся, метнулся стрелой, замер, пригнулся, шагнул в сторону и сделал реверанс, в результате чего оказался, может быть, на шаг ближе ко мне, чем в начале. Как бы там ни было, но в итоге он присел рядом со мной.

– Привет, чужаки, меня зовут Чарни. Кто вы и откуда взялись?

Парень говорил по-английски, однако речь его была немного неразборчивой из-за странных движений губ и языка, которые его словно бы что-то принуждало совершать. Я представил свою команду и вкратце рассказал о других мирах, где мы побывали. Бла-бла-бла. Чарни слушал все это, развесив уши.

– Как я понимаю, ваши миры существуют не под Крылом Бабочки. Я понял это, едва увидев вашу одежду и неизвестный артефакт, который ты держал в руке. Но поначалу я не решился поверить в то, что старинная легенда может сбыться. – Чарни глубоко вздохнул. – Что до нашего мира, то мы живем под Сенью Ее Крыла вот уже целую вечность, хотя трагедия случилась всего два поколения назад. Среди нас даже есть несколько старейшин, кто помнит, каким был мир в старые времена.

– Но это Земля? Что же тут случилось?

– Вы ведь знаете, что Земля и Солнце летят в Галактике, верно? Так вот, случилось так – по представлениям умнейших из нас, – что наша планета очутилась в той части космоса, где один физический параметр отличается от привычного для нас в любых соседних частях космоса.

– О каком параметре идет речь?

Чарни опять вздохнул, еще печальнее, и я тут же понял, что эта его привычка очень скоро и очень легко прицепится и ко мне.

– Высокая чувствительность к начальным условиям.

Вот черт.

– Ты говоришь об «эффекте бабочки»?

– Именно.

64
Абсурдное проявление всемогущества

«Эффект бабочки» относился к числу наиболее обсуждаемых и популярных тем и парадигм, возникших из теории хаоса. Эффект был предложен в качестве метафоры для описания изменений погоды – самой обычной нелинейной и во многом непредсказуемой системы, известной каждому обывателю.

Любое крупное, заметное по своему воздействию явление в погодной системе – ураган, например, – естественно, не рождается сразу на пике силы. Происхождение урагана можно проследить до самого малого возмущения, а его рост и развитие – результат миллиарда перекрывающихся и взаимоумножающихся воздействий. Отсюда возникло модное утверждение, что взмах крыла бабочки в одном полушарии со временем может привести к появлению шторма-убийцы на другой стороне земного шара.

(Другой пример подобной порожденной хаосом «высокой чувствительности к начальным условиям» – наша Солнечная система. Если при помощи компьютера построить, какие изменения претерпевали орбиты планет, то в результате увидите, что за достаточно долгий период орбиты планет изменяются довольно сильно.)

В некотором смысле эта волшебная бабочка обладает огромной, безграничной властью. Затраченная ею пара калорий приводит к перемешиванию тонн атмосферы, молнии обрушиваются мегаваттами, могут оказаться пострадавшими целые территории.

Однако на данной версии Земли «эффект бабочки» был усилен хрен знает во сколько раз, в результате чего все живые существа здесь – птицы, звери и люди – обрели мощь цепочки водородных бомб.

Такую же нестабильную и неуправляемую.

65
Приятель, не одолжишь динамическую системку?

– Да, – продолжил Чарни, видя, что я не только выслушал, но и во многом понял важность его слов, – с тех пор, как над нами простерлась Сень Ее Крыла, цивилизации, какой мы ее знали, пришел конец.

Первый смертоносный удар нанесла серия штормов и ураганов, порожденных невиннейшими движениями. Бури пронеслись по всему земному шару, уничтожив постройки и всю физическую инфраструктуру, с таким трудом воздвигнутую человечеством. Погибли миллионы людей и миллиарды других существ, экосистемы исчезли, легендарной индустрии развлечений как не бывало. По счастью, существенное перемешивание атмосферы выровняло и усреднило температуру и климат по всей планете. Ароматный воздух, который вы вдыхаете, теперь практически одинаков на всех широтах, что позволяет нам, горстке уцелевших, существовать относительно комфортно и обходиться без одежды.

Остальные спутники Чарни, пока он рассказывал, окружали нас, ступая как Граучо, подпрыгивая как Чак Берри, вышагивая как глупая Клиси в ту сторону, где лежали мы. Это было замечательнейшее – если тут уместно это слово – собрание запаршивевших, изборожденных шрамами и лохматых голых тел, которые я когда-либо видел не на страницах глянцевых журналов с фотографиями Дианы Арбус. У некоторых как будто расплавились участки кожи, у других – руки или ноги. Если это называется «существовать с комфортом», то я предпочитаю скорую болезненную смерть.

Чарни продолжил.

– От машин, конечно, толку не было. Как раз наоборот, если честно. Машины сами стали умножителями хаоса! Всякий поршень, коленвал или простой рычаг превратились в источники новой атмосферной нестабильности. Любое устройство, которое передавало вибрации земле, – динамо-машины, масляные насосы, поезда, автомобили – приводили к неутихающим годами мощнейшим землетрясениям, за которыми воспоследовало Пришествие Космического Пожирателя Хвоста.

Но хуже всего, много хуже, хуже смерти – были компьютеры!

– Но какой вред могли причинить вам компьютеры? – удивился я. – Там же почти нет движущихся частей.

Чарни схватился за голову и выразительно вздохнул. Как я понял, он стал вождем своих товарищей только благодаря выдающемуся искусству трагика.

– Компьютеры породили *квантовый* хаос! А это в тысячи раз хуже, чем все макроскопические аналоги! В новой среде обитания неестественное сочетание потоков электронов в искаженных цепях компьютеров дестабилизировало материю расходящимися волнами! Целые комплексы молекулярных структур нашего мира плавились и корежились, после застывая в самых невероятных формах. Нестабильность держалась потом годами, пока пертурбации не заканчивались и на основе существующих аттракторов в конце концов не устанавливались новые системы.

Люди, которым удалось выжить, – разбросанные небольшие племена, среди которых сейчас есть смэйлы, пойнки, канторы, глики и мы, лоренцы, – научились существовать и, главное, перемещаться в новом мире так, чтобы вызывать наименьшие возмущения. Но у нас нет даже малого преимущества примитивной жизни пещерных людей, и мы не можем осуществить ностальгическую постапокалиптическую фантазию человека о жизни в гармонии с природой. Нет, нам пришлось освоить совершенно новую модель существования, основанную на движениях, управляющих хаосом. Ввиду того, что все и вся теперь непосредственно связано друг с другом, нам приходится очень тщательно обдумывать, за какую нить потянуть.

Словно в подтверждение своих слов, голый мужчина вдруг свалился боком на землю как пустой мешок, будто что-то огромное и угрожающее должно пронестись над его головой.

И в самом деле, что-то действительно пронеслось.

66
Чарни и ловкость рук

Я узнал достаточно. Мы попали просто в безумный ад! Власть здесь была безграничной – и безгранично бесполезной. Тут невозможно было что-то планировать и воплощать свои планы; но, с другой стороны, можно было сбить с неба солнце, просто неудачно пукнув! Я был готов немедленно убираться из этого бедлама. Думаю, Мунчайлд и Барашек вряд ли стали бы возражать.

Пока местные цеплялись за землю, я вскочил, сбросив песок. Я перенесу нас обратно в Гиландию, в самое безопасное место из известных мне; там у меня будет достаточно времени, чтобы спланировать новое путешествие.

Вскинув руку, я приготовился запустить мой всемогущий йо-йо.

– Остановись! – крикнул Чарни. – Твоя экспонента Ляпунова уже поднялась до опасного предела! Ты спровоцируешь куэтовы возмущения и джулиевы завихрения среди смэйлов, и они отплатят нам тем же!

Как полный идиот, я ответил:

– Попробуй меня остановить!

И Чарни остановил.

Он словно дернул за невидимую ниточку, и моя рука упала, крепко прижавшись к боку. Там она и осталась, стискивая в кулаке с Дурным Пальцем йо-йо, бесполезный, как бы я ни старался его запустить. Чарни выгнул спину, высунул язык, пошевелил пальцами, выставил локти, и земля ушла у меня из-под ног.

Вожак лоренцев с победоносным видом встал надо мной.

– Мы обучим вас существовать в нашем мире. Когда по прошествии некоторого времени вы освоите двенадцать тысяч фазо-пространственных траверс, постигнете великие и малые аттракторы и запомните все наиболее явные признаки всех шкал Мандельбротова комплекса, тогда вы получите полную свободу.

– И сколько это продлится?

– Мы обучаем наших детей с младенчества и к восемнадцати годам считаем их полностью подготовленными. Но вы уже взрослые, вероятно, ваше обучение пойдет быстрее. Конечно, вам придется отучаться от старых привычек, и на это потребуется время.

67
Марковская цепочка дураков

Наступила ночь. Солнце закатывалось обычным манером, добравшись до определенной точки над землей. После этого светило в буквальном смысле рухнуло за горизонт.

– Что за черт творится с солнцем? – спросил я, сидя и предусмотрительно опершись спиной о бархан.

Я здорово устал, все тело у меня было избито и мозжило, и это мешало мне следить за чудны́ми действиями лоренцев с должным вниманием. (Ценой удивительных ухищрений они разожгли огонь, добыв его непонятным для меня образом, и сам этот отчаянный поступок немало меня удивил.) Разговаривать с моими собратьями по прыжкам по космическим пузырям, Мунчайлд и Барашком, тоже не особенно хотелось. Но странное поведение солнца вырвало меня из ступора. Одна из лоренцев – лишившаяся глаза женщина с кривой ногой – ответила:

– Ты знаешь, что Земля вертится вокруг Солнца, которое стоит на месте? Потому и кажется, что солнце всходит и заходит.

– Спасибо, что напомнила. Ты намекаешь, что Земля вдруг изменила скорость вращения?..

– Точно. Скорость вращения планет теперь не постоянна. Порой она меняется.

– Но разве мир при этом не должен развалиться на части?

– При старых законах физики непременно бы развалился. Но теперь все иначе.

Женщина придвинулась ко мне.

– А ты вроде хорошенький. Меня зовут Пит-Джен, а тебя?

– Болван.

– Слушай, Болван, а ты мясистый. Когда наступят майские праздники, спаришься со мной?

– А какой месяц сейчас?

Женщина хихикнула.

– Эх, мы тут давно не живем по старому календарю, и времен года больше нет.

– Тогда что ты говорила про май?

– А, это. Так мы называем сочетание местных стохастических условий, при которых можно совершать энергичные движения спаривания без нежелательного резонанса. Это время большой любви.

– Не сомневаюсь. Что ж, спасибо за предложение, Пит-Джен. Но не уверен, что у меня будет подходящее настроение.

– Ладно, если настроение улучшится, ты знаешь, где меня найти.

Женщина резко повернулась, чтобы уйти. В последний момент мне показалось, что она подмигнула мне через плечо. Но она продолжала подмигивать, и я понял, что дамочка тренируется в десятимерных крендельных указаниях, или как там эта здешняя хрень называется.

Мунчайлд заговорила – ноющим тоном, который тут освоила.

– Вот опять ты, Пол, думаешь только *членом* , и этим портишь себе всю жизнь.

Я слишком устал, чтобы оспаривать ошибочные представления Мунчайлд о текущих событиях. Притом что в какой-то степени она была близка к правде.

Внезапно меня осенило. Я живу в цепочке Маркова.

Цепочкой Маркова называют любую последовательность, в которой следующий номер или действие полностью определяет текущее состояние системы, независимо от последовательности состояний системы в прошлом. Это правило избавляет от прошлой истории, но такая последовательность часто заканчивается тупиком: неизбежными циклами периодического повторения.

Неужели и я обречен на нечто подобное? Неужели мне придется вечно повторять свои недавние ошибки?

В этот миг, прервав ход моих оптимистических размышлений, из сумрака вышел Чарни. В руке он держал нечто, похожее на связку обгорелых палочек.

– Это ужин, твой и твоих товарищей, Болван. Пожалуйста, жуйте как можно менее энергично.

Я взял одну палочку.

– Что это?

– Печеный песчаный червь, еда. Если бы сегодня вечером нам не удалось собрать достаточно Максвелловых Демонов, чтобы развести костер, пришлось бы есть червей сырыми.

68
Лучший среди бабочкианцев

Следующие несколько недель мы ходили в школу.

Сначала мы, трое неумех, голышом сидели на песке и следили за циклами движений учителя, которые нам нужно было запомнить. По прошествии нескольких дней, когда это надоело до чертиков, учитель позволил нам на пробу сделать несколько уродливых жестов.

Я беспрекословно подчинялся и усердствовал, надеясь получить в будущем достаточно свободы, чтобы со временем освободить левую руку и, метнув йо-йо, перенести нас отсюда к чертям в ближайший червоточный проход. Циркуляция крови в связанной невидимыми нитями руке оставалась нормальной, но рука по-прежнему не двигалась. В один из дней я заметил, что квадратики вшей под моей кожей превратились в рекурсивные кривые в соответствии со здешними условиями. Когда я показал это Мунчайлд, она воскликнула: «Здорово! Прямо как на Карнаби-стрит!» Но сколько я ни пытался, никак не мог освоить изгибы, приседания и уклонения, которым нас учили подражать. А главное, я не мог освоить плавный переход одних хаос-отклоняющих движений в другие.

Мои слабые неловкие потуги неизменно приводили к долгосрочным возмущениям и повреждениям, если только их не успевали поспешно нейтрализовать старшие. Обычно мне сразу же предлагали сесть на место и следить за остальными.

Как я заметил, Мунчайлд вела себя так, словно посещала танцкласс, и добилась приличных успехов.

– Вот, смотри, Пол, я дерево на ветру…

Но главной звездой среди учеников, как ни странно, оказался Барашек.

Тощий и долговязый гиландец, который на родине был своим злейшим врагом, потому что по недомыслию мог напороться на всякий низкий сук и разбить голову о любую балку, здесь весьма преуспевал, поскольку интуитивно чувствовал, когда от него требовалось быть усидчивым, когда надрывать живот, а когда следовало изобразить недоумение, словно страдаешь запором. Очень скоро он закончил начальное обучение и перешел в старший класс, а мы с Мун так и остались в приготовишках.

Однажды вечером, поглощая наш обычный ужин из пустынной живности, я спросил Барашка, каким образом ему удалось так быстро продвинуться в учебе. (Мы говорили на

английском, который он шустро осваивал.)

– Трудно объяснить. Мне это кажется естественным. Всю свою жизнь в Десяти Зубрах я никуда не мог пробиться. Я то и дело разбивал обо что-то голову, или едва не отрезал палец, или срывал ноготь. Надо мной всегда смеялись.

– Но здесь ты никогда не скучаешь по благам цивилизации?

Слушая себя, я не мог поверить, что называю цивилизацией местечко, где исконные аборигены живут фактически по законам неолита.

– Почти не скучаю. Конечно, еда могла бы быть получше, но я никогда не отличался аппетитом. И друзей у меня там почти не осталось. Нет, здесь мне гораздо больше нравится. Местные люди добры ко мне и даже хвалят. Здесь нет ничего, обо что можно порезаться, и к тому же, э-э-э...

– О чем ты? Дай-ка догадаюсь. Какая-то девчонка строит тебе глазки? Или лучше сказать «строит глаз»?

Барашек вдруг ужасно смутился и разозлился.

– Не смей смеяться над Пит-Джен, а то я...

– Успокойся, парень! Она симпатичная девушка.

– Хорошо, но не будем больше об этом...

– Если ты замолвишь за меня словечко перед Чарни, чтобы он освободил мне руку, я тебя век не забуду.

Барашек выщелкнул в воздух козявку.

– Посмотрим, что я смогу сделать...

В тот же вечер, прежде чем уснуть, я обратился к кальвиниям, которые после приключения внутри урагана заскучали и занимались чем-то своим. Они ответили очень быстро, не успел я облечь свои мысли в слова.

– Вычеркнуть Барашка из списка пец-попутчиков?

– Считай, сделано!

69
В губке

По прошествии некоторого времени я научился медленно двигаться, без вреда для себя и других, дергаясь по правилам лоренцев. Мои учителя остались довольны, и я обрел относительную свободу. Может быть, удача пришла ко мне потому, что часть клеток моего тела обновилась протеинами песчаных червей. (Нам перепадала и другая еда, деликатес – безногая птичка, которая всю жизнь летала, не садясь на землю, но которую можно было сбить, не прикасаясь к ней, сделав вполне определенную серию жестов. Эта птичка, даже жареная, по вкусу напоминала сырую лягушку, так что лучше уж песчаные черви.) Наконец я решил сходить к Чарни и попросить его освободить мне руку.

– С такой рукой мне неудобно ходить. С неподвижной рукой мне не удается правильно выполнять смещение Святого Бублика.

Чарни нахмурился.

– Ты говоришь о совершенном движении Квазипериодического Тора, как я понимаю?

– Да, об этом.

Прищурив глаза, Чарни ответил:

– От артефакта в твоей левой руке исходят сильные волны хаоса, даже когда он неподвижен...

Я чуть было не заорал: «Само собой, идиот, там полно хаоса! Это же остаток исходного хаотического яйца, и в нем сидят две, или два миллиона, кальвиний!»

Но я прикусил язык и ответил:

– Ты прав, но мой артефакт хорошо защищен мерц-покровом из настоящей странной материи. Во всем многомирье лучше не сыщешь.

Прежде чем ответить, Чарни притворился, что думает, но я уже знал, что его решение неколебимо, как скала. Для парня, который каждый день проводит в хаосе, он был ужасно негибок.

– Думаю, для всех нас будет лучше стабилизировать этот объект до тех пор, пока ты не освоишь в полной мере дисциплину и послушание лоренцев. Тебе просто нужно научиться компенсировать свою физическую неспособность, по примеру остальных. Возможно, тебе даже удастся изобрести новый вектор компенсации и тем самым внести вклад в общее дело племени.

Прежде чем я смог выдумать подходящую ложь, которая развеяла бы его опасения, Чарни джерри-льюиснул прочь от меня.

Как ни крути, первое, что я сделал бы, освободи он мою руку, это воспользовался бы йо-йо.

Чтобы *отомстить* ему!

Я снова отправился к Барашку, молить его о помощи. И нашел его с Пит-Джен. Одноглазая девушка держала голову Барашка на коленях и нежно ворошила ему волосы, когда обстоятельства позволяли. И тихонько приговаривала что-то ласковое и неразборчивое, ставшее разборчивым, когда я подошел ближе.

– ...такой же сильный, как он. Еще немножко потренироваться, и все получится. Твой стиль нездешний, и с его помощью ты сможешь обогнать Чарни и превзойти его примитивные способы движения! Потом ты приведешь нас к славе и...

Заметив меня, она замолчала. Барашек открыл глаза и спросил:

– А, Пол. Чего тебе?

– Прошу прощения, что нарушаю вашу любовную идиллию, но мне от тебя кое-что нужно. Можешь попросить Чарни освободить мне руку? Или, может быть, ты можешь освободить мою руку сам? Я всего лишь хочу взять Мунчайлд и отправиться дальше. Я уже исключил тебя из своей команды, как раньше – Крошку. Ну что, поможешь? Ты же мне должен, помнишь, ведь это я перенес тебя сюда.

Барашек попытался придать лицу насмешливое и язвительное выражение. Получилось что-то вроде гримасы язвенника.

– Я подумаю. Здесь очень скоро и очень сильно все изменится. Тогда и посмотрим.

Отказ принес мне боль разочарования, но что я мог сделать? Я повернулся, чтобы уйти, и Пит-Джен показала мне язык.

В этом безумном месте невозможно было даже безнаказанно выругаться.

В тот же день (ну, мне кажется, что в тот же день, потому что солнце в последнее время могло подняться над горизонтом и опуститься дважды за минуту), когда я пытался вздремнуть, раздались крики.

– Губка! Катастрофа! Губка с севера!

Я поднялся на ноги.

– Губка? Какая губка?

Потом увидел.

У меня под ногами раскрылась идеально квадратная дыра, и я провалился туда.

Я шлепнулся на край утеса или на поверхность какой-то балки. Встал и с удивлением огляделся по сторонам.

Меня словно запихнули в правильный трехмерный лабиринт, или матрицу, или здание, где в стенах, полу и потолке зияло великое множество прямоугольников различного размера. В сиянии света, лившегося из непонятного источника, казалось, что я стою внутри чудовищной, со многими поверхностями, терки для сыра. Если смотреть в одну сторону слишком долго, глаза начинали болеть.

Через минуту я уже знал, где оказался.

В губке Менгера.

Губка Менгера образуется из куска твердого вещества, откуда удаляются части в соответствии с правилами построения фрактала. В итоге получается парадоксальный объект с практически нулевым объемом, но с бесконечной площадью поверхности.

Очевидно, губка Менгера внезапно образовалась и здесь.

Поначалу я не расстроился. Я никуда не падал, до потолка было рукой подать. Я просто выберусь наружу, и все.

Я начал подъем. Подпрыгнул и могучим рывком одной руки подтянул свое отощавшее тело через дыру, там поднялся на ноги и повторил прыжок.

Первым указанием на то, как долго я лезу, стала жажда. Мой язык напоминал пластинку шлифовальной пасты Брилло. Я мог думать только о ручье с холодной водой, который умели выдавливать из пустыни своими ухищрениями лоренцы.

Потом у меня поплыло в глазах. Каким-то образом я продолжал карабкаться, хотя уже не различал, где верх, где низ, а значит, легко мог двигаться по губке вбок. На некоторое время у меня появился спутник Простак Джереми, который, как и я, прыгал вверх-вниз по Океану Дыр. Некоторое время мы говорили о музыке, довольно долго, потом он куда-то делся. Лежать на месте и двигаться – разные вещи. Эта мысль несколько раз возникала в моей голове, пока я наконец не уразумел, что лежу на спине.

Я лежал, а потом начал дрожать.

Нет, это губка затряслась!

Я почувствовал себя как в движущемся лифте, словно меня несло куда-то вперед через бесконечные слои.

Затем я выскочил куда-то под солнечный свет – и потерял сознание.

70
Перестрелка на ранчо «Хаос»

Мунчайлд ухаживала за мной, пока я оправлялся от своего пребывания внутри зловещей губки. (Это продолжалось два дня, насколько это вообще можно было определить здесь, и, по уверениям лоренцев, мне повезло, что я вообще выбрался оттуда.) Единственным долгосрочным последствием пребывания в губке стало то, что у меня перепутались право и лево.

Да, сердце теперь билось у меня в правой стороне груди, Дурной Палец переместился на правую руку. Очевидно, пребывая в высших измерениях внутри губки, я ухитрился непредумышленно, но без особых последствий, перевернуться, вроде того как можно вывернуть наизнанку перчатку, не разрывая ее.

К сожалению, пока я был без сознания, Чарни из предосторожности прижал к боку мою правую руку с Дурным Пальцем так же прочно, как прежде была прикреплена левая, которой я теперь мог пользоваться свободно.

Ну, ладно. Пусть так, для разнообразия.

Мое плачевное состояние после губки вызвало новую волну симпатии со стороны Мунчайлд. Она хлопотала около меня и утешала, уверяя, что так или иначе нам удастся выбраться из этой передряги без потерь.

– Не расстраивайся, Пол! Помни, завтра – первый день твоей оставшейся жизни.

– Ох, как бы он не стал заодно и последним.

– Да перестань ныть, парень, выше нос!

Я схватил Мун за руку.

– Прости, Мун. Я постараюсь стать более приятным и веселым. Хочешь, спою тебе «Какое прекрасное утро»?

– Ты извращенец!

– Конечно, если вспомнить, с какой стороны теперь у меня сердце...

Как только я поднялся на ноги и начал ходить, то заметил, что среди лоренцев опять нарастает напряженность.

Образовались две фракции, группировавшиеся вокруг Барашка и Чарни. Каждый день, когда речь заходила о выполнении приказов Чарни, возникали тихие и не очень тихие перебранки. Я знал, что науськиваемому Пит-Джен Барашку скоро придется либо бросить Чарни вызов, либо пойти на попятную.

В один прекрасный день все разрешилось.

Накануне вечером Чарни предупредил племя, что с утра мы отправимся на новое пастбище, где ожидаются более благоприятные условия проживания. Однако за этим, и все это знали, скрывалось волнение из-за необходимости умиротворить наших соседей, смэйлов. Это многочисленное и сильное племя намеревалось расширить свои владения, захватив нашу территорию. Одному Богу известно зачем. Может быть, они позарились на деликатесных червей. В любом случае, Чарни почел за лучшее уйти со старого места.

Около половины лоренцев собрались возле Чарни. Остальные толпились вокруг Барашка и Пит-Джен.

– Занять Четвертую Позицию Чайтина! – крикнул Чарни с наигранной уверенностью в голосе. – Мы отправляемся в путь!

Пит-Джен ткнула Барашка локтем в бок.

– Э, мы не пойдем с тобой! – ответил Каос Кид. – Мы остаемся!

Словно покалеченный буйвол, Чарни выбрался из толпы своих сторонников и встал между группами на песке, опустив руки вдоль бедер в классической стойке ковбоя-стрелка.

– Я вызываю тебя, чужак!

Понукаемый Пит-Джен, Барашек выступил перед своими сторонниками.

– Что ж, старина, посмотрим, на что ты способен!

И дуэль началась.

Этот поединок напоминал решающую схватку магов из опупеи Толкиена.

В обе стороны между сражающимися летели молнии, разряды и защитные удары бабочкианского чистейшего хаоса. Воздух трепетал и раскалялся, исходил паром и шипел; земля дрожала и шла трещинами. Чередовались волны ослепительного света и тьмы. Тех, кто стоял неподалеку, швырнуло на землю. Но я видел, что ни один из бойцов пока не получил серьезных ранений.

Внезапно Барашек проделал серию невероятно сложных движений, самых сложных, какие я только видел в жизни. Чарни неожиданно застыл на месте, словно зажатый в тиски невидимой, но могучей силой.

Потом он начал вытягиваться вверх, при этом не разрываясь.

– Отображение Тэффи! – выкрикнула какая-то женщина.

Не стоило в этом сомневаться: очень скоро я увидел, что она имела в виду.

Чарни вытягивался, словно податливая резина, потом сложился назад вдвое, потом снова вытянулся и сложился; его очертания перестали быть человеческими. Этот процесс повторился несколько дюжин раз.

Барашек стоял и ждал, зачарованно наблюдая за тем, что учинил.

Наконец от Чарни остался только бесформенный розовый комок.

Придя в себя, Барашек с высокомерным видом сделал такой жест, словно лепил снежок. Розовый комок, оставшийся от Чарни, стал сжиматься, уменьшаться и наконец исчез.

Пит-Джен бросилась к Барашку:

– Ты мой герой!

Барашек инстинктивно вскинул руки над головой в победном жесте.

Это опрометчивое движение вызвало падение с неба метеорита, по счастливой случайности пронесшегося мимо нас на толщину уса песчаного червя.

71
Ни следа вялого раскаяния

Поражение, гибель и исчезновение Чарни немного подняли мне настроение. Я знал, что это жестоко и несправедливо, но не мог выскрести из себя хоть сколько-нибудь жалости к этому напыщенному болвану, который стал мне сущим геморроем.

Я надеялся, что уговорить Барашка будет гораздо легче. Как только я уломаю его освободить мою руку с йо-йо, мы с Мунчайлд окажемся далеко отсюда. Хотя я до сих пор не придумал, куда мы отправимся.

Как я и рассчитывал, за несколько дней непрерывной лестью и выражением почтения мне удалось добиться от нового вождя лоренцев обещания. Он согласился освободить мне обе руки.

Как только мы победим смэйлов.

72
Война со смэйлами

– А куда мы отправимся дальше? – спросила меня Мунчайлд в сотый раз.

– Понятия не имею, – ответил я.

На самом деле я солгал. В голове у меня роились идеи по поводу того, где я хотел бы побывать, ведь впереди снова маячили зеленые сочные пастбища, путь к которым открывал космический йо-йо. Но не удавалось остановить мысли ни на одном из этих мест в качестве следующего пункта нашего назначения.

– Или лучше сказать, у меня есть на этот счет несколько мнений.

– Тогда решай быстрее.

– Пытаюсь. Хотя может случиться и так, что мы все погибнем в этой глупой войне.

– Война вредна для детей и других живых существ, – многозначительно заметила Мунчайлд.

Она продолжала пользоваться идиотскими клише шестидесятых, от которых меня тошнило, и я едва не ответил: «Мы можем переклеивать этикетки до тех пор, пока солнце не начнет восходить на западе, но это ни на шаг не приблизит нас к решению». Однако я прикусил язык по двум причинам: я не хотел затевать с ней перебранку, а кроме того, солнце только вчера *и вправду* взошло на западе.

Вокруг нас лоренцы готовились к войне со смэйлами. Упражняясь в нанесении ударов посредством хаоса, они оттачивали навыки ведения сражений. Ими руководили могучий и самодовольный король Барашек и его увечная подруга.

К несчастью, вышло так, что у смэйлов были другие планы и они не собирались сидеть и ждать, когда мы на них нападем. Они спрятали солнце и опустили над племенем непроницаемую завесу, в которой никакие движения стали невозможными.

Потом пошел снег.

– Фрактальные хлопья Коха! – закричал один из лоренцев.

– Строим Тригонометрические Деревья! – скомандовал Барашек.

Из спрятанных в песке семян начали расти объекты: кристаллические стебли поднялись на десять футов и начали ветвиться. Каждая ветвь в свою очередь разделялась. Через некоторое время, когда каждая ветвь разделилась на бесконечное число отростков, создался защитный навес. Я тут же вспомнил

киберкуста Ганса и его облако манипуляторов.

Тригонометрические деревья успешно остановили снегопад из хлопьев Коха. Но прежде одна из снежинок упала на меня, вызвав ощутимое жжение и оставив на коже заметный ожог.

– Значит, они готовились... – начал было Барашек.

Но слова застряли у него в горле, потому что появились огромные животные.

Гигантские, величиной с дом, звери походили на драконов, а контуры их тел были составлены из фрактальных измерений. Я сразу вспомнил линтов КА-мира.

Мы смотрели на чудовищ, замерев от ужаса, и тут одно из них распахнуло пасть и исторгло фонтан фрактального пламени. Пламя испепелило пару-другую лоренцев.

Тогда-то и начался настоящий *хаос* . Люди с воплями бросились врассыпную. Барашек кричал: «Стойте! Деритесь!» – но тщетно. Мун повисла на моей левой руке, хныча и причитая.

Надо отдать должное Барашку: он не струсил и не отступил. В безумной ярости, разбрасывая заклятия направо и налево, он сумел поразить своим ударом насмерть одно из чудовищ. Брызги фрактальной крови оросили песок.

Затем одно из его заклятий вернулось – бумерангом, или рикошетом, или случилось что-то еще, только опомнился я уже лежа на спине.

Но моя рука с Дурным Пальцем оказалась свободна!

Я не имел ни малейшего понятия, куда мы отправимся, знал только, что нужно спасаться. Сейчас же! И тут же запустил йо-йо...

Интерлюдия в сверхпространстве между выпадениями

В отчаянии пытаясь бежать от смертоносной войны между лоренцами и смэйлами, я привел в действие йо-йо, не имея ни малейшего представления о том, куда хочу отправиться. И йо-йо сработал без четкого указания с моей стороны.

Где же я оказался?

Стоило оглянуться по сторонам, как все, к сожалению, стало ясно.

Я снова очутился в «Стране книг».

Был ли это заданный в качестве тупикового мир, запрограммированный в механизме йо-йо? Или, быть может, этот старый вонючий магазинчик, где я провел столько горьких часов, представлял собой настоящее желанное для меня и назначенное мне судьбой место в некоем окончательном кармическом смысле?

Кто, мать вашу, может это знать? Точно не я.

– Ого! – воскликнула Мунчайлд. – Круто! Никогда прежде не видела столько книг. В моем мире леди Саншайн сожгла почти

все книги. Если бы я умела читать, то прочитала бы их все...

Для меня это было открытие.

– Так ты не умеешь читать?

Мунчайлд немного смутилась.

– Ну, я могу написать свое имя, если ты напомнишь мне, как пишется «М». Я постоянно путаю эту букву с «дабл-ю».

В лавочке по-прежнему не было ни продавцов, ни покупателей, как и тогда, когда я убрался отсюда (казалось, уже несколько столетий назад), и я попытался сообразить, сколько времени, точнее, какой год сейчас идет здесь. Давайте прикинем: я создавал вселенные, потом побывал в шестидесятых (которые на самом деле оказались пшиком), потом провел несколько миллионов квантов времени в виртуальном мире, посетил неолит и страдал там, где солнце пляшет в небе, как ему вздумается.

Наверно, после этого в самый раз было сделать перерыв на кофе.

– На самом деле, – раздался голос, – в твоей родной базисной вселенной прошло около миллиона лет, в течение которых Земля подверглась бомбардировке кометным потоком, намеренно произведенным из облака Оорта инопланетным врагом, и в результате сошла с орбиты и упала на Солнце.

Я осторожно оглянулся.

Прямо перед стойкой с аудиокнигами, там, где я последний раз видел Ганса Моравекца, теперь стоял симпатичный лохматый медведь коала размером с гризли.

Вся кровь отлила у меня от лица и прилила к коленям. Мун вскрикнула и схватила меня за локоть так, словно это был последний косяк в комнате с кучей пыхарей на ломках.

– Что, моя внешность вас тревожит? Не тревожьтесь. Надеюсь, ваша культура относилась к животным с должным почтением...

– Да, но ваш аналог у нас был поменьше...

Одним махом коала уменьшился до размеров указательного пальца.

– Вот таким?

Я немножко успокоился, поскольку теперь коала явно не мог нам угрожать.

– Чуть больше. Где-то по колено высотой и фунтов тридцать весом.

Мишка мигом поменялся в соответствии с моим описанием.

– Так подходит?

– Отлично. Теперь вы можете объяснить нам, где мы? И кто вы такой?

– Конечно. Вы в сверхпространстве, совершенно вне гомоклинического узла. Я один из дрекслероидов.

Я вспомнил объяснения Ганса насчет разделения Детей Разума на фракции. Дрекслероидами звались те, кто бесследно исчез за пределами мельчайшего планковского уровня.

– Вы хотите сказать, что я нахожусь во вселенной, где есть копия моей «Страны книг»?

– Именно так. Мы перехватили вас во время перемещения по одному из червоточных проходов, соединяющему бесконечное число вселенных. Изъяли вас из общей сети непосредственно в сверхпространство, нашу среду обитания. Теперь вы вне всего многомирья. Короче говоря, вы отстыкнулись.

– Отстыкнулись?

– То есть оказались вообще за пределами всей системы. Это то, что сами мы сделали задолго до вас.

И дрекслероид поведал нам, что, когда он и его спутники в конце концов нашли способ выбраться не только из собственной вселенной, но и из всех остальных вселенных, они попали в бесформенное потенциальное миазматическое нечто, оказавшееся бесконечно податливым и пластичным, послушным малейшим манипуляциям путем простого воздействия должным образом направленной мысли. Иллюзия «Страны книг» и даже обличье коалы, принятого дрекслероидом, было не чем иным, как осязаемым видением в голове или головах одного или нескольких дрекслероидов.

– По сути дела, – продолжал болтливый плюшевый медвежонок, – мы уверены в том, что весь гомоклинический узел во всей его непостижимой бесконечности был сформирован точно таким же образом.

– Вы хотите сказать, что нечто вроде Бога, Первый, Сущий в Протоплазме, своей мыслью породил наше бытие?

– Точно. По нашей теории, Ему достаточно было создать одну-единственную вселенную, которая бы бесконечно клонировала себя на протяжении бесконечного времени путем колимановых слоевых червоточнопроходных перерождений.

– И где этот сверхоригинальный шутник теперь?

Мишка словно смутился.

– Мы не знаем. Найти его – главное дело нашей жизни. Мы подозреваем, что он либо исчез, превратившись в материю сверхпространства, либо ушел навсегда.

– Ушел? Но куда? Куда идти дальше сверхпространства? Или вы просто следуете по регрессии до бесконечности, не предполагая окончательного ответа?

– Может быть. Но другого выбора у нас нет.

Я решил обратиться к моим космологическим экспертам.

– Каль Первая и Вторая. Как вам нравится такая мысль?

– Это может многое объяснять, – ответила Кальпурния.

– Помнишь, – подхватила Калипсо, – к какой бесконечной регрессии привело наше обсуждение, когда ты спросил нас, откуда взялся первый Моноблок и откуда появились кальвинии…

Нашел ли я в этом ответ на свою Онтологическую Закавыку? Вроде бы да, но полной уверенности у меня не было. Я немножко подумал над услышанным.

– Для чего вы нас захватили?

Похоже, коала тоже был рад сменить тему.

– Подобно нашим собратьям, моравекцам, мы с большим интересом относимся к людям. Многие века мы поддерживали с ними контакт – по крайней мере с теми, кто мог понять и принять нас. Обычно такие контакты требовали, чтобы человек принял галлюциноген. Один из ваших пророков, Теренс Маккенна, называл нас «самоформирующиеся машинные эльфы сверхпространства», совсем неплохое название сравнительно со многими другими.

– Ну хорошо, допустим, среди людей вам попадались сплошь приличные. Но почему вы выбрали именно меня?

– Нас чрезвычайно заинтересовала одна способность людей – все портить. Ни у какой другой разумной разновидности эта способность не проявляется. В идеале, эта способность должна была исчезнуть и давным-давно раствориться в ходе дарвиновской эволюции. Возьмем для примера твой случай. Вам была предоставлена почти безграничная возможность выбора, но из всего меню мироздания вы выбирали на удивление самое примитивное и глупое. Во время своего путешествия вы продемонстрировали поразительную слепоту. Почему вы не захотели посетить ни один инопланетный мир? Созвездия, столь прекрасные, что замирает дыхание, только и ждали, что вы взглянете на них. Цивилизации разумных растений и существ величиной с гору надеялись увидеть вас. Сознающие свое величие города ожидали, когда вы посетите их во время великого Отпуска Своей Жизни, бесплатно пользуясь всеми благами. Вы могли плавать по океанам лимонного желе, где рыбы похожи на кусочки ананаса…

– Черт, Пол, – вздохнула Мунчайлд, – я и не знала, что ты мог перенести нас в такие места…

– Да, он мог. Вполне. Но что он сделал вместо того? Сосредоточил внимание на жалких заштатных мирах, создав на их основе несколько вполне предсказуемых вариаций. Его глупость и слепота кажутся нам величайшей загадкой, не меньшей, чем исчезновение Бога.

От обвинений коалы мне захотелось одновременно

расплакаться и поколотить его. Возможно, в его словах была правда. Может быть, я понапрасну растрачивал могущество Гансова подарка. Может быть, я был слеп, туп, эгоистичен и невежествен. Но выбирать все равно нужно было мне, а не кому-то еще. *Мне* приходилось бросать йо-йо и *самому* разбираться с тем, что потом вышло. Бросать кости и надеяться не просадить все. Иначе и быть не могло – ведь я тот, кто я есть.

Да и все мы, как мне кажется, – таковы, каковы есть.

– Наверно, вы правы, – сказал я дрекслероиду. – Но хочу вам кое-что сказать.

– Что же?

– Пошел в задницу.

– Предсказуемо, весьма предсказуемо. Поразительно, хотя и логично. Задница у вас не прикрыта.

Верно. И я и Мун были голые, в том самом виде, как жили в мире Бабочки.

– Если это ваш окончательный ответ на наши полезные советы, – продолжил коала, – тогда мы просто осуществим каждому по мечте-другой и отправим вас своей дорогой.

– Хорошо, – сказал я. – Мне и Мун нужна одежда – и полное физическое здоровье. В том числе избавьте нас от этих идиотских подкожных вшей. И еще я хочу назад свою пец-конфетницу.

– Будет исполнено, – ответил мишка, и все мои желания исполнились.

– Мы следующие! Мы следующие! – закричали кальвинии. К моему удивлению, то, что их голоса звучали лишь у меня в голове, не помешало коале их услышать.

– Чего же хотите вы, обитатели Моноблока?

– Мы хотим тела!

– Да, и не только! И убраться прочь из головы Пола!

– Понимаю, – кивнул головой коала. – Приготовьтесь…

Передо мной возникли две совершенно одинаковые голые женщины.

Барби-близняшки. Длинноногие, сладкие как дыньки, блондинистые, аппетитные сестрички-пышечки. Из самых сладчайших из моих сладких снов.

Я смутился.

– Господи, девочки, я совсем этого не просил…

– Мы просили!

– Это специально для нас!

Аппетитные свежевоплощенные кальвинии принялись разглядывать и ощупывать друг друга в смешном зеркальном повторении. И не успел я сказать: «Раз, два, три», как они уже катались по грязному ковру «Страны книг», полностью занятые

друг другом, позабыв о нас.

Я вздохнул и заставил себя отвернуться. Еще одна фантазия, в которой я не участвую.

Теперь настала очередь Мунчайлд загадывать желания.

– Я хочу… я хочу, чтобы наш ребенок был с нами.

– Мун, не надо!

Но было поздно.

На протянутых с готовностью руках Мунчайлд уже лежал младенец, зачатый нами в КА-стране. Малыш даже был предусмотрительно завернут в пеленку. Выглядел он как обычный человеческий ребенок, лишь одно выдавало чужеродное происхождение: глаза с квадратными зрачками.

– Ох, Мун, ну для чего это…

Коала перебил меня:

– Теперь вы готовы отправиться в путь?

– Думаю, да. А что будет с этой парочкой?

Я указал пальцем на кальвиний, которые усердно облизывали и ощупывали друг дружку.

– Думаю, они предпочтут остаться здесь, потому что сверхпространство по своим свойствам напоминает их родной Моноблок. Если позже они захотят к вам присоединиться, я укажу им дорогу.

– Хорошо. Тогда вперед!

– Мы ограничены принципом умышленного невмешательства и потому обязаны отправить вас в тот же самый червоточный проход, откуда забрали.

– На ту дорожку, по которой я шел, сам не зная куда?

– Точно.

– Ладно, спасибо.

– Не стоит благодарности. Мы, машинные эльфы, весьма снисходительны к ошибкам.

Выпало в седьмой раз

73
Реприза с грустными вариациями

Моя жизнь ни к черту не удалась.

Я сидел на том, что напоминало старую добрую траву, обхватив голову руками и крепко зажмурив глаза, словно Отчаяние капнуло мне на веки расплавленным сургучом и дважды оттиснуло на них свою легко узнаваемую печать. Я даже не отягощал себя усилием оглядеть, что это за новый мир. Поскольку я как будто бы находился в своем прежнем теле и мне не грозила немедленная смерть, уничтожение или плотское насилие, было наплевать, где именно я оказался.

С Мунчайлд, похоже, все в порядке, потому что я слышал, как она где-то рядом воркует над нашим сыном.

Все, на что меня хватало, это сосредоточиться на собственном состоянии.

Как безжалостно проинформировал недавно дрекслероид, я был не кем иным, как засранцем, который истратил понапрасну все дарованные ему бесценные возможности. (И весть о том, что Земля, родной мир моей временной линии, тысячелетия назад уничтожена, не подняла мне настроение.) Я не заслуживал такого подарка, как йо-йо. Лучшее, что я мог теперь сделать, это, наверно, не сходя с места, выкинуть чудесное устройство подальше и прожить остаток дней в этом скучном, жалком континууме, куда меня занесло по воле моей мысли транспортное средство.

Все мои честолюбивые потуги постигнуть суть Онтологической Закавыки прошли бесследно. Исчезло всякое желание обрести славу, секс, любовь и богатство. Ничто меня не привлекало. Мне хотелось одного: послать к чертям весь этот пустой мир.

Мне было плохо, очень плохо.

Никогда еще я не испытывал такого разочарования. Даже в дебрях моей заброшенности в «Стране книг» во мне время от времени вспыхивали искры мотивации – достаточные, чтобы хотя бы добывать себе пропитание. Но теперь все иные возможности выглядели одинаково ужасными и бессмысленными. Казалось, мой мозг утонул в трясине полного презрения.

Мой мозг... На поверхность опухшего сознания медленно поднялось смутное понимание.

Конечно!

Я находился внутри своего прежнего тела, но мой мозг – он

изменился!

Физические параметры нового мира воздействуют на меня через мое сознание!

Что я потерял? Мысли даются очень тяжело, за исключением одной – послать все к черту... Это решение дается с той же легкостью, с какой я дышу. Так в чем тут дело? Думай, Пол, думай!

Осознание, израненное и болезненное, словно осыпанная солью улитка, проползло в мою голову. Все, что мне нужно сделать, чтобы изменить положение к лучшему, это воспользоваться йо-йо и перенестись куда-нибудь еще!

Но и это понимание не помогло. Почти мгновенно я отказался от решения воспользоваться йо-йо. Но почему?

Я снова попытался представить, как пользуюсь устройством, чтобы убраться отсюда. И в следующее мгновение – снова однозначное отрицание. Третий круг: робкое предложение и твердое отрицание. На этот раз я попытался сосредоточиться на том, что происходит в моей голове. (Мне не хватало кальвиний и их способности перестраивать мои нейроны. К сожалению, эти два ненадежных первобытных сверхсексуальных создания остались в сверхпространстве, где теперь лепят из пластической материи скабрезные фигуры...)

В результате анализа оказалось, что инстинкт отрицания во мне уподобился безусловному рефлексу. Словно мои мозги замкнуло на этом.

Неужели годы цинизма и горечи в моем родном мире так загадили и засорили мне голову? Или же я оказался там, где тон задавало только одно доминирующее качество сознания?

Может, чтобы рассеять сомнения, стоит спросить Мунчайлд?

Я открыл глаза.

74
Наш сын, Как-Его-Там

Небо было голубое, солнце – бело-желтое и палящее, трава зеленая, в пятнышках одуванчиков. Мы с Мунчайлд сидели в поле близ обочины совершенно тихого двухполосного шоссе, на котором не было заметно никакого движения. Дорога тянулась вдаль, уходя куда-то в пышные поля. Где-то в самой уже дали, за вершинами деревьев, мне чудились крыши городских домов.

Глядя странным взглядом на гугукающее в пеленке дитя, Мунчайлд, казалось, была совершенно счастлива и очень далека от всех тревожных проблем свойств мышления в этом мире, эдакая идеальная мать-девственница.

– Мун, – спросил я, – тебе не кажется, что мы в заднице?

– Нет, с чего мне бы? Наш сын снова с нами, а этот мир кажется мне прекрасным. Может, стоит прогуляться? Или запустить змея? Или пособирать цветы? Или найти пруд и искупаться? Или просто полежать в траве и посмотреть на облака? Или посмотреть на пчел? Или наловить кузнечиков? Или...

Горячая волна несогласия пронеслась сквозь меня.

– Нет! Не хочу заниматься ничем подобным. Заткнись-ка ты, хорошо?

Мунчайлд замолчала. Но она ничуть не казалась удрученной. Означало ли это, что ее природный наркотический оптимизм взял верх над всем остальным: страхами, сомнениями и неврозами? Или есть какое-то другое объяснение ее и моему новому состоянию?

Пока я тупо об этом размышлял, Мунчайлд опять заговорила.

– Нужно дать имя нашему сыну! Как тебе «Чики»?

Мне было совершенно безразлично, как называть этого ублюдка, но у меня вырвался совершенно определенный и уверенный ответ:

– Нет!

– Йеркли?

– Нет!

– Клюковка?

– Нет!

– Херкенхеймер?

– Нет!

– Пого?

– Нет!

– Шоткейк?
– Нет!
– Адонис?
– Нет!
– Принц?
– Нет!

Мне захотелось прекратить это безумный диалог, но я не мог. У Мунчайлд, похоже, был неистощимый запас имен, а я словно подрядился отвечать отказом на все ее предложения, так же как она, казалось, считала необходимым предлагать новое имя в ответ на каждый очередной мой отказ. Я понял, что мы загнаны в нечто вроде гибельной, неодолимой, безысходной мертвой петли предложений и отказов.

– Вонючка?
– Нет!
– Торопунька?
– Нет!
– Стручок?
– Нет!
– Пипися?
– Нет! Нет! Нет!

75
Мы встречаем дюжников

Уверен, мы погибли бы от голода и жажды, бормоча слабеющими голосами: Мунчайлд – новые и новые имена, а я – свое «нет», если бы не стороннее вмешательство.

Спасение явилось в виде машины – ярко-розового автомобиля, – катившей по ухабистому загородному шоссе. Машина была довольно странная, вроде минивэна с низкой подвеской, способного везти сразу группу людей. Я заметил машину краем глаза, продолжая беспомощно спорить с Мунчайлд:

– Чинюсик?

– Нет!

– Леннюсик?

– Нет!

– Кричусик?

– Никогда!

Автомобиль остановился. Рифленые двери на стороне, обращенной к нам, скользнули вверх, наподобие шторки, исчезнув в полой крыше машины цвета губной помады. Люди – вполне нормальные мужчины и женщины в разноцветных рубашках и платьях – высыпали на дорогу. Всего их было двенадцать.

– Орленок?

– Нет!

– Драчуля?

– Нет!

– Растяпчик?

– Нет!

Приехавшие в авто начали совещаться. Уголком сознания, не занятым спором с Мунчайлд, я прислушивался к тому, о чем они говорили – по-английски!

– Как странно! Предлагатель и Отвергатель сидят тут, вдали от жилья, и с ними нет никого из их братства.

– Когда, по-вашему, *нечто подобное* случалось в последний раз?

– Лет пятьсот назад, – мгновенно ответил кто-то. – Во время социального хаоса, последовавшего за Черным Голодом.

– И как долго, по-вашему, они уже тут сидят?

– Судя по тому, что сил у них еще много, не слишком давно.

– Что ж, думаю, нужно их остановить. А потом мы отвезем их

в город и доставим к Определяющим Сходство.

– Отличное предложение. Деннис, тебя не затруднит?..

Человек, которого, видимо, звали Деннис, тихий, но уверенный в себе мужчина, мирно поглаживавший до этого бородку, спокойно вышел вперед и встал между мной и Мун.

– Хватит, – сказал он.

И мы умолкли, словно только этого и ждали.

76
Кто ты по знаку сознания, беби?

Внутри большой машины на трех длинных нераздельных диванах можно было усесться по четверо на каждом. Мне, Мунчайлд и ребенку удалось разместиться, немного потеснив остальных. Двери с шелестом затворились, и машина бесшумно покатила дальше.

– Как вы думаете, с ними можно говорить здесь, без их Восстановителя? – спросил один из двенадцати.

– Хороший вопрос, – ответил другой. – И отбившиеся от своей дюжины обычно сохраняют так мало собственных воспоминаний...

– Кстати, как раз двадцать один год назад было проведено исследование несчастных случаев, приведших к повреждению сознания жертв, в результате оказавшихся без группы. Выяснилось, что у исследуемых имеется удивительная особенность вспоминать события не более чем недельной давности.

– Что ж, это достаточный срок, чтобы понять, что с ними случилось и как они потерялись, если они расскажут нам об этом.

Ну хватит!

– Эй, болваны! Мы не ненормальные с мозговыми травмами! Обращайтесь к нам прямо, если хотите о чем-нибудь спросить.

Все двенадцать наших спасителей обменялись понимающими взглядами. У меня появилось ощущение, что эти люди каким-то образом общаются и на подсознательном уровне. Но так это или нет, сказать я, конечно, не мог.

Наконец один из них заговорил, обращаясь ко мне с таким видом, словно я – несносный малыш.

– Что ж, нам следует извинить раздражительность, невоспитанность и грубость этого несчастного потерявшегося дюжника. Ну-с, а теперь разрешите представиться. Меня зовут Фрэнк, и я Заводила в братстве Розового Лангуста. Вы уже познакомились с Деннисом, нашим Стопорителем.

– Да уж, – отозвался Деннис.

Фрэнк представил остальных.

– Хелен, наш Собиратель.

– Рада, что вы с нами.

– Бен, наш Восстановитель.

– Надеюсь, мы встретились не в последний раз.

– Норман, наш Наблюдатель. (Жест в сторону водителя.)

– Отличный наряд, ребята. Странноватый, но приятный.
– Фред, наш Рассудитель.
– Уверен, вы удивлены.
– Мэри, наш Приоритетчик.
– Сначала представимся!
– Стэн, наш Предлагатель.
– Могу я предложить всем прохладительное?
– Гарри, наш Принимательь.
– У меня уже есть напиток, спасибо.
– Этель, наш Отвергатель.
– Мне не нужно.
– Уоллес, наш Объединитель.
– А вы, похоже, парочка.
– И Сандра, наш Разделитель.
– Ей нравится ее ребеночек, а ему, кажется, нет.

77
Клоунский парламент

Автомобиль добрался до окраин города, когда до меня в самых общих чертах наконец дошло, как устроен мир этой странной разновидности людей.

К счастью, мне не пришлось повторять Мунчайлд ничего из сказанного дюжниками, потому что они пользовались обычным английским, и Мунчайлд их понимала и делала свои выводы. Позже я еще буду удивляться тому, как в таком странном мире, где фундаментальные основы жизни столь отличны от моего родного мира, мог возникнуть и развиться тот же самый английский язык, не говоря уж о том, что тут встречались англосаксонские имена, такие как Гарольд и Бенджамин. Но постепенно я понял, в чем дело: в буквальной бесконечности миров не существует такого единичного события или такой уникальной цепочки событий (какими бы изумительными и невероятными они ни казались), которые бы где-нибудь не повторились. Пусть для этого понадобится триллион триллионов нелогичных искажений или «случайностей» в течение зиллиона зиллионов лет, тем не менее все равно где-то создастся тот особый, «невозможный» конечный результат, на который вы можете рассчитывать в своем поиске затерявшегося где-нибудь мира с безумной историей. Конечно, это не оставляет камня на камне от всей людской болтовни и суеверий на тему судьбы, предначертанности и неизбежности прогресса. Данный конкретный мир, каким бы привычным и естественным ни казался он своим обитателям, был точно так же непохож на все прочие миры.

(В многомирье правит всеобщая клоунская демократия, и все временные линии имеют одинаковые привилегии: одинаково идиотические. Ваша вселенная, и моя, и многие другие обряжены в одинаковые красные носы картошкой и здоровенные ботинки с круглыми носками. Я уверен, от осознания такого факта все суперманьяки и шовинисты забьются в нервном припадке, но идея мне понравилась. От этого моя прежняя жизнь переставала казаться такой редкостно ужасной...)

Мой разговор с дюжниками начался с попытки объяснить им, откуда мы с Мунчайлд явились. Несмотря на то, что английский являл несомненное удобство, изъясняться было сложно; мне было трудно соединять вместе слова и факты. Мои мозги работали с черепашьей скоростью по всем направлениям, кроме отрицания.

Через час разговора мне вроде как удалось убедить эту дюжину туземцев, что нашей родиной является вермишелина.

Гораздо труднее было объяснить, почему мы здесь были только вдвоем. Эти люди, казалось, просто не могли принять идею того, что отдельная личность – лишь одно существо, без полной дюжины – может соединять в себе все качества, необходимые для выживания и развития. Они настырно пытались узнать, куда подевались десять членов нашей группы, почему наши собратья не отправились сюда с нами. Только Фред, по должности Рассудитель, казалось, до некоторой степени ухватил суть идеи того, что я им втолковывал.

– Значит, по-вашему, отдельно взятый человек, он это или она, может вмещать в себя все ментальные разновидности, которые представляют собой особые качества каждого члена братства?

– Просто смешно! – воскликнула Этель, Отвергатель.

Когда Этель отвергла слова Фрэнка, я, несмотря ни на что, испытал подобный же порыв. Несмотря на то, что я *знал* – это правда, я едва сдержался, чтобы не начать опровергать себя. Чтобы промолчать, мне пришлось прикусить язык.

Гарри, Принимательль, заметил:

– Я готов поверить в объяснения Пола.

Стоило ему сказать это, как согласие волной распространилось среди членов братства Розового Лангуста, словно незримый парапсихический вес его слов оказал воздействие на их сознания.

– Это невозможно! – подала голос Отвергатель Этель. Однако уверенности в ее словах поубавилось.

– Что ж, – сказал я, надеясь избежать бесконечного спора между Гарри и Этель, такого же спора, в каком в свое время увязли мы с Мун, – так как же вы, ребята, живете?

78
У кого двадцать четыре ноги, один мозг и отличные манеры?

Вот что я узнал.

Как и мы, дюжники произошли от приматов. Однако их предки кое в чем заметно отличались от наших. Самое главное – примитивные обезьяноподобные дюжники развили внутривидовую специализацию до такой крайней степени, что она закрепилась наследственно. Функциональное деление племени на охотников, воспитателей, собирателей, шаманов и мастеров ритуалов, следопытов, бла-бла-бла, в результате вошло в их гены, приведя к тому, что особи отдельного вида женились только на особях того же вида. (Смешение доминантных и рецессивных генов, происходящее в случае спаривания различных типов, приводило к появлению потомства, похожего либо на отца, либо на мать, а то потомство, что не несло полезных функций, обычно уничтожалось, намеренно или под воздействием окружающей среды, поскольку не могло должным образом выполнять свои обязанности члена братства.)

Чем больше эти ранние приматы полагались на свои узкозаточенные мозги, тем больше менялась природа племенного разделения. На первое место постепенно вышли не физические качества, а умственные. Развитие физических способностей отступило на второй план (поскольку выживать даже в условиях протоцивилизации стало легче), и установилось примерное равенство физического развития. При этом члены племени стали появляться на свет с определенными доминирующими интеллектуальными способностями. Параллельно дарвинским путем начало развиваться качество эмпатии, или бессловесной координации путем телепатии, обеспечивающее более быстрый, легкий и надежный способ коммуникации и принятия решений в среде взаимозависимых индивидуумов.

Побочным продуктом такой линии развития было снижение в дюжниках уровня агрессии и склонности к насилию по сравнению с любым другим человеческим видом. Кооперация давала преимущество в любом виде конкуренции. Кроме того, когда появлялась нужда заменить какого-то члена семейства в результате естественного ухода, к новичкам относились более терпимо и не обижали их.

За миллионы лет эволюции и тысячелетия не совсем спокойной истории повсеместно установился теперешний

порядок вещей.

Для того чтобы образовать общественную единицу, так называемое братство, требовалось собрать и поселить вместе двенадцать индивидуальных уникальных характеров и манер поведения. Индивидуумы-одиночки, как правило, были калеками и отличались психической неуравновешенностью.

Откровенно говоря, и в моем родном мире было примерно так.

79
Предложение Предлагателя

Первое, что бросилось мне в глаза, когда мы въехали в город, был размер дверей в зданиях. Двери были широченные, как ворота гаража для грузовиков. В такие двери могло входить не меньше чем шесть человек в ряд.

– Как далеко члены братства могут отходить друг от друга? – спросил я.

– Сто ярдов – максимальная дистанция разделения, – моментально ответил Восстановитель Бен. – Но ощущение дискомфорта появляется уже на четверти этой дистанции и с удаленностью нарастает по экспоненте.

Приоритетчица Мэри сказала:

– В братстве важнее всего – держаться близко друг к другу. Только тогда сборная группа может функционировать как нельзя лучше.

То, что всем им приходится проводить жизнь в обществе одиннадцати других людей, было выше моего понимания.

– И вы никогда не отходите друг от друга? Нужно же иногда ненадолго уединяться.

Среди Розового Лангуста повисла мрачная пауза. Наконец Наблюдатель Норман прервал ставшее ледяным молчание.

– Иногда дюжники, подверженные тяге к самоубийству, испытывают такой порыв. Но нормальному человеку такое на ум не придет. Скажите, вам лично хотелось бы этого? Вот сейчас? Отвергатели обычно склонны к психозам. Может быть, нам стоит отвезти вас в Восставставлятельное сообщество, а не к Определяющим сходство?..

Я понятия не имел, что означает «восставставлятельное», но вслух об этом говорить не хотелось.

– Гм, думаю, не нужно. Я хорошо себя чувствую. Жизнь хороша.

Объединитель Уоллес заметил:

– Общение с нами восстанавливает вашу психику, однако вместе с тем вы вносите в наше братство небольшой дисбаланс. Один лишний Предлагатель и один Отвергатель сбивают группу – и взвешенность наших решений начнет понемногу перекашиваться.

Разделитель Сандра сказала:

– Вот почему мы сейчас отвезем вас к Определяющим Сходство. Вам нужно как можно быстрее найти себе братство и

постараться в него влиться. Но как бы там ни было, мы были рады оказать гостеприимство Розового Лангуста тебе и твоей подруге по братству.

– Да, – подал голос Стэн, Предлагатель, – Розовый Лангуст с удовольствием заглянет в ваше братство потрахаться, когда представится случай. Никто из нас этим с пришельцами прежде не занимался, и мы будем рады удостоиться такой чести.

Я попытался направить свою мысль на то, чтобы вообразить подобную сверхновую концепцию, в которой суперорганизмы из двенадцати индивидуумов трахают друг друга – но не смог. Ближайшее, что мне удалось представить, – это чудовищную оргию. По счастью, в разговор вступила Мунчайлд, заполнив паузу.

– Спасибо, но я девственница.

Окружающие секунд тридцать смотрели на Мун и ее ребеночка. Потом Отвергатель Этель воскликнула:

– Ха, заливаешь!

80
Запах пеленок в комнате с мягкими стенами

Члены братства Розового Лангуста высадили нас у дверей бюро Определяющих Сходство, с мерзким радушием помахав нам на прощание (предварительно снабдив нас своей визиткой с нацарапанным карандашом домашним телефоном), и отбыли. Нас взяли в оборот новые дюжники. Я уже начал привыкать воспринимать группу из двенадцати человек как единое целое.

– Здравствуйте, незнакомцы. Мы – Крутящиеся Колеса. Сейчас устроим вам краткое собеседование и немедленно приступим к подбору нового братства для вас. Нам известно, что, потерявшись, дюжники чувствуют себя крайне неуютно. Уж не говоря о том, что вас можно считать полусумасшедшими. В связи с этим мы, ради безопасности, отведем вас в особые апартаменты.

Тут все двенадцать членов группы Крутящиеся Колеса окружили нас с Мунчайлд. Мы стояли в кольце и не смогли бы выйти, даже если бы у нас хватило на это наглости: наше беспокойство гасилось ими.

Нас провели внутрь, и вскоре мы оказались в комнате с обитыми мягким стенами. Дверь за нами затворилась, и с решительной безнадежностью щелкнул замок.

И сразу же, словно чтобы подлить масла в огонь, наш безымянный сын разревелся. Само собой, верещал он так, что лопалась голова.

– Что с ним? – рявкнул я.

– Он голоден. К тому же, мне кажется, ему нужны новые пеленки. Дома у нас ребятишки в основном бегали голенькие...

Я принялся колотить в мягкую дверь, но обивка поглощала все звуки. В бессилии я повернулся к Мунчайлд.

– Давай рубашку, – потребовала она.

Я почувствовал, что с моих губ готов сорваться отказ. Собрав все силы, я загнал свое «нет» обратно и снял отличную новенькую рубашку, которую сотворил мне дрекслероид.

Подтерев нашего сына чистой стороной пеленки, Мунчайлд старательно устроила из моей рубашки неуклюжую пеленку. Потом сказала:

– Пожалуйста, дай мне пец-конфету.

Дрожа оттого, что приходилось глотать очередной отказ, я повиновался.

Мунчайлд вытряхнула крохотную конфетку в рот уродцу, и

рот тут же захлопнулся, а блестящие глазки с квадратными зрачками прищурились от удовольствия, потому что младенец принялся сосать.

– Он не задохнется? – спросил я.

– Мне кажется, он уже достаточно большой, чтобы принимать твердую пищу. Пока мы были здесь, у него уже прорезались зубки. Думаю, он плакал потому, что снова стали резаться зубки, не только от голода.

– Но это невозможно.

– Может быть, его внутренние часы идут быстрее наших?

Я вспомнил методичное тиканье хрономов КА-страны, регулирующее все события, и свои размышления о том, какое отношение имеет это тиканье к ходу времени во всей остальной вселенной. Может статься, что мальчонка живет по другому времени, отличному от нашего.

После этого нам оставалось только сидеть в обитом войлоком уголке и старательно не замечать запаха грязных пеленок. Я подумал о том, каким жестоким был йо-йо, если самовольно закинул меня в мир, где я не могу сделать свой выбор просто потому, что не способен самостоятельно делать тут никаких выборов. Но потом эстетика справедливости такого моего положения начала потихоньку склонять к принятию этого...

Очень скоро снова явились дюжники. На этот раз их было трое, то есть тридцать шесть персон одним гуртом. По всему выходило, что интерес к нам огромен. Под множеством любопытных глаз я чувствовал себя полным уродом.

Даже в широком коридоре бюро Определяющих Сходство возникла легкая давка, когда нас повели в проверочную. Там мне выдали новую рубашку. После, когда один дюжник протянул к ребенку руки, словно собираясь взять его, Мунчайлд инстинктивно прижала чадо к себе, отрицательно мотая головой. («Эй, это моя работа», – подумал я.)

– Ну же, ну, – рассудительно сказал дюжник. – Вы же знаете, что не можете оставить ребенка при себе. От рождения до четырех лет он должен жить в Яслях со своими воспитателями, углубляя и совершенствуя врожденные наклонности. После этого он вступит в свое первое пробное братство. Если он остается с вами, баланс вашего братства будет нарушен.

В полном отчаянии Мунчайлд продолжала прижимать к себе ребенка. Она пыталась защитить его своим тощим неуклюжим телом, спрятав за длинными висячими прядями, и в результате стала точь-в-точь похожа на неврастеническую плакучую иву, выросшую на бедной почве. Мне стало ее жалко, и я сказал:

– Мун, помнишь про пец-конфету?

Услышав это, она понемногу успокоилась. В какой бы шарик-вселенную мы ни отправились, ребенок был связан с нами невидимой нитью. Может быть, он и с самого начала был с нами связан, с тех пор как дрекслероиды его нам вручили. Но после того, как он рассосал пец-конфету, сомневаться и вовсе не приходилось.

Мунчайлд с неохотой сдала на руки дюжникам свое отродье.

81
Определяющий Сходство, определи для меня родство

Поскольку нигде никаких записей про нас не было, дюжникам пришлось прогнать нас через все опросы, которые местные проходят годами. Допрос длился целый день. К нам применяли электро-, видео– и аудиостимуляцию, катодное и пентодное сканирование, давали решать письменные задачки и собирать головоломки. Особое внимание было уделено моей руке с Дурным Пальцем. По окончании огромной работы нам наконец зачитали результаты.

– Ты – Отвергатель, а ты – Предлагатель…

– Черт возьми, чтобы понять это, вам понадобилось целых десять часов? – воскликнул я.

– Эй, эй, ты не дал мне закончить. Теперь нам известен твой коэффициент Гарднера вплоть до пятого знака после запятой. Мы составили матрицу потенциальных братств для вас обоих, основываясь на том, что вы хотите остаться вместе.

– Да, да, – встряла Мун, – хотим.

– Что ж, отлично. Завтра мы начнем составлять новое братство.

После этого мы вернулись в камеру. Поев, мы провалились в сон, словно накачанные наркотиками. А может, так оно и было.

На следующий день нас отвели в корпус менее медицинского вида: большая комната с креслами и столиком с прохладительными напитками. Новые дюжники, представившиеся как Бутылочное Стекло, начали сессию с краткого заявления:

– Согласно требованиям закона, мы обязаны ознакомить вас с историей жизни ваших новых потенциальных партнеров, и для отвода кандидата достаточно вето одной особи. Само собой, кандидат может отказаться вступать в образующееся братство. Вы готовы начать?

– Готовы, – ответила Мун.

Следующие пятнадцать часов у нас заняла комбинация худшего варианта свидания вслепую, повторяющегося по кругу, плюс бесконечные круги предварительного отбора в Национальную футбольную лигу, плюс интенсивный курс воздействий, меняющих сознание.

Видимо, существовали определенные методики составления братства, и мы начали с выборов нашего Заводилы. Привели первого кандидата.

Едва в комнату вводили дюжника-одиночку, я чувствовал, как меняется мое сознание. Новые пробужденные качества начинали брать верх над моей поврежденной психикой. При этом я непрестанно пытался собрать в себе достаточно воли, чтобы воспользоваться йо-йо и сбежать. Но все впустую.

– Это Кэрол, – сказали Бутылочное Стекло, – она раньше состояла в братстве Трибунников. Члены ее братства все до одного погибли во время несчастного случая при восхождении на гору, и Кэрол только что прошла курс интенсивного восстановления, чтобы справиться с потрясением.

Кэрол показалась мне похожей на новорожденного Бемби. Я опасался, что она упадет, если я подую на нее. Все время, пока мы задавали ей вопросы, она стояла, опустив глаза. Не прошло и пяти минут, как я закончил с расспросами. От нее у меня чесалось в затылке.

– Нет, не выйдет. Она не подходит. Приведите следующего.

Кэрол вывели из комнаты. Бутылочное Стекло обратились ко мне:

– Пожалуйста, постарайтесь обуздать свои природные порывы. Если вы будете всех отвергать, то мы никогда не закончим.

– Но она же тихоня и домоседка! Какой, к чертям, из нее Заводила?

– Любой заслуживает попытки. У нас нет точного научного способа предсказать динамику данного конкретного братства. Известно, что в некоторых знаменитых братствах были на первый взгляд очевидные слабые связи. Уверена, вы помните историю Скунсового Кабачка…

– Хватит рассказывать сказки. Давайте уже лепить дальше это чудище Франкенштейна.

– Не понимаю ваших аллюзий…

Последующие часы мы провели в интервью с теми, кто подпадал под категории отверженных, неспособных, престарелых «вдов», жертв несчастных случаев и только что выпущенного из яслей молодняка – всем тем, что могло предложить общество дюжников. Удивительно, но, несмотря на крайне низкое качество того, что нам предлагали, и кажущуюся невозможность составить подходящую дюжину на основе почти случайного выбора, наше братство мало-помалу начало собираться. После того как в наше братство добавлялся новый член, я чувствовал, как мое внутренне отрицание наполняется новыми качествами. Ощущение напоминало настройку на резкость далекого изображения, на которое смотришь сквозь линзу телескопа.

Сложнее всего оказалось подобрать Заводилу, но, когда с

этим было покончено, дело пошло быстрее. Мы снова немного притормозили на Приоритетчике, но затем наше плавание продолжилось без особых задержек вплоть до Стопорителя.

Наконец братство составилось. Кроме меня и Мун, тут оказались Заводила Феликс, Объединитель Марк, Разделитель Руди, Наблюдатель Элис, Приниматель Роз, Рассудитель Брюс, Приоритетчик Синди, Собиратель Ларри, Восстановитель Ванда и Стопоритель Глен, все вместе составившие братство Ситцевого Лоскутного Одеяла.

В тот же день нас выпустили на свободу, чтобы мы начали новую жизнь в обществе дюжников.

82
Притирка братства

Покидая Определяющих Сходство, я уже чувствовал себя лучше. Мое отрицание стало терпимым и спокойным благодаря воздействию остальных товарищей по братству. Теперь мы составляли сбалансированную ячейку общества. Я не сомневался, что мы с Мун скоро отвалим из этого идиотского мира. Как только придумаю новое место назначения, я спокойно брошу свой могучий йо-йо и сбегу из объятий этого нового многочленного псевдобрака.

Но я не принял в расчет необходимость, прежде чем сделать что-то, убедить групповой разум братства в желательности моих планов.

Как новообразованное братство, Лоскутное Одеяло имело право на множество различных пособий и льгот. Нам предоставили очень миленькую квартирку в городе и неуклюжий автомобильчик, способный перевозить сразу всех двенадцать. В последующий шестимесячный период «притирки» нам предстояло приспособиться друг к другу во всех мелочах, а потому на этот срок нам назначили приличную стипендию, которой хватало на все необходимое и даже на предметы роскоши. Ожидалось, что по окончании этого периода мы будем готовы приступить к работе и стать полезными для общества.

После череды приключений, опасностей и перевоплощений, которые выпадали на мою долю, я был не прочь притормозить и расслабиться в позе чистокровного ленивца.

Однако, как оказалось, у одиннадцати моих заклятых друзей всегда имелись свои планы, братство было полно энергии и задумок. И без всяких угрызений совести навязывало все это мне.

Однажды я сидел перед телевизором, пытаясь мирно смотреть полуденную мыльную оперу. Я подсел на эти киношки, потому что социальная динамика в этом мире была в двенадцать раз более сложной и захватывающей по сравнению с тем, что предлагал мой мир (который, как сообщили дрекслероиды, миллион лет просуществовав без меня, свалился на Солнце).

Эта мыльная опера называлась «Прожить двенадцать жизней». Сегодняшняя серия была посвящена главному герою по имени Сгоревшая Хижина. Приоритетчик Сгоревшей Хижины Шеннон хотел уйти из братства, чтобы вступить в братство Скупого Пекаря, где Приоритетчик умер от рака. В то же время Отвергатель из Сгоревшей Хижины и Предлагатель из Скупого

Пекаря закрутили тайный романчик с приятно щекочущим душком извращения. Согласитесь, что, когда невозможно, не теряя сознание, отойти от своего братства дальше, чем на сто ярдов, такой роман очень напрягает и часто разочаровывает. Вперемешку с главным развивались еще с полдюжины второстепенных сюжетов, в том числе посвященный робинзонаде одного братства, затерянного на необитаемом острове. Когда их корабль утонул, это братство лишилось трети своих членов, что весьма усложнило выживание.

Водрузив на колени миску со свежим попкорном, я, благословенно забыв о своих проблемах, сосредоточился на перипетиях сюжета.

Быть может, сегодня Затерянное Озеро наконец обнаружит, что другое братство, под названием Болотная Лихорадка, члены которого были *как две капли воды похожи* на братьев Затерянного Озера, – дискредитировало Затерянное Озеро, выступая в роли злобного близнеца.

83
Тирания большинства

Однако моему мирному просмотру очень скоро помешали.

Краем глаза я заметил, как изо всех закоулков нашей большой квартиры появилась и собралась вокруг меня и телевизора остальная часть Лоскутного Одеяла. С кухни явились Синди, Элис и Марк; они только что закончили готовить обед. Из спальни вышли Роз, Брюс, Ларри, Ванда и Глен; секс внутри братства приравнивался к мастурбации (хотя от такой мастурбации можно было и забеременеть), но, как я догадывался, именно этим они и занимались на огромной, размером со сцену, кровати, в которой мы все спали. Руди и Феликс вышли из ванной; готов побожиться, что они принимали там вместе душ. Появилась Мунчайлд с котом на руках, еще пять котов крутились у нее под ногами. (Многие другие млекопитающие мира дюжников тоже проявляли тенденции образовывать собственные братства разной численности.)

Целую минуту я пытался не обращать на них внимания, но наконец вынужден был спросить:

– В чем дело?

Наблюдатель Элис, худая женщина под шестьдесят, ответила:

– Пол, ты так и собираешься весь день просидеть дома? Нам тут надоело.

– Да, – пропищала Восстановитель Ванда. – Я уже забыла, когда мы последний раз развлекались.

– Предлагаю пойти прогуляться, – предложила Предлагатель Мунчайлд. – Может быть, зайдем повидать моего сына?

Мы уже ходили глядеть на все еще безымянного, чудовищно быстро растущего уродца, с тем чтобы Мунчайлд успокоилась, увидев, что с ним все в порядке. Остальная часть нашего братства не проявляла интереса к возне с ребеночком, что меня вполне устраивало.

Рассудитель Брюс, сонный юнец, спросил:

– Может, сходим в клуб? Нужно же, наконец, общаться. Ну, типа, познакомиться с новыми людьми.

– Нам нужно наладить отношения между собой и полностью влиться в общество – вот первостепенная задача, – заявила Приоритетчик Синди.

– Пойдемте на пляж! – с энтузиазмом предложила Мунчайлд.

Все посмотрели на меня. Я, Отвергатель, играл роль СССР в Совете Безопасности ООН. Своим вето я мог положить конец

любой затее – для этого достаточно было лишь немного постараться. (Чем больше была угроза выживанию, тем значимее становился мой голос – таково было главное правило.) Но мое конкретное настроение каждый раз было иным. Общее сознание всего братства напоминало тушащее огонь покрывало на пламени моей воли и направляло мое мнение в определенное русло наименьшего сопротивления. По этой самой причине я до сих пор не смог запустить йо-йо. Среди остальных братьев не было согласия по поводу того, что бросок йо-йо полезен.

Сегодня мне не хотелось затевать спор с остальными из-за такой глупости, как прогулка на пляж. Поэтому, прежде чем я успел протянуть руку и выключить телевизор, мои эмоции уже распространились среди братства, и Приниматель Роз воскликнула:

– Отличная идея!

– Ну так пошли! – сказал Заводила Феликс.

И мы отправились на пляж.

Улыбались все, кроме меня.

84
Внятная речь лучше, чем тыканье пальцем

Вечером того же дня, вернувшись с пляжа с тяжкими ожогами, я начал работать с остальными, решительно настроившись донести до них свое положение. По счастью, такие вещи как двурушничество, предательство и удар в спину в этом мире были почти неизвестны. В понятиях известного классического сценария «кнута и пряника», известного как «Дилемма заключенного», здешние жители в основном были приятными, милыми людьми, готовыми к сотрудничеству. Я был тут единственным обманщиком и плутом, змеем в их раю, Макиавелли в их замке.

Прекрасное ощущение.

Естественно, убедить Мунчайлд было легче всего, и ее я обработал первой. Я объяснил ей, что в этом мире она никогда не получит назад нашего сына и что нужно отправиться туда, где мы сможем растить его сами. (Конечно, это была ложь, потому что плевать я хотел на это маленькое ничтожество. Я намеревался попробовать побывать там, где... хотя к чему утруждаться и вспоминать старую мечту? Ведь вскоре я обнаружил, что сам себя перехитрил, и так и не смог туда попасть...)

Как только Мунчайлд, наш Предлагатель, оказалась на моей стороне, сила моего убеждения удвоилась. Непрерывно изливаемый ею на остальных поток безжалостных предложений отпустить нас из этого мира не оставил от нашего братства камня на камне. Мои ловкие отказы делать это, основанные на психологии навыворот, подкрепляли наше продвижение к цели. Была проведена огромная работа, мы словно песчинка за песчинкой перебрали дно реки, но я не ведал усталости и рвался вперед и прочь.

Немало нам помогло и то, что, как оказалось, ни я, ни Мунчайлд совершенно не вписывались в жизнь нормальных дюжников. Я не знал, что тому причиной: присутствие пары чужаков в братстве или наша ячейка просто была плохо составлена. Но в любом случае Лоскутное Одеяло трещало по швам и выглядело среди остальных братств дамой без кавалера или неуклюжим танцором, с трудом выплясывающим в тяжелых сапогах.

Спустя месяц воздействия как склок внутри братства, так и социального остракизма со стороны других братств Лоскутное Одеяло было готово единодушно принять нужное решение.

Мне разрешили воспользоваться йо-йо и перенести Лоскутное Одеяло в лучший мир.

Конечно, я тщательно следил за тем, чтобы ни словом не упомянуть, что на самом деле в лучший мир, кроме меня, Мунчайлд и ребенка, никто не попадет. Я утаил информацию о сути пец-конфетницы и значении ее содержимого. Когда мы с Мунчайлд исчезнем, Лоскутное Одеяло легко нас заменит и найдет свое счастье в обществе дюжников.

Наконец великий день настал. Мы собрались в кружок в нашей квартире. Я с надеждой взглянул на Мунчайлд, ожидая, когда она предложит то, о чем мы договорились заранее: мою эгоистичную мечту. Инициатива должна исходить от нее: я был на это неспособен.

– Используй йо-йо, – начала она. – Я хочу, чтобы ты перенес нас в мир, где мой сын вырастет большим, сильным и умным.

– Поддерживаю, – кивнула Принимательница Роз.

– Что?!

Мунчайлд упрямо выпятила нижнюю губу.

– Вы слышали. И все согласились. Поэтому перенеси нас!

Что мне оставалось? Все что угодно было лучше этой дыры с этими братствами. В новом мире я смогу сделать выбор по своему усмотрению.

Поэтому йо-йо был запущен: желание Мунчайлд обошло круг братьев и проникло в мою голову, а оттуда в руку.

Выпало в восьмой раз

85
Птички, пчелки и остатки прошлого

На секунду или две я испугался, что йо-йо не сработал. Стены квартиры вокруг нас затрепетали, словно желе на тарелке, установленной на вибраторе, потом твердо встали на прежнее место. Но исчез, исчез, исчез – Господи, спасибо Тебе! – навеки исчез десяток наших братьев-дюжников. Мозги у меня встали на место (насколько это было возможно после гонки по всем предыдущим вселенным), в голове прояснилось. С нами в комнате был наш сын.

Парню на вид было уже года четыре. За объективное время примерно в месяц, прошедшее с того момента, как дрекслероиды отдали его нам на руки, пацан вырос в четырехлетку. Примерно год за неделю. Черт возьми! Через пару лет он станет старше *меня* , своего любящего голубоглазого папаши! Или мамаши, уж как посмотреть.

Мунчайлд стрелой бросилась к ребенку и заворковала над ним. Притиснув его к тощей груди, она хлюпала носом и лила над ним слезы:

– Диггер! О, Диггер! Как хорошо, что ты снова со мной, я никуда тебя больше не отдам.

– Диггер?

Мунчайлд дерзко взглянула на меня, как делала это, пока мы не оказались в мире дюжников.

– Да. Я сейчас поняла, что его зовут именно так. Диггеры – герои нашего мира. Они брались за работу, которую не хотел делать никто другой: варили суп на кухне, работали в больницах...

– Да, точно. Диггеры – это круто...

Я подумал с минутку.

– Что ж, Диггер – неплохое имя. Подумать, так оно и еще кое-что обозначает.

– Например? – с подозрением спросила Мунчайлд.

– Цифровое существо. С намеком на его происхождение.

– Ну, Пол, если ты снова издеваешься...

В эту самую секунду наш дражайший Диггер впервые заговорил. Как я понимаю, дюжники-воспитатели в яслях хорошо с ним поработали и научили его говорить. Меня удивило, что голос нашего сына оказался приятным, в отличие от его пугающих квадратных зрачков. В голосе Диггера слышалась уверенность, нетипичная для столь юного возраста.

– Мамочка, откуда я взялся?

– Гм, как бы это сказать... Лучше спроси у папочки.

– Папочка, как я родился?

Отлично. Это было то самое, чего я надеялся избежать. Каким образом, скажите, я мог объяснить Диггеру способ КА-зачатия? Может, придумать для него сказку?

Я сел в кресло, а Мунчайлд усадила Диггера мне на колени. И я начал рассказ.

– Однажды, много лет назад, в стране, которой правил злой король-людоед, два автокаталитических конгломерата с ограниченным набором инструкций, работающие в бесконечном бинарном субстрате, обменялись достаточным количеством парагенов, чтобы загрузить небольшой новенький гомеостазис. Это был ты.

Я уж и не знал, что было страшнее: то, что я сумел слепить из этой чуши более-менее связную историю, или то, что Диггер уже вполне соображал, чтобы вникнуть и понять эту чушь.

Следующим вопросом было:

– А какая меня ждет судьба, папа?

86
Мамочка, или Копы стучатся в двери

Этот невинный, но глубокомысленный вопрос оказался последней каплей. Я вышел из себя. Вся тщательно составленная хрупкая конструкция, которую я в себе лелеял, развалилась пред лицом безумия скачков между измерениями. Я вскочил, сбросив Диггера с колен.

– Какая тебя ждет судьба? – заорал я. – Да кому, к чертям, есть дело до твоей судьбы! Я со своей-то не могу разобраться! У меня есть абсолютное право выбора, безграничное число опций, а в результате имею только какое-то убожество! Я побывал во вселенной размером с бесконечную горошину, но и там у меня были сплошные проблемы. Мои мозги выкручивались двенадцатью разными способами, но бед у меня от этого не убавилось! Меня окружали возбужденные, желанные женщины, но у меня не встал ни на одну из них! Бывало и так, что мановением пальца я мог вызывать ураганы, зато не мог подтереть себе зад.

Мунчайлд торопливо подхватила Диггера на руки. Мальчик смотрел на меня серьезно, без слезинки, но Мун все равно шептала ему утешительное БББ, которое, как я почувствовал, отчасти предназначалось и мне.

Однако когда она повернулась ко мне, ее лицо ее выражало только презрение.

– Что это за жалкое нытье? Опять затеял свой гимн, типа «Америка»? Да все, что ты потерял, это только безымянная кобыла, чокнутый старикашка.

– Мун, ты меня обижаешь. Реально обижаешь. Похоже, ты забыла, кто спас тебя от того, что, по твоим словам, было хуже смерти. От траходрома, помнишь? Хотя вряд ли это тебе помогло, такой сушеной и злобной старой деве.

– Ох! Это была последняя капля. Мы с Диггером уходим, сейчас же.

– Я тоже покину вас! – сказал я, чувствуя успокоительную тяжесть йо-йо, зажатого в моей усиленной правой руке с Дурным Пальцем. Но потом правда накатилась, словно похмелье. – О, черт. Пец. Вы, ребята, привязаны ко мне. А без кальвиний я не смогу удалить вас из списка попутчиков внутри йо-йо...

– Ничего, я все равно не хочу пока покидать эту вселенную. Если она отвечает моим мечтам, тогда Диггеру здесь тоже понравится. Поэтому пока даже не пытайся.

Нашу «мексиканскую ничью» разрушил резкий стук в дверь, и

сразу же громовой голос заявил:

– Откройте! Родительский патруль!

Мун взглянула на меня. Я на нее.

Потом они вышибли дверь.

Их было пятеро, с оружием наготове. Мы замерли на месте.

Главарь сверился со своим прибором и утвердительно кивнул:

– Соседи были правы. Мы нащупали самый вопиющий в моей практике случай загрязнения поля. Пакуйте парня, и молитесь, что мы прибыли не слишком поздно.

Пока главарь держал нас на мушке, двое бойцов из его группы захвата вытащили нечто, с виду похожее на блестящий металлизированный мешок для перевозки тел, с прибором для дыхания. Они подошли к Диггеру, осторожно подобрали его и упаковали, словно он был горячая и готовая к доставке пицца. Один дюжий парень уложил нашего запеленатого сына на носилки, какими обычно пользуются пожарные.

– Мерфи, Слоун, – отдавал приказы босс. – Родаков в наручники.

Нам заломили руки за спину и заковали в железо. Бежать при помощи йо-йо теперь и думать было нечего.

– Так, теперь вы, двое, будете рассказывать свою историю судье. И молитесь, чтобы судья был добрый, потому что лично я рассчитываю услышать с другой стороны скамьи: «Пустить на перековку».

Стоило ли удивляться такому везению?

И везение ли это?

87
Договор с дьяволицей

Судя по доставшемуся нам образцу, тюремные камеры в этом мире были несколько более сложно, удобно и гуманно устроены по сравнению с миром Мунчайлд. В противном случае происходящее могло бы показаться чистым *дежа вю* .

У меня снова отобрали йо-йо – чтобы я не причинил себе какой вред при его помощи – и усадили на голую нижнюю койку напротив тощей, мрачной и подозрительной хипповки, которая время от времени бросала на меня взгляды, наводившие на подозрение, что мне предстоит во второй раз пройти «мои университеты». Все это было чрезвычайно огорчительно.

Чего я достиг своими отчаянными бросками между измерениями? Ничего. Точнее, меньше чем ничего. Да, я покинул точку абсолютной скуки, ту лавку, «Страну книг», где мои чувства изнывали, чуя мертвую закрытую систему без потенциала. Но на смену этим чувствам пришли только страх, разочарование, растерянность и осознание того, что многомирье бесконечно сложно и чересчур многогранно для моего понимания. Ну и, конечно же, Онтологическая Закавыка осталась такой же большой, устрашающей и метафорически налившейся-но-еще-не-спелой, как и раньше.

Я обдумывал все это – тщательно стараясь не обращать внимания на раздраженное ворчание Мунчайлд, – когда за нами пришел тюремщик. Плотный мужчина с бородкой, выглядящий как автор популярной серии мистических романов.

– Сейчас начнется слушание вашего дела, грязные разрушители поля.

– Эй, – запротестовал я. – Мы невиновны, пока вина не доказана.

– Нет, виновны, и потому будете гореть в аду. Я видел записи ваших папуль-мамулиных полей, уж не говоря о надзирателях. Они рассказали мне вашу грязную историю. Вы подонки! Встать, и вперед! Хотя стоит ли торопить вас? Ведь судья Топочка будет только злее, если вы заставите его ждать...

И мы поторопились.

Пока мы шагали по коридору, я пытался договориться с Мунчайлд.

– Мун, нам лучше забыть раздоры и неудачи и постараться придумать, как вылезти из этой заварухи. Мы оба влипли, и неважно, виноват ли в этом кто-то один из нас. Понимаешь, о чем

я?

Похоже, Мун начала потихоньку проникаться ситуацией и оттаивать.

– Что ж, может, и так. Согласна, нам нужно вместе придумать, как тут все утрясти. Вот только я бы хотела договориться с тобой заранее об одной вещи.

– О чем это?

– Если мы сейчас все уладим, то обещай, что дашь нам шанс в этой вселенной. Не сматывайся галопом при виде первой же трудности. Обещай, что мы тут пробудем столько, сколько понадобится, чтобы наш сын мог начать жить по-человечески.

Я задумался. Мунчайлд никогда особенно не жаловалась на то, что я выдернул ее из родного мира и увлек в эту безумную эскападу. Я вспомнил, как она помогла мне во время хаоса в измерении Бабочки и как еще раньше прикусила губу и ничего не сказала при виде сексуальных богинь, похожей на которых ей никогда не суждено стать. И после, когда дрекслероиды на миг сделали ее всемогущей, она не проявила эгоизма, а только попросила, чтобы ей вернули ее чу́дного сына. То есть, по сути, она хорошая девушка. Мне могла попасться дама и похуже.

И, словно почувствовав, о чем я думаю, она сказала:

– Пол, ты мне нравишься, здорово нравишься. Но тебе нужно научиться быть более благородным и добрым. И к другим, *и* к себе самому!

– Правильно. Я поцелую первого же прокаженного, который нам попадется.

– Придурок! Уверена, ты никогда не изменишься. Но если хочешь, чтобы я была на твоей стороне, то все же пообещай, что поможешь мне вырастить нашего сына настоящим человеком.

Ловушка зазияла, как дыра в полу.

– До скольких же лет?

– Гм, до восемнадцати?..

– Значит, это займет восемнадцать недель? Верно?

– Ой, об этом я еще не задумывалась. Ну да, если, конечно, он и дальше будет расти так же быстро.

– Хорошо. Я готов провести здесь четыре с половиной месяца. По рукам.

У Мунчайлд были невероятно *влажные и холодные* руки...

88
Судебное заседание и ужасный приговор

Зал суда был полон. Судья Топочка сидел в кресле на возвышении, похожий на самого злобного из ацтекских божков. Пока нас вели к скамье подсудимых, я наконец осознал особенности этого мира.

Все без исключения были натренированы и подтянуты. Тут не было людей с лишним весом. А многие мужчины и женщины казались настоящими качками. (Я с содроганием повторил про себя имя судьи – Топочка.) Заметные перемены по сравнению с той милой Америкой, откуда я отчалил.

Но, кроме этого, было и другое отличие, кое-что на первый взгляд не столь заметное. По некотором размышлении я смог осознать только общую атмосферу внимательности и остроты ума, общий блеск в глазах. Никто из присутствующих не проявлял апатии, лености ума или безразличного невнимания, что так часто встречалось у меня дома. И не то чтобы люди тут производили впечатление таких уж умных, просто казалось, что они привыкли использовать свои мозги на полную катушку. Не исключено было и то, что все присутствующие здесь взвинчены по какой-то непонятной нам причине...

Назначенный судом защитник представился нам. Бестолочь, которая равнодушно позволит судье вытереть о нас ноги, – я был уверен в этом и потому даже не удосужился запомнить имя адвоката. Слушание началось.

Судья Топочка изучил поданные ему бумаги. Потом обратился к нам.

– Вы мистер и миссис Пол Жирар, правильно?

Это было что-то новенькое. Каким-то образом йо-йо сумел сконструировать для нас прошлое, бумажный след, который мог подтвердить наше существование. Или, быть может, йо-йо поместил нас во вселенную, где уже существовали наши двойники (хотя я точно помнил, что специально просил Ганса-суперкуста закрыть в йо-йо эту опцию). Но если дело обстояло именно так, то что сталось с нашими двойниками? Хотя это вряд ли имело значение, поскольку в суде торчали именно мы.

– Да, это мы, ваша честь, – подтвердил я.

– И у вас есть потомок по имени Диггер, рожденный четыре года назад?

Мун решилась подать голос.

– Да, ваша честь. Это наш сын.

Судья подался вперед, его лицо налилось краской, и он пронзил нас двойным раскаленным лучом отвращения.

– Да как вы смеете! – заорал он. – Как вы могли быть так бездумны!

– Да как вам сказать, судья, – кротко ответил я, – был праздник дин, и мы, как бы это выразится, увлеклись...

– Молчать! Понятия не имею, о чем вы там бормочете. Такому поведению нет оправдания! Позвольте перечислить выдвинутые против вас обвинения, скандальные уже своей многочисленностью. Во-первых, у вас отсутствуют родительские тесты и заключение Совета! Ни один из вас никогда не числился в списках курсов усовершенствования! Ваши папуль-мамулины поля плоски как блины вплоть до момента вмешательства Родительского патруля. К тому же имеется пик враждебности и безалаберности – в семь баллов! – а соответствующие участки поля вашего отпра и вовсе зашкаливают!

– Ваша честь, я могу объяснить...

– Сильно сомневаюсь! Поразительно, как вы, двое, сумели всех обмануть, избежать всех контрольных проверок, обязательных в нашем обществе. Представить не могу, что за садистские и жестокие души вы в себе воспитали, раз стали такими злобными извращенцами. Но я твердо знаю одно: в тот же миг, как вы покинете здание суда, немедленно будут начаты восстановительное обучение и курсы по самому жесткому графику. Если желаете себе добра – если в вас есть хоть капля любви и уважения к вашему отпрыску – вы немедленно и добровольно возьметесь за обучение! Я молю Бога, чтобы воздействие на вашего несчастного отпрыска пренебрежения и заброшенности на ранней стадии не оказалось неисправимым.

Мое замешательство усилил грохот молотка.

– Дело закрыто!

89
Мисс Полынь принимает командование

Я открыл новый закон природы. Я решил назвать его Четвертым постулатом Жирара. (Не потому, что уже существовали три предыдущих постулата, просто пусть ложная терминология собьет с толку будущих исследователей моей жизни.)

При знакомстве с обитателями неизведанного мира их первое желание – пометь каким-либо образом твою задницу .

Куда бы мы ни отправлялись, всюду туземцы пытались втиснуть нас в свои рамки, приколоть наши личные предпочтения булавкой, как пойманного жучка к пенопластовой доске, пообрубать неуклюжие ветки милых причуд, силком втиснуть наши неудобные личности в местные жесткие корпуса, при этом требуя, чтобы мы наслаждались жизнью и во всю глотку *благодарили* за эдакую радость бытия.

Общество, решил я, держится на стремлении уложить жену соседа в прокрустово ложе.

Как бы то ни было, после череды стандартных унизительных физических и умственных тестов, назначенных судьей Топочкой, Мунчайлд и меня отвели в контору. За столом сидела женщина средних лет, напомнившая мне разом всех воспитателей в колледжах, которых мне доводилось встречать. Позвоночник этой поджарой и жилистой даме наверняка заменял стальной прут. Ее прическа была залакирована на совесть, словно 65-й «мустанг». На именной табличке на ее столе значилось: «Мисс Полынь».

– Мистер Жирар, – процедила она сквозь зубы, – анализ вашего родительского поля показал, что вы наиболее пригодны для того, чтобы внести вклад в соматическое взросление вашего сына. С другой стороны, мы нашли, что ваша жена как нельзя лучше подходит для того, чтобы руководить ментальным ростом отпра.

– Минуточку, черт возьми. Вы хотите сказать, что эта хипповая тусовщица больше подходит, чтобы помогать моему сыну делать уроки, чем я? А я годен только на то, чтобы играть с ним в салочки?

– Хотя название занятия, упомянутого вами, для меня звучит бессмыслицей, я чувствую, что вы верно ухватили суть выводов Родительского совета.

– Тогда это полная жуть. Вы знаете, что она даже читать не умеет?

– Нет, Пол, – перебила Мунчайлд. – Должна тебе кое в чем сознаться. Я умею!

– Что ты умеешь, черт побери?

– Каким-то образом я научилась читать. Обнаружила это, когда они устраивали нам тесты, а я смотрела на листки с их пометками.

Мисс Полынь надменно фыркнула.

– Если ваше незнание законов устройства вселенной – не обман, юная леди, то это ужасно. Конечно, вы умеете читать! Вам, хотя и крайне выборочно, доступно морфогенное поле всего человечества, а оно вот уже тысячу лет содержит в себе это простейшее умение. Итак, могу я продолжить?.. Вы поступаете в мой класс родаков-новичков. Возраст детей в этом классе в диапазоне от трех месяцев до года, что значительно меньше, чем возраст вашего мальчика. Но он так отстал, что несовместимость будет минимальной. Родаки, ваши одноклассники, все приятные люди, приличные граждане, желающие своим отпрам только добра, и я надеюсь, что на их примере вы сумеете выработать модель своего поведения. Теперь, если у вас больше нет вопросов...

Я поднял руку.

– Как долго будут длиться занятия?

Мисс Полынь улыбнулась. Мне редко доводилось видеть более устрашающее выражение лица.

– Мистер Жирар. Пока ваш ребенок не повзрослеет, занятия для вас не закончатся. Ни на минуту, ни на час, ни на день.

90
Теория поля

Вот что мы узнали в классе мисс Полынь, прежде чем началась по-настоящему тяжелая работа. Вводный курс не был чересчур подробным, так как простейшие азы были и так всем известны. Но как у меня на родине, в классе инструктора по вождению Эда, обучение начиналось со знакомого и самого примитивного – «газ», «тормоз», – так и здесь инструктаж начинался с элементарных концепций, всем давно известных.

Главное, что я очень скоро узнал, состояло в том, что в этой вселенной существовало и реально действовало морфогенное поле Шелдрейка.

В моем родном мире биолог по имени Руперт Шелдрейк разработал удивительную новую теорию, основанную на некоторых физических аномалиях. Он утверждал, что вокруг существуют невидимые и нерегистрируемые источники силы, так называемые морфогенные поля. Эти поля, практически бесчисленные, сложным способом переплетаются и взаимодействуют. Но самое важное – на что воздействуют эти поля.

Согласно Шелдрейку, эти поля управляют всем, от эмбриогенеза до космогенеза, от химических реакций до музыки, от животных инстинктов до человеческой памяти. Между частями материальной вселенной существуют два типа обратной связи, которые мы можем ощущать и ассоциировать с морфогенным полем. Информация и формы, однажды рожденные в физическом мире, мигрируют в морфогенное поле, где остаются навсегда, как в платоновском хранилище или библиотеке предыспытанных возможностей. При подходящих обстоятельствах соотношения и связи перетекают обратно, оказывая воздействие на материальный мир.

Шелдрейк полагал, что эти незримые инструкции могут улавливать личности или объекты, способные «настроиться» на определенное морфогенное поле. Суть тут сводится (в том, что касается живых существ) к взаимодействию сонастроенных представителей одного вида. Так, к примеру, если одна обезьянка обучилась новому трюку, то другие обезьянки, даже при отсутствии прямого контакта, пусть за много миль от первой, тоже получают знание о новом фокусе через посредство вездесущего морфогенного поля. Конечно, это происходит только тогда, когда данный тип поведения внедряется и закрепляется в

морфогенном поле путем многократных повторений в материальном мире.

В этой вселенной, среди людей-«шелдров» (как я стал их звать), воздействие морфогенных полей имело странное своеобразие. Наибольшее значение для нас с Мунчайлд имело то, что эволюция здесь происходила по Ламарку.

Ламарк, как известно, был конкурентом Дарвина, потерпевшим поражение. Его теорию эволюции можно изложить в одной фразе: «Приобретенные признаки могут наследоваться». Жирафы, которые всю жизнь тянут шеи как можно дальше, рожают жирафят с шеями более длинными, чем в прошлом поколении и по сравнению с потомками тех, кто дотягивался только до нижних ветвей деревьев.

Конечно, для моего мира это была полная чушь. Невозможно переписать ДНК в женской яйцеклетке или в мужском семени, чтобы отразить в них для передачи потомкам психический или физический опыт. (Хотя, конечно, такие ретровирусы, как СПИД, в некотором роде нарушают это правило.)

Но здесь, благодаря морфогенному полю, правил закон Ламарка.

В момент зачатия и вплоть до примерно восемнадцати лет относительно чистое морфогенное поле ребенка могло заполняться воздействием полей его родителей.

Все, что делали родители, плохое или хорошее, если повторялось, то постепенно передавалось ребенку.

(По счастью, более сильные и развитые поля родителей гасили поле ребенка. Иначе после рождения чада родители могли бы превратиться в лепечущих младенцев, поскольку поле отпрыска также влияло на родительские поля.)

Родители, стремящиеся вырастить лучших детей, были обязаны сами как можно дальше тянуть шеи.

И это было ужасно хлопотно.

91
Готовьтесь к Ламарку, внимание, марш!

Чтобы стать родителями в мире шелдров, недостаточно было просто решения или супружества. Это означало, что восемнадцать лет своей жизни (или больше, если планировали подряд несколько родов) приходилось отдавать непрерывному участию в «воспитании» и «образовании» собственного ребенка. Трудозатраты и преданность делу были тут поистине героическими. Никто не заводил ребенка с бухты-барахты – в отличие от большинства других профессиональных и социальных занятий; всегда только после тщательного предварительного расчета и обдумывания. (Поскольку никто не рвался в производители, численность шелдров держалась на постоянном уровне только благодаря тенденции к сериям последовательных родов.)

Конечно, такие условия размножения приводили к формированию и отбору личностей, которых, по моему скромному мнению, следовало охарактеризовать как самодовольных олухов. Самолюбивых, добрых со всеми, конформистов, консерваторов, вечно радостных похлопывателей по плечу.

В школе мисс Полынь занималось еще десять пар. Из них я способен был выносить только одну: Тони и Сандру Бокскаттеров. Тони и Сандра были такими же радушными и энергичными, как другие родаки, но вместе с тем в их манере держаться проскальзывали некие самокритические полутона, которые делали их сносными в общении.

Тони, плотный мужчина волосатого средиземноморского типа, отвечал за интеллектуальное развитие своих четырех отпров, а Сандра, гибкая девушка поэтической внешности, – за физическое развитие детей.

Сами видите, каков расклад.

Получалось так, что я проводил очень много времени в гимнастическом зале вместе с Сандрой и другими «качками», пока Мунчайлд корпела в библиотеке и классной комнате вместе с Тони и другими «грамотеями».

В течение двух недель – двух бесконечных недель из обещанных восемнадцати – я всякую минуту бодрствования проводил в спортивном зале. Мне показались скучными первые два дня лекций, но ничто не было хуже мук спортивного зала.

Я пытался одним махом преодолеть сорок лет лености, чтобы

передать улучшенные качества своего тела Диггеру. Личные тренеры под садомазохистским руководством мисс Полынь прогоняли нас, тренирующихся, сквозь ужасающий комплекс аэробики, бодибилдинга, плавания, растяжек и полезного для психики ББББ. Мы обливались потом, как рабы на плантациях, страдали от болей, подобно жертвам авиакатастрофы, и спешно жрали, словно изголодавшиеся мустанги. В промежутках между занятиями непосредственно физподготовкой мы занимались разной мелочью вроде танцев, айкидо и тай-чи.

Вся эта суматоха, естественно, оказывала положительное воздействие на наши морфогенные поля, которые в свою очередь воздействовали на наших отпров, формируя их подрастающие тела в соответствии с доминирующими качествами и мудростью. (При том, что ни один шелдровый отпр не рос так быстро и не накапливал телесный опыт так стремительно, как чужак-Диггер.)

В это время Мунчайлд трудилась в библиотеке над учебниками, справочными таблицами, научными фильмами, снабжая Диггера переработанным продуктом предварительно собранного знания. Вскоре она должна была перейти к энциклопедиям и справочникам, чтобы снабдить Диггера набором фактов, накопленных цивилизацией.

Перерывы и часы отдыха полагалось проводить в детской, играя с отпрами и всячески способствуя их прогрессу.

– Эй, все, посмотрите на маленькую Джессику! Как у нее оформились и рельефно выступают бицепсы!

– Похоже, словарь Джейсона за эту неделю удвоился. Послушайте-ка его! Джейсон, скажи: «Мне нужно поменять подгузники...»

Этого хватало, чтобы такие, как я, могли полностью потратить свои положенные 5000 калорий в день.

92
Пока она не почувствует, что мужская сила растет

В один прекрасный день я не смог больше выносить эти тошнотворные чмоки-чмоки родаков и отпров в детской. Поэтому во время дневного перерыва я отправился обратно в гимнастический зал, не обращая внимания на яростные взгляды мисс Полынь, которая вскоре удалилась.

К моему удивлению, Сандра тоже осталась.

В шортах в обтяжку и свободном топе, с полотенцем вокруг шеи, со свободно заколотыми волосами (одна или две пряди прилипли к щекам) она выглядела удивительно хорошо. Довольно существенная перемена по сравнению с той плакучей ивой, которую Сандра напоминала нескольких недель назад. (Я узнал, что все отпры здоровых, преданных родителей вступают во взрослую жизнь с превосходной физической подготовкой, которую они сбалансированно поддерживают после выхода из папуль-мамулиного поля. Но встречались и тут исключения, и Сандра была одним из них.)

Я украдкой взглянул в большое, в рост, зеркало на другой стороне комнаты и отметил, что сам тоже неплохо выгляжу. Животик пропал, тело стало рельефным. Жирок на мне таял, как снег на Меркурии. Неплохо. Может, Мунчайлд и права, что заставила потусоваться тут немного...

Сандра промокнула лицо полотенцем и сказала:

– Минутка отдыха! Слава Богу!

– Ага. А ничего, что вы сегодня утром не пошли повидать своих тройняшек?

– Хочу немного отдохнуть в тишине и покое. Не так-то легко быть родаком. Каждая минута посвящена отпрам.

– И не говорите. Скажите, Сандра, вы когда-нибудь думали о том, что отпры могли бы делать это сами?

– Делать что?

– Ну как «что» – самостоятельно развивать свои мозги и мускулы. А так – их кормят насильно, как птенцов, которым отрыгивают в клювик червяков. Для чего накачивать их, словно шарики, по своему образу и подобию?

– Что за странные мысли, Пол? Да как же можно такое допустить? Они будут совершать ошибки и тратить понапрасну время, пойдут не той дорожкой и наберутся вредных привычек. Подумай, каким ужасным будет результат! Что за общество у нас

получится? Нет, гораздо разумней, чтобы родители, которые уже знают, что к чему, сразу указали верный путь. Кроме того, мы несем ответственность перед нашими отпрами, потому что привели их в этот мир.

Сандрины рассуждения напомнили мне ту бесконечную прогрессию, с которой я столкнулся в Моноблоке среди кальвиний.

– Но как все началось? Было же первое поколение, которое всему училось само?

– Конечно, нашим примитивным пещерным предкам приходилось каким-то образом самим выстраивать эту систему. Но как только цивилизация окрепла, необходимость в таких неуклюжих методах отпала.

– Могу представить! Но разве вас не возмущает, что на воспитание тратится столько лет?

Сандра рассмеялась.

– Ох, конечно, нет! Хотя, естественно, мне пришлось многим пожертвовать.

– И чего вам не хватает больше всего? – спросил я, просто чтобы поддержать беседу.

– Секса с Тони.

Мне пришлось как следует глотнуть из своей бутылки с водой, прежде чем я смог говорить дальше.

– Осложнения после родов?

– Пол, вы правда так наивны? Конечно, нет. Это просто еще один аспект поля.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, если родаки занимаются сексом, то в поле появляются волны, способные привести к возникновению комплексов Эдипа и Электры. Отпры фиксируют внимание на матери или отце как на сексуальном объекте. Поэтому, пока их детство не кончится, мы можем заниматься сексом только с людьми из других семей. И при этом, разумеется, должны предохранять наших детей с помощью мешков, вроде как защищать их от взрослых вещей, к которым они еще не готовы. И даже при соблюдении всех предосторожностей небольшие утечки случаются.

Мешки, такие же, каким пользовался Родительский патруль, чтобы изолировать Диггера, делали из специально созданного материала, который частично защищал от воздействия высших морфогенных полей, погружая находящегося в мешке в подавленное состояние. Конечно, некий процент протечек все равно имел место, ведь само действие полей было необходимо для жизни. Если бы инфоизлучение этой вселенной удалось блокировать полностью, то изолированный от него объект

мгновенно растворился бы, распавшись на составляющие кварки или что-то еще более примитивное.

– Так что, как видишь, – продолжила Сандра, – мы можем заниматься сексом сколько нужно и так, как нужно, излучая необходимые экзогамные волны. Но только не с мужьями или женами.

У меня выступил пот, но не от упражнений.

– Гм, и ты бы могла заняться сексом, скажем, гм…

Сандра прикоснулась кончиками пальцев к моей руке.

– Скажем, с тобой и Мунчайлд? Конечно. Тони как раз собирался предложить тебе устроить свинг.

93
Отлично проведенное время

Выяснилось, что трахнуть Сандру совсем не так просто, как можно было подумать.

Для этого требовалось уговорить Мунчайлд на свинг.

Тони нужна была партнерша. Излучать в поле какие-либо разочарования и огорчения, которые могли бы исказить и повредить развивающееся поле отпров Бокскаттеров, воспрещалось. Так что обмен партнерами был единственным выходом. При этом мы не могли подыскать Тони партнершу где-то на стороне: это привело бы к воздействию на отпров несимметричной разбалансированной волны.

Не могли мы и подобрать для него девчонку из числа незамужних шелдров. Оказалось, что социальные контакты между родаками и неродаками не приветствовались и практически отсутствовали. Существовало огромное количество ритуалов, заградительных препон и правил, ставших, по сути, второй натурой родаков, но, однако, не практикуемых не-родаками. Ограниченный набор занятий не делал родаков особенно популярными в обществе, хотя, конечно, относились к их роли нежно и уважительно. Нет, в этом мире родители могли общаться только с другими родителями.

Примерно как и на родной Земле, только степень сегрегации тут была выше.

Поэтому, чтобы устроить свои дела, мне пришлось уламывать Мунчайлд.

Дома я настоял на том, чтобы все вечера мы проводили все вместе, с Диггером, в нашей уютной гостиной. Втроем мы составляли идеальную термоядерную морфогенную семейку: Мунчайлд с книгой на коленях, я с очередной штуковиной для упражнений в руках – и Диггер, тощий десятилетний пацан: он сидел тихо, с затуманенными чудно́й поволокой глазами (это называлось у отпров «морфилининг»), и занимался чем-то своим на подсознательном уровне. Обычно в таких случаях играла классическая музыка, которая всеми нами воспринималась спокойно.

– Ну что, мамочка, – сказал я однажды вечером, примерно через неделю после предложения Сандры, автоматически продолжая работать гантелькой на бицепс, – сынок у нас растет просто загляденье, согласна?

Мунчайлд взглянула на меня поверх очков для чтения. За

прошедшие несколько недель она тоже изменилась, по-своему, но не меньше, чем я. Куда делась та наивная, невинная хипповая цыпка? Мун пила специальные шелдровские напитки для поумнения, чтобы поспеть за невероятными способностями Диггера, а большие порции знаний, которые она потребляла, изменили ее личность. Поверх прежней Мунчайлд появился слой новой, сложной и чувствительной, натуры.

– Да, согласна. Он входит в пятерку лучших в их когорте, как физически, так и нейрологически. Я всегда мечтала о таком. Мы дали нашему сыну хороший старт в жизни, особенно если учесть, что в раннем детстве он был лишен заботы.

Я схватил пружинный эспандер и принялся нервно сжимать и разжимать левую руку. (Усовершенствованная, с «дурным пальцем», не нуждалась в упражнениях.)

– Отлично, отлично. Я тоже этому рад. Сначала я не был уверен, что смогу уделять Диггеру все свое время, но теперь-то я вижу, как это здорово.

Мун взглянула на меня с легким подозрением.

– В самом деле? Ты и вправду так считаешь?

– Конечно! И мне нравится общаться с другими родителями. Они очень приятные люди. Очень милые. Например, Бокскаттеры. Как ты относишься к Тони?

– У него светлая голова.

– Гм, в самом деле? Что ж, отлично, просто отлично.

Похоже, что «отлично» – это единственное слово, оставшееся в моем словаре повышенных интонаций.

– Я уверен, что он и мисс Бокскаттер – кажется, ее зовут Сандра, – хорошие люди, и мы можем пригласить их как-нибудь вечером, ну, скажем, на барбекю. Что ты об этом думаешь?

Мунчайлд захлопнула книгу.

– Пол, ты задумал заняться сексом с Бокскаттерами?

– Ну что ты, нет. Конечно, нет, если только ты... то есть я хотел сказать, необходимо, чтобы ты...

– Довольно пудрить мне мозги. Позволь минутку подумать.

Прошла ровно минута (я знал это точно, так как считал жимы), и Мунчайлд продолжила.

– Что ж, прекрасно. Это самое малое, что я могу для тебя сделать, потому что ты принял мои условия. Я попытаюсь провести сношение с Тони Бокскаттером.

В тоне Мунчайлд эмоций было не больше, чем если бы она говорила о платяных вшах.

Но теперь у меня был шанс получить все, что удастся взять.

94
Тони и Сандра, Пол и Мунчайлд

Я застегнул молнию до конца, закрыл ее клапаном из защитного материала, и Диггер оказался изолирован в мешке. Отпры Бокскаттеров уже были упакованы.

Тони и Сандра стояли рядышком. Они выглядели круто. Как аляскинские огурцы. Я рассчитывал на то, что инстинкты Тони возобладают, поскольку либидо Мунчайлд было тихим и малозаметным, плоским, как ее грудь.

Я подошел к Сандре и обнял ее за тонкую талию. Потом обратился к другой паре:

– Ну что ж, ребята...

Мунчайлд одарила меня ледяным взором, словно я был чем-то вроде лабораторной крысы.

– Мы сперва обсудим самое интересное из сегодняшнего учебного материала. Можете присоединиться к нам, если посчитаете нужным.

«Вот уж вряд ли, черт возьми», – прокомментировал я про себя, но вслух сказал:

– Супер, классно. Скоро увидимся.

После этого я практически затащил Сандру в одну из спален.

На раздевание у нас ушло ровно десять секунд. Сандру нельзя было назвать близняшкой Барби, но, тем не менее, она была самой прекрасной женщиной из тех, которых мне доводилось видеть голыми.

В тот же миг мы набросились друг на друга, как два кролика.

Но в тот момент, когда предварительные игры достигли естественной кульминации, Сандра вдруг замерла.

– В чем дело? Что случилось?

– Тони и Мунчайлд. Разве ты не чувствуешь, как твое поле пересекается и взаимодействует с ее полями? Они еще не начали.

Я еле сдерживался.

– Ну и что с того? В задницу их! Я имею в виду, в переносном смысле. Я имею в виду, черт с ними. Мы-то с тобой можем развлечься. Давай же!

Сандра поднялась с постели.

– Нет, Пол. Боюсь, не выйдет. Насколько я понимаю, мы сделаем только хуже, потому что не будет соответствия. Я пойду к ним и поговорю, пока негативное воздействие не стало сильнее.

Сандра – в чем мать родила – вышла из спальни.

Я поплелся следом.

– Сандра, не нужно!

Тони и Мунчайлд сидели в нескольких футах друг от друга на кушетке. Между ними лежали исписанные листки с *уравнениями!*

Когда Мунчайлд увидела меня, ее лицо побелело.

– Пол, извини. Я пыталась, честно.

Потом она отвернулась, и ее вырвало прямо на симпатичный коврик Бокскаттеров.

Я ужаснулся при мысли, что с ней стало бы, увидь она меня голым до того, как я сбросил жирок.

95
Разговор отца с сыном

Неестественно быстрый прогресс Диггера отдалил его от прежних соучеников, поэтому нам пришлось покинуть академию мисс Полынь прежде, чем стремительное развитие этого ребенка начало беспокоить других, менее скоростных отпров. В нашем домашнем укладе это мало что изменило. К тому времени такая жизнь вошла у нас в привычку, мы с Мунчайлд замкнулись в своих мирках качания мышц и качания мозгов нашего сына. Я целый день занимался фехтованием, упражнениями на бревне и на турнике. Мун практически не отходила от домашнего компьютера – там она занималась скорочтением трудов Эйнштейна, или Хоукина, или каких-то других высоколобых. Для разнообразия мы увлеклись живописью и скульптурой. Несколько последних недель обучения Диггера мы провели в углубленных домашних занятиях.

Сандру я, в общем, не вспоминал. После провалившейся попытки обмена партнерами я понял, что при данных обстоятельствах – то есть пока я в паре с Мунчайлд – секс на повестке дня не стоит. Мне было даже лучше, если я не видел Сандру. Тугие яйца болели меньше.

Диггер взрослел и все меньше времени проводил, погрузившись в морфилический транс, зато больше изучал реальную действительность. Я открыл, что с ним есть о чем поговорить. Разговор получался странным, но тем не менее.

– Ну что, сынок, есть какие-нибудь соображения насчет судьбы, о которой ты меня спрашивал, когда был маленький?

Диггер потрогал указательным пальцем свои начинающие пробиваться усики и взглянул мне в глаза (он уже был одного со мной роста).

– Нет, папа. Но я думаю, что моя судьба как-то связана с обстоятельствами моего рождения. Можешь ты еще раз объяснить мне, как это произошло?

В сотый раз я повторил, как он был зачат и появился на свет во время цифровой связи между мной и Мунчайлд в КА-мире.

– Получается, мама никогда не занималась настоящим сексом? – спросил он. – Значит, она девственница, в техническом смысле?

– По правде говоря, она необыкновенно этим гордится, – пропыхтел я (качая на скамье пресс).

Диггер глубокомысленно помолчал.

– Тогда мне кажется, что ты не мой настоящий отец.

– Да что ты? Кто, кроме твоего настоящего отца, согласился бы на такое ради тебя?

– Спасибо, папа. Правда, спасибо. Но что-то подсказывает мне, что я был создан силами, которые много выше, чем ты и мама.

– Диггер, хочу тебе кое-что сказать. В молодости *все* так думают. Но со временем это проходит. Поверь.

– Может быть, – только и ответил мне Диггер.

96
Грязное бегство, когда женщины больше не преследуют

На восемнадцатилетие Диггера мы устроили вечеринку только для нас троих. Это был странный и грустный праздник. Мун хлюпала носом, и от этого мне тоже хотелось плакать. Но я подавлял грусть, напоминая себе, что скоро все здешние увеселения закончатся и мы двинем отсюда ко всем чертям, вернемся к моему идиотическому походу, что бы ни было его целью.

После того как все съели столько торта, сколько были способны, и Диггер развернул предназначенный ему подарок (наручные часы, бесполезная вещь, принимая во внимание странное поведение времени в большинстве вселенных; но Мунчайлд непреклонно отвергла не совсем шуточные предложения по поводу сотни презервативов или межпространственной подписки на журнальчик «Красивые большие задницы»), я поднялся, чтобы объявить: мы отправляемся дальше.

– Жаль, что приходится тащить вас обоих с собой…

– Нет, нет, ничего, – запротестовала Мунчайлд. Казалось, долгожданное совершеннолетие нашего сына смягчило ее отношение ко мне. – Мы же хотим всегда быть вместе. Верно, Диггер?

Лицо Диггера, пусть теперь и освободившегося физиологически от нашего смешанного морфогенного влияния, имело, наверно по привычке, отчужденное выражение, что в сочетании с приятной наружностью и квадратными зрачками делало его похожим на фавна.

– Конечно, я не против, мама. Я отправлюсь с вами.

Я осторожно взялся за струну космического йо-йо.

– Более искреннего одобрения моих высоких целей я не мог ожидать! Что ж, не стану больше держать вас в неизвестности. Мы отправляемся в мир, который, я надеюсь, понравится тебе, Мун. Я говорю о царстве идей.

Я принял это решение отчасти из ревности. После того как в этом мире из меня сделали тупого быка, я хотел перемен, чтобы показать Мунчайлд – я соображаю не хуже нее. И кроме того, почти все мои прежние попытки добиться плотских удовольствий закончились плачевно. Что мне осталось, кроме погони за интеллектом? К тому же я надеялся, что в такой вселенной (где

же еще?) может найтись ответ на мою Онтологическую Закавыку.

– Все готовы?

Семейка кивнула.

Я приготовился запустить йо-йо. Но потом остановился.

– За нами никто не гонится, верно? Нашим жизням ничто не угрожает. Никто не пытается нас остановить или заставить изменить взгляды. Нашему дальнейшему путешествию не мешают препятствия, затруднения, проволочки, отказы. Тут нет разгневанной толпы и нет угрожающих жизни природных явлений.

– Ничего такого, – подтвердила Мунчайлд. – А к чему это ты?

– Не знаю. Просто я не привык так легко сдаваться. Это странно. Мне кажется, это дурной знак.

– Ну... мы об этом не узнаем, пока не побываем в следующем мире.

И я запустил йо-йо.

Выпало в девятый раз

97
Можете забрать это с собой

Сможем ли мы – я, Диггер и Мун – сохранить наши новые нейросоматические свойства в новом мире?

Это был для меня главный вопрос, когда йо-йо с глухим хлопком вернулся в мою ладонь.

Мне нравилось, что я тренированный и подтянутый. Приятная перемена по сравнению с прежним стилем кушеточно-гамбургерного толстяка! Похоже, что Мун тоже нравился груз добытого ею через тернии запаса знаний. (Я пока еще не привык к тому, что она больше не та глупая и невинная хипповая цыпка, которую я повстречал когда-то. Может быть, по-прежнему наивная во многих вопросах, но образованности теперь ей было не занимать.) К тому же мне не хотелось, чтобы Диггер снова превратился в ползунка, да и ему этого не хотелось, и потому я не стал беспокоить этой возможностью ни его, ни мать.

Но внутренне я остался прежним, потому что не желал больше выслушивать всякое эгоистичное ББББ о том, что я вечно делаю так, как *я* хочу, и то, что *я* хочу.

Но при всем при том я нисколько не сомневался, что мы заберем с собой все, что получили и чего добились. Разве вши не отправились с нами из КА-мира в вермишелину Богинь? Разве я не принес с собой все сотрясения, порезы и синяки из мира Бабочки – уж не говоря об измененном в губке Менгера расположении Дурного Пальца и внутренних органов, которое оставалось таким и во вселенной дюжников.

Однако, с другой, не защищенной странной материей стороны, некоторые радикальные местные проявления, которые нам довелось испытать, имели силу только в их родном мире. Мое ущербное мышление Отвергателя исчезло, едва я дал тягу из мира дюжников. И, что еще более важно, единственным свидетельством того, что когда-то у меня было цифровое одномерное КА-тело, функционирующее исключительно в шахматно-клеточном мире, нынче было только существование Диггера.

Поэтому по моим прикидкам вероятность перенести в новый мир-пузырь наши недавно приобретенные качества неизменными составляла семьдесят к тридцати.

Когда мы оказались там, проверить это можно было, только открыв глаза.

Что я и сделал.

Под моей рубашкой в нужных местах по-прежнему бугрились мышцы. Диггер был все тем же юнцом не от мира сего, которого я вырастил. Что же касается Мунчайлд…

– Мун, – спросил я, – можешь объяснить функции митохондрий?

– Конечно. Эти органеллы содержат свою собственную, не составляющую геном ДНК, передающуюся по материнской линии…

– Вот и замечательно. Спасибо.

Похоже, все были в порядке.

98
Привет, киска

Оказалось, что мы стоим посреди небольшой поляны в довольно густом лесу, почти джунглях. Птицы щебетали, свистели и щелкали; животные фыркали, рычали и выли, по счастью не в опасной близи от нас. Растительность была более буйная по сравнению с миром Богинь и более тропическая. Я заметил тропинку, пересекающую поляну с одной стороны до другой. Похоже, протоптали ее люди.

Но как, черт возьми, этот мир может быть таким местом, где властвуют идеи? Мое представление о подобном месте рисовало идеальные геометрические кристаллы городов, населенных большеголовыми сверхмудрецами. Возможно, такие метрополии здесь и вправду существуют, да только где-то за горизонтом. Но если так, зачем глупый йо-йо опять зашвырнул нас в сторону от центра жизни этой вермишелины? Я снова пожалел, что со мной нет больше кальвиний, ведь с их помощью можно было бы попытаться разобраться, что не так в механизме тупого артефакта, управляемого моим пальцем. Мне стало так мерзко, что я почти решил выбросить это, по всей видимости бесполезное, транспортное средство.

Что нам теперь тут делать? Идти по тропинке? В какую сторону? Или ждать, когда милостиво появится группа провожатых-аборигенов, как в мире Богинь? А может быть, лучше покинуть скорее этот континуум, пока не случилось что-нибудь непоправимое?

Пока я вот так рассуждал, Мунчайлд воскликнула:

– Пол, гляди!

Я посмотрел туда, куда указывал ее палец.

По тропинке бежало небольшое животное. Как только зверек вышел из тени густой листвы, стало видно, что это обычная трехшерстная кошка.

– Ой, какая милая! – продолжила восторгаться Мунчайлд.

И сделала шаг в сторону кисы.

– Стой! – закричал я. – Может быть, эта кошка совсем не домашняя, мы же не знаем! Может, это какое-нибудь чудовище!

Мун замерла.

– Думаешь?

– Очень может быть. Дай-ка проверю...

Я подобрал палочку и осторожно приблизился к кошке. Киса не испугалась и терпеливо меня ждала. Остановившись на

расстоянии тычка, я на пробу попытался поиграть с животным. Кошка с удовольствием включилась в игру, встала на задние лапы, охотясь за палочкой. Потом замурлыкала.

Я повернулся к Диггеру и Мун.

– Похоже, она знает людей. Может быть, стоит пойти за ней, и она отведет нас к своим хозяевам...

В этот самый момент пушистая зараза прыгнула мне на колено и глубоко прикусила.

– Оу!

Я рефлекторно сшиб негодницу, которая отлетела неведомо куда.

Мун и Диггер бросились ко мне.

– С тобой все в порядке, Пол?

– Больно немножко, но вроде нормально, – сказал я и тут же потерял сознание.

99
Кошачья лихорадка

Я очнулся. Надо мной был потолок из пальмовых листьев, подо мной – естественная подстилка, предоставленная природой. Укушенное колено пульсировало болью.

Но мне было *замечательно* .

Просто превосходно. Прекрасно, преотлично, классно, улетно, мирово. Этот был *супер* -мир! Здесь не было ничего, что мне хотелось бы подправить, ничего, что казалось неуместным. Солнце было *самым лучшим* из солнц, когда-либо производившихся на свет. Мох под моим задом казался *идеальным* мхом. Я еще не видел аборигенов, но ничуть не сомневался, что они обязательно окажутся *потрясающими* людьми, лучшими во всех отношениях.

Мне совершенно не хотелось немедленно вскакивать и куда-то идти. Лежать тут было так же хорошо, как заниматься и любым другим делом из тех, что могут прийти в голову. Я мог бы провести вечность, наблюдая за тем, как маленькая ящерка ползет через бревно...

В этот самый миг кто-то подошел. Я поднял голову. Мунчайлд.

– Мун, ты *красавица!* – объявил я: внезапно она показалась мне очень красивой.

– Ох, Пол, не нужно. Вождь дауков уже рассказал мне, что случилось.

Я не мог понять, почему Мун вроде бы расстроил мой комплимент.

– В чем дело? Тебе не нравится, когда я называю тебя красавицей?

Мой вопрос, похоже, поставил ее в тупик.

– Что ж, при других обстоятельствах я бы не возражала – но сейчас забудем. Это все равно говоришь не ты, это в тебе говорит яд Довольной Кошки!

– Яд? О чем ты, Мун? И зачем вообще разговаривать? Ложись рядом со мной – я покажу тебе замечательное зрелище!

Мун беспокойно оглянулась по сторонам.

– Какое зрелище?

– Видишь вон там маленького геккона? Разве он не прекрасен?

Мун заметила безобидную ящерку в три дюйма – и завизжала!

– Это же Иисусова ящерица! Помогите! Помогите! Кто-нибудь, на помощь, скорей!

Послышались торопливые шаги. Появился Диггер с длинным шестом в руках. За ним бежали незнакомцы, одетые в шкуры и меха.

– Отойди, мама! Я сейчас с ней справлюсь.

Диггер ткнул палкой в ящерку. Та ловко увернулась, прыгнула ему на плечо и укусила в шею.

Он рухнул, как мешок с айдахской картошкой.

Мунчайлд тоже упала, заходясь в истерике от горя.

Один из аборигенов снял ящерку с моего сына и раздавил ее ногой.

Но все это меня нисколько не беспокоило. Я был уверен, что все закончится хорошо.

А кроме того, какое отличное представление!

100
Эники-беники ели вареники

Один из аборигенов – бородатый голубоглазый мужчина – подошел ко мне и присел на корточки.

– Как дела? – спросил он.

– Просто отлично!

Мужчина обеспокоенно покачал головой.

– Плохо, очень плохо. Никогда не видел, чтобы укус Довольной Кошки действовал так сильно. Твоя подруга права. Похоже, у вас, иноземцев, совсем нет иммунитета к нашей живности. – Он поднялся. – Почему бы тебе не встать и не прогуляться со мной? Кстати, меня зовут Гру, и я несу мемы лидера. Потому я вождь дауков.

– Мои поздравления! Уверен, это отличная обязанность.

– Я стараюсь. А теперь давай поднимайся. Быть может, немного движения ослабит твои симптомы. Хотя сомневаюсь...

Я с радостью вскочил на ноги.

– Нет проблем, я готов бежать куда угодно! Покажи мне, где здесь что. Уверен, тут мило.

Гру вздохнул. Мы вышли из хижины, оставив Диггера и Мунчайлд на попечение заботливых аборигенов.

Снаружи нас ожидала картина, в которую я впился жадным взором: хижины, разбросанные вокруг большой поляны, в центре которой располагается длинный прямоугольный дом. В нескольких загонах с крепкими оградами бродят различные домашние животные.

Вокруг ходили местные – все с длинными шестами. Поначалу я думал, что они просто шатаются без дела. Но потом понял, что это патруль. Время от времени кто-то из них что-то давил своим посохом на земле – жука, ящерицу, небольшую землеройку. Вокруг деревни тянулся забор из плотно пригнанных бревен, причем охранялся он еще строже, чем внутреннее пространство, как мужчинами, так и женщинами и детьми. Всякое живое существо, которое ухитрялось проникнуть под забор или через него, загоняли в угол и убивали.

Эти непрестанные убийства потревожили мое радостное умиротворение.

– Эй, Гру, почему эти ребята убивают всякую живность, которая сделать-то даже ничего не успела?

– Эти звери несут в себе мемы и могут заразить нас ими при укусе.

– Мемы? Но мемы – это всего лишь идеи, верно? Как идеи могут навредить?

– Уж кому-кому, но не тебе об этом спрашивать. Разве ты не чувствуешь, что мемы Довольной Кошки повредили твою нервную систему?

– Повредили нервную систему? Да я никогда не чувствовал себя лучше. Всем бы так. Мир прекрасен! Ничего не нужно делать и ничего не нужно менять!

– Ты только что перечислил классические признаки лихорадки Довольной Кошки. Эта лихорадка лишает человека инициативы и одновременно возбуждает ложное чувство беззаботного оптимизма и довольства.

Мне было трудно прислушиваться к словам Гру, потому что перед моими глазами стояло роскошное зрелище – деревня на фоне леса, но я постарался быть дружелюбным и поддерживать разговор.

– И все животные в твоем мире переносят идеи, словно заразу?

– Да. Мы полагаем, так было всегда, с самого начала жизни. Люди служили приемниками для разносимых животными мемов со времен наших предков-обезьян. По сути, мудрейшие из нас считают, что человеческий разум появился в результате смешанного заражения одного из древних предков различными мемами. С тех пор люди и другие животные эволюционировали в общей среде. У животных появились новые разновидности мемов, а у человечества развились новые психические механизмы сопротивления и противодействия.

– Но как и почему среди животных изначально возникли мемы и способность их переносить и распространять? – спросил я задумчиво, стараясь разобраться, почему мне так симпатична тень дерева.

– Наверное, это всего лишь специфическая особенность выживания. Простейшие яды, выделяемые некоторыми животными, стали более сложными и сильными, а затем действие ядов стало разнообразным. Конечно, животные заражают и друг друга, не только людей. Довольная Кошка, к примеру, питается падалью. Эти кошки – мелкие существа и потому не способны убить что-то самостоятельно. Но стоит им заразить другое животное счастливым безразличием, как этого больного зверя неминуемо настигает хищник, и очень скоро Довольная Кошка может приступать к дармовому обеду.

– Ого... здорово. Вряд ли можно устроиться хитрее.

Я от души желал, чтобы Гру заткнулся. Мне сейчас хотелось следить, как тень медленно ползет по земле, в соответствии с

движением солнца. Но Гру продолжал трепаться.

– По мере того как наши обезьяноподобные предки становились все разумнее, мы, люди, постепенно теряли способность заражать мемами. Нам стало выгоднее полагаться на животных как на источник всяческих мемов, используя их как орудие или оружие...

Мне наконец удалось полностью отрешиться от болтовни Гру.

Никогда прежде я не видел таких потрясающих теней...

101
Хорошо тому живется, у кого башка пуста

Следующее, что я почувствовал, очнувшись: кто-то меня трясет. С огромной неохотой я оторвал взгляд от увлекательной игры света и тени и оглянулся.

Передо мной стояла Мунчайлд: спутанные жидкие волосы, лицо залито слезами.

– Пол, посмотри на себя! Ты обгорел на солнце.

Услышав ее слова, я действительно почувствовал, что кожа на моем лице горит от ожога. Наблюдая за тенями, я постоянно поворачивался лицом к солнцу и в результате здорово насобирал солнечных лучей на свою тыкву. Но какого черта – ощущение было *упоительное!*

Мун наклонилась, чтобы снова меня встряхнуть. Я улыбнулся, прислушиваясь к тому, как стучат от тряски мои зубы и колышутся в голове мозги.

– Пол, нам нужно уносить ноги, пока не случилось что-нибудь похуже. Ты похож черт знает на кого, и Диггер не лучше. Если что-нибудь случится со мной, мы все пропадем! А ты единственный, кто может вытащить нас отсюда. Давай, брось йо-йо! Прошу тебя.

Я взглянул на свою руку с «дурным пальцем»: в кулаке зажат йо-йо, который пронес нас через все эти вселенные. Похоже, мне больше не нужно это устройство. Здешний идеальный мир...

Настойчивый голос в моей голове пытался посеять сомнения. Однако они были ничтожны по сравнению с тем счастьем, которое я испытывал. Впрочем, не мешало проявить немного внимания к Мунчайлд, помочь ей быстрее привыкнуть к этой Утопии.

– Ты беспокоишься насчет нашего сына, верно? Чем он занимается? Он выжил после укуса ящерицы? Я уверен, что он поправится. Пойдем, взглянем на него.

Я поднялся.

– Ну вот, так ты хоть немного похож на прежнего Пола. Идем со мной.

Мы пошли по деревне. Тут мне в голову пришел еще вопрос.

– Каким образом мы оказались в этом прекрасном месте, Мун?

– После укуса Довольной Кошки ты потерял сознание, мы с Диггером понесли тебя по тропинке. Бегом, потому что животные кидались на нас со всех сторон. Вся живность словно взбесилась –

точь-в-точь бешеные собаки. Они норовили скорее цапнуть, чтобы передать свои мемы. К нашему счастью, деревня оказалась совсем недалеко. Мы постучали в ворота, и дауки впустили нас.

– Разве они не *прекрасны?* – спросил я. – Этот Гру такой умный!

Мун нахмурилась.

– Ну, в общем, нормальные люди. Не знаю, умные они или нет. Мне кажется, у них другой разум, отличающийся от нашего. И *богатый опыт* – если вспомнить историю их эволюции. Иногда мне кажется, что они – просто сосуды для идей, разносящие их повсюду. Словно лошади-вуду, несущие свою поклажу.

Я в восхищении прищелкнул языком.

– Господи, с тех пор как выучилась, Мун, ты стала потрясающе говорить.

102
Порождение Иисусовой ящерицы

Перед хижиной, где я впервые очнулся, полукругом собралась толпа. Сидя прямо в пыли, они с интересом смотрели на Диггера, стоящего в центре. Охранники с палками с прежней яростью продолжали давить по краям полукруга жуков и прочую вредную живность.

Диггер буквально сиял. Всепоглощающая сила изливалась из его КА-глаз. С длинной палкой-давилкой в руках он имел вид почти библейский. Одного этого уже было достаточно, чтобы преисполниться отцовской гордостью.

Когда мы остановились у края толпы, я увидел, что Диггер парит над землей: его подошвы и пыль разделяли три дюйма воздуха.

– Это мой сын, – объявил я во всеуслышание.

– Тсс! – шикнула на меня Мун. – Послушай, что он говорит.

– ...всю вашу собственность. Отриньте земные заботы, оставьте свои семьи и идите за мной! Этот путь Господень нелегок, но это единственный праведный путь. Если вы хотите познать истинный отдых и успокоение в следующей жизни, вы должны быть готовы смело встречать трудности, и невзгоды, и беды этой жизни. Но не бойтесь ничего, Господь защитит нас на тернистом пути...

Ко мне подошел и встал рядом Гру. И заговорил.

– Укушенный Ящерицей Мессии, или, как называет ее твоя жена, Иисусовой ящерицей, редко говорит так гладко, как твой сын, и собирает столько народу. Я и не помню, когда последний раз у нас тут завелся мессия. Это всегда интересно, вот только, боюсь, он слишком сильно отвлекает людей от их обычных занятий. Сдается мне, нам придется попросить вас троих уйти отсюда.

– Нет, вы не можете выгнать нас в джунгли! – запротестовала Мун. – Есть же способ нам помочь?..

– Что ж, посмотрим, что скажет Репл, наш шаман-укусочник, насчет того, возможно или нет вылечить вашего сына. Хотя должен вас предупредить, мемы мессии очень стойки к любому лекарству.

– Ваш укусочник? – спросила Мун. – Кто это?

– Наш здешний знаток приживления, наложения, прививания и противодействия мемам. Я бы давно отвел вас к нему, но вы чужаки, и я не уверен, что он сможет помочь вам.

Мун помолчала, потом сказала Гру:

– Давай оставим пока Диггера в покое. Сперва попытаемся вылечить Пола. Как только вылечим Пола, мы сами покинем вас.

– Гм... ну, дело в том, что с мемами Довольной Кошки справиться легче, чем с мемами Мессии... Что ж, пойдем повидаем старину Репла.

103
Хижина укусочника

Мы проследовали через всю деревню и остановились у хижины, стоящей немного в стороне от других, на отшибе. Дверной проем был закрыт свисающими нитками с бусами. Гру вежливо погремел бусами и позвал:

– Достопочтенный укусочник, мы можем войти?

– Входите, входите! – позвал изнутри высокий, скрипучий и срывающийся голос. – Только смотрите, куда ступаете! У меня куда-то уползли несколько ценнейших инъекций!

– Ступайте осторожно, – посоветовал нам Гру.

На лице Мунчайлд застыло настороженное выражение. Я никак не мог уяснить, почему. Все вокруг было *просто потрясающим!* Как здорово встретиться с новым замечательным человеком! И в какой замечательно сумрачной и сырой хижине он живет, здесь отдыхают глаза и от острых запахов приятно щиплет в носу. Полки были уставлены множеством бамбуковых клеток, в некоторых сидели пушистые веселые кролики. Кроме того, в полу было углубление, где копошился клубок прекрасных, мокрых, блестящих змей. Ах, как ловко и чудесно они извивались и скручивались вокруг себя и своих товарок. Это отчасти напоминало вздымающуюся и пузырящуюся субстанцию Моноблока...

Вдруг какая-то змейка проскользнула по полу в нескольких футах от Мунчайлд. Та взвизгнула и отскочила в сторону.

– Хи, хи, хи! – засмеялся Репл, и по звуку я сумел определить, где он сидит в полумраке.

Репл был *прекрасен!* Такого изможденного и побитого жизнью индийского факира я еще не видел. Его спутанные волосы спускались до самого пояса, руки походили на палочки, с шишками локтей и кулаков, ноги покрыты засохшей грязью.

Какие *ноги!* Внезапно мне нестерпимо захотелось упасть перед ними на колени, за совершенство и законченность их красоты.

Я бросился ничком на пол, чтобы насладиться чудесным видом этих ног с близкого расстояния.

Сколько приятных сюрпризов приготовил для меня этот мир!

– Хи, хи, хи! – снова зашелестел Репл. – Парень, нет никакой необходимости поклоняться мне – но спасибо, это приятно!

104
Улитки, ракушки и зеленые лягушки

Мунчайлд раздраженно потянула меня вверх, чтобы поставить на ноги, в то время как Гру знакомил присутствующих.

– Почтенный укусочник, разрешите представить вам наших гостей. Эта женщина по имени Мунчайлд пока не несет в себе мемов. Ее друг по имени Пол несет в себе мем Довольной Кошки. Их сын, которого мы оставили проповедовать, заражен мемом Мессии.

– Женщины нерадивы, – прошелестел Репл, – но мужчины хорошо начали, прекрасно начали! У нас давно уже не было мессии! Думаю, до забития камнями дойдет скоро! Не забудьте меня пригласить!

– Забитие камнями! – воскликнула Мунчайлд. – Никто и не думает никого забивать камнями.

– Тихо, тихо. Что за лишенная мемов гримаса природы. Вы привели ее сюда для надлежащей прививки? Так, посмотрим, тут у меня где-то завалялся отличный мем «Домашнее хозяйство, это полубожественное занятие», так что мы все быстро устроим...

Мун топнула ногой, и еще одна змейка проскользила мимо во мрак.

– Нет! Объясни ему, Гру! Мы хотим, чтобы Пола излечили от мема Довольной Кошки. Сделай его таким, каким он был.

– А *каким* , если уж на то пошло, он был? – спросил Гру.

Мунчайлд, тщательно подбирая слова, принялась описывать меня, словно какие-то сложные духи.

– Ну, э-э, он был циником. Цинизм, мне кажется, был основной составляющей. Постоянно угрюмый. Все это сдобрено нотами разочарования, растерянности и неприязни. Ах да, и сильные оттенки сарказма и неверия, эгоизма и жадности, а сверху – слой нарциссизма...

Репл почесал щетинистый подбородок.

– И такого типа ты хочешь вернуть взамен этого добродушного, всем довольного, беззаботного носителя Довольной Кошки, которого мы сейчас видим перед собой? Описанный оригинал кажется мне ужасным!

Мунчайлд взглянула на меня, словно ожидая, что я стану возражать против данной мне характеристики. Но зачем мне было возражать? Все обвинения, которые она выдвинула, были справедливы, хотя теперь по сравнению с чудесами, в изобилии окружавшими со всех сторон, ничего не значили.

– Да, он был *ужасен* . Зато любил нас… конечно, по-своему. Время от времени он, бывало, делал для кого-нибудь что-то хорошее. Он был симпатично храбрым и настойчивым иногда, почти до глупости и отчаяния. Он был мечтателем. Всегда шел к цели, несмотря на препятствия и поражения. Кроме того, он отец моего ребенка.

Репл недоверчиво покачал головой.

– Эх, женщины! Мне никогда их не понять! Даже испробовав на себе мем Богини, я так и не понял, что ими руководит… Что ж, сочетание качеств, которое ты дала, не редкость. Думаю, мне удастся быстро составить такой набор. Постойте пока в сторонке…

105
Кусайте на здоровье!

Репл удивительно грациозно поднялся со старой, прогнившей скамейки и подошел к яме со змеями. Только я один двинулся за ним. Через его плечо я наблюдал, как он безнаказанно копается среди змеек внутри ямы и рассматривает их.

– Эти шельмецы уже знают, что во мне есть все их мемы. То ли чуют, то ли видят, но откуда-то точно знают. В общем, они не станут кусать того, в ком уже есть их яд. Нет смысла тратить заряд на такую старую заразную корову, как я! Хи, хи, хи!

– Ого, мистер укусочник, вы хотите сказать, что все эти чудесные змеи вас уже кусали? Вот повезло!

– Точно, парень! Во мне сидит больше мемов, чем в любом другом дауке, и я горжусь этим. В моей голове столько безумных идей, что иногда мне кажется, она вот-вот лопнет, ведь половина их противоречит друг другу! Но это честь, которой я удостоился, экспериментируя с мемами, смешивая их на пользу всего племени. Ну, к примеру, это именно я посоветовал выстроить Стену. Ты знал об этом?

– Нет, сэр. Но для меня *большая честь* побывать здесь...

Репл выхватил из ямы одну из своих змей.

– Ага! Вот оно! Начнем с цинизма, в точности, как рассказала дамочка.

Сжав в пальцах извивающегося пятнистого гада, Репл направился к клеткам с кроликами и достал одного пушистого зверька. Потом, как гордый и одинокий знаток, которому редко удается собрать слушателей, начал читать нам лекцию.

– Эти кролики специально выращены так, что не содержат никаких собственных мемов. Уникальные животные. Они никого не кусают, и их никто еще не кусал, поэтому они представляют собой идеальную среду для смешения доз. Реторты, перегонные кубы, тигли – называйте их как хотите. К сожалению, каждый пушистик годится только для однократного использования. Слишком быстро изнашиваются, если использовать их таким образом...

С этими словами Репл поднес змею к смесительному кролику, и та немедленно его укусила. Кролик задергался от боли.

Держа смесительного кролика за шкирку, Репл отбросил первую змею в яму и принялся выискивать там новую. Продолжая при этом говорить.

– Эти змеи – тоже специально выведенный вид с особыми качествами. Они способны высасывать мемы из других типов животных и сохранять их в себе! После чего их можно использовать для своих целей. Отличные хранилища! Так, дайте-ка я погляжу, что у нас тут... Ага, ну да, конечно...

Вынимая из ямы одну змейку за другой, Репл давал им впрыскивать яд в смесительного кролика. Примерно после дюжины укусов кролик в его руке обмяк, но еще дышал, хотя жизнь в нем едва теплилась.

– Ладно, думаю, состав в самый раз. Теперь нам нужна пустая впрыскивалка.

Репл разыскал змейку, которая пряталась под плетеной корзиной на полу. Когда он поднес ее к кролику, та впилась в него зубами и стала производить судорожные сосущие движения. Спустя некоторое время Репл оторвал от кролика насытившуюся змейку.

– Ну вот, она теперь заряжена. Сними-ка штаны, парень. От укуса может немного закружиться голова, но так надолго, как от укуса дикого зверя, ты не вырубишься. Это благодаря моему несравненному таланту, хи, хи, хи!

– Класс, вот *здорово!* – сказал я, лучезарно улыбаясь, спуская штаны, наклоняясь и подставляя зад.

Зубы змеи вонзились в меня, как раскаленные иглы.

106
Слишком много мемов – каша в голове

Все мои мышцы свело судорогой, и я рванулся вперед, лицом прямо в грязь на полу хижины. Мог бы поклясться, что при этом появился и закружился около моей головы нимб из комет, маленьких звездочек, астероидов, восклицательных знаков, смерчей и щебечущих птичек. Мунчайлд ахнула и бросилась ко мне, но Репл и Гру удержали ее.

– Нет, нет, дорогая, с ним все будет в порядке! Нужно немножко подождать, пусть он усвоит мемы и успокоится!

Некоторое время мои мозги напоминали игральный автомат пачинко, в котором маленькие металлические шарики с треском носятся и ударяются о катапульты и лестнички из нейронов. Наконец я пришел в себя и смог самостоятельно подняться на ноги.

Заметив, что штаны у меня все еще спущены до колен, я, ни слова не говоря, принялся подтягивать брюки.

– Пол? – спросила с тревогой Мунчайлд. – Ты... с тобой все в порядке?

Я ожег ведьму яростным взглядом.

– А тебе это понравилось, верно? Признайся. Давай, не стесняйся, скажи всю правду. Ты ненавидишь меня и только и ждешь удобного случая, чтобы достать.

– Нет, Пол! Конечно, нет! Я никогда не испытывала к тебе ненависти! Совсем нет! Я просто пыталась помочь тебе...

Я повернулся к паре аборигенов.

– А вы, садисты! Зачем вы это устроили? Она, что, пообещала тебе разок перепихнуться в благодарность за мое унижение? Или, может, она вам обоим обещала?

Репл задумчиво взял в горсть подбородок.

– Нет, нам не удалось заключить такой договор. Но теперь, когда ты об этом сказал, я вижу, что с моей стороны это был непростительный недосмотр...

Мунчайлд положила мне руку на плечо, но я стряхнул ее.

– Не дотрагивайся до меня!

– Пол, пожалуйста! Подумай, что ты говоришь! Сказать по правде, мне безразлично, какими ты считаешь мои мотивы – но нам необходимо как можно скорее покинуть этот мир! Давай, бросай свой йо-йо, сейчас же! Прошу тебя!

Я прищурил глаза, так что они превратились в щелки.

– Значит, ты *хочешь* , чтобы я это сделал? И угодил в твою

ловушку! Скажи, ты за дурака меня держишь?

Мун обернулась к Реплу.

– Что еще вы добавили в смесь, кроме цинизма?

– Что ж, дайте вспомнить. Большинство мемов, которые ты упомянула. Плюс чуть-чуть паранойи, ну, только для букета. Мне казалось, для общей гармонии это необходимо...

– Ох, нет! Можете вы нейтрализовать паранойю? Послушайте, мне жизненно необходимо, чтобы он слушался голоса рассудка и отличал друзей от врагов.

Репл надул щеки и выпустил воздух.

– Что ж, хорошо. Тогда придется приготовить новую смесь. «Бритва Оккама» обычно хорошо помогает от паранойи. Немного эмпатии тоже не помешает...

Мун прищелкнула пальцами, словно вспомнила что-то важное.

– И добавьте капельку ностальгии. Мне кажется, Пол тосковал по своей молодости. Сказать по правде, из-за этого мы впервые и встретились.

– Уверен, это было очень трогательно, – сухо сказал Репл, перебирая пальцами змей.

107
Кричащие мемы

Второй смесительный кролик, после того как змея высосала из него все содержимое, повис в руке укусочника, словно пустой воздушный шарик. Репл двинулся ко мне с новой инъекцией.

– Эй, ну-ка постой, палач! Ты всерьез считаешь, что я позволю этой твоей гадине укусить меня? Эта змейка... она наверняка смертельно ядовита!

Я попятился, отступая к завешанной бусами двери.

Но Мун и Гру преградили мне путь.

– Хватай его! – выкрикнула Мун.

Я пытался увернуться и бросился в сторону, но они поймали меня!

– Предательница! Инквизиторы! Убийцы! Помогите! Убивают! Спасите меня от палачей!

– Ох, заткнись, Пол, – устало сказала Мун. – Репл, колите его, прошу вас!

Второй укус пронзил мой исколотый зад, и я судорожно черпанул ртом грязь.

Пока я лежал там, а в моих мозгах гремели и звонили сумасшедшие кассовые аппараты, игральные автоматы, счеты и вертящиеся табло, в моих ушах начало звучать нарастающее улюлюканье. Поначалу я решил, что это тоже последствия укола. Но, как оказалось, остальные тоже его заметили.

– Что это? – спросила Мун.

– О, вполне обычная вещь, – ответил Гру. – Мессия сказал что-то, что расстроило толпу, и теперь они гонят его на муки. Это случается всякий раз.

– О нет! Диггер, Диггер, мамочка спасет тебя!

Мун бросилась на улицу. Я слышал, как Репл сказал:

– Быстрей, а то пропустим самое веселье!

И вместе с Гру выскочил вон.

108
Любовь кусается

Вскоре после укуса я снова обрел способность двигаться. Поднялся – опять с трудом и болью – с земли и застегнул штаны. Потом двинул на улицу за остальными.

Чувствовал ли я себя «нормально»? Мог ли я заявить это с уверенностью?

Мир вокруг не выглядел мрачным, но и не сверкал, не был ни веселым, ни угрожающим. Я не имел ненависти к Мунчайлд и не таил подозрений, что она строила мне козни. И по поводу того, что она сейчас мне устроила, тоже не слишком переживал. Потому что понимал: другого выхода у нее не было. Но то, что по ее милости я остался валяться на грязном полу, когда Диггеру грозила смертельная опасность, тоже никуда не годилось.

В общем и целом, мне показалось, что я стал таким же, как раньше.

За исключением одного настойчивого чувства. Чувства, которое возникало у меня и раньше, но никогда не было таким сильным.

Это было всепоглощающее чувство, с которым я собирался разобраться, как только узнаю, что случилось с Мун и Диггером.

У хижины, где недавно проповедовал Диггер, теперь собралась толпа – похоже, все население деревни, – и люди вели себя донельзя шумно и настроены были решительно. Вездесущие шесты теперь были направлены вперед, к центру толпы, где, как я догадывался, находился Диггер. Мун с краю толпы слабо пыталась пробиться за преграду из спин аборигенов, да все никак.

Я подошел к ней и тронул за плечо. Она обернулась.

– Пол, помоги! Они убивают его! Нашего сына!

– Мун, так до Диггера никогда не добраться. Но это неважно.

– Неважно? Да ты что, спятил!

– Мун, погляди на частокол.

Она оглянулась и увидела то, что заметил я по дороге от хижины Репла.

Возбужденная толпа бросила защиту укрепления, и теперь через ограждение лезла живность всех мастей, жадно спеша добраться до ничего не замечающих людей. По деревне уже кралась, ползла и прыгала первая волна зверья.

Обновленный интеллект Мун дал ей возможность реагировать на удивление быстро.

– Дауки, дауки! Нападение, нападение! Защищайте ваши

дома!

Это должно было их отвлечь. Наверняка мем защиты дома был в них одним из сильнейших. Не успел я и глазом моргнуть, как толпа уже бросилась навстречу вторжению, чтобы дать отпор.

Я же поспешил к сыну, который лежал на земле с закрытыми глазами.

Мунчайлд подняла голову Диггера и положила ее себе на колени.

– Диггер, Диггер, скажи хоть слово!

Диггер открыл меркнущие глаза.

– Это была моя первая проповедь, мам. В другой раз я постараюсь говорить лучше...

Я ощупал тело сына и бросил Мунчайлд:

– Похоже, он отделался только синяками и ушибами. Ничего не сломано, насколько я могу видеть. Как ты себя чувствуешь, сынок?

Со стоном садясь, Диггер ответил:

– Господь поможет мне и полностью исцелит.

– Ох, черт, я и забыла, чем он заразился, – вздохнула Мунчайлд.

Вскоре мы все трое стояли, и я сказал:

– Я собираюсь перенести нас отсюда в другое место.

– Куда? – спросила Мун.

– Увидите, – таинственно ответил я.

– Я готов нести слово Господа где угодно, – жизнерадостно поддержал меня Диггер.

Не успел я развернуть свой космический коврик путешественника, как ко мне направился Гру. Я помедлил, чтобы услышать, что он скажет.

– Теперь ты видишь, почему мы не можем оставить тут мессию. Если мы после этого выживем, то, считай, нам крупно повезло. Теперь несколько дней придется вычищать деревню от лесной живности. Пойми, я не держу на вас зла, но если вы исчезнете, я буду рад.

– Что ж, мы отбываем... – ответил я.

Мунчайлд пронзительно закричала!

Мелькнул посох Гру, сбивший с колена Мунчайлд здоровенную жабу и тут же припечатавший гадину к земле. Мун рухнула на землю, потеряв сознание от своей первой инъекции.

Вождь дауков наклонился, чтобы рассмотреть убитую тварь. Подняв голову, он сообщил нам:

– «Рогатая жаба».

Выпало в десятый раз

109
Куда нас доставил йо-йо

Чудно́, что порой начинаешь чувствовать, будто все у тебя вышло *отлично* . Иногда тобой вдруг овладевает такая вот абсолютная, инстинктивная убежденность. Но обычно бывает неоспоримое давящее чувство, что все бесповоротно и совершенным образом *изгажено* . Вот я, например, точно помню, что множество раз в своей жизни испытывал подобное ощущение. По сути, именно депрессия отправила меня в путешествие. Но иногда, раз в великую бесконечность, может быть, лишь раз за целую жизнь, когда тебе необычайно везет или на тебя нисходит благодать, вдруг испытываешь противоположное чувство: убежденность, ты все сделал правильно, что вселенная и Бог на твоей стороне и ничто уже не способно помешать тебе достигнуть цели, а напротив, все живое и неживое станет подталкивать тебя к твоей мечте.

Едва я материализовался в этом новом мире, как у меня появилось именно такое чувство.

От подошв ног до кончиков волос меня пронизывала уверенность, что этот перелет принес меня к единственному из бесконечного множества месту назначения, которое полностью отвечает моим вожделениям. Наконец-то йо-йо выполнил мои требования и не облажался.

Я намеренно старался пока не смотреть по сторонам, смакуя этот редкостный триумф. Взамен сосредоточил внимание на Мунчайлд и Диггере.

Мун лежала спокойно и неподвижно, определенно еще не придя в сознание после укуса «рогатой жабы». Теперь, когда сестра милосердия и раненый поменялись ролями, Диггер сидел на земле и держал голову матери на коленях.

– Ты позаботишься о ней, сынок?

– Конечно, папа. Ведь зачем мы здесь, как не для того, чтобы принести успокоение и мир суетным душам?

Тон и слова Диггера послужили доказательством тому, что я уже заметил по его поведению: мемы мира дауков по-прежнему плавали в нашей крови и не испарились в миг прибытия ввиду несоответствия параметрам новой вселенной. (Я подумал, а не выудил ли йо-йо желание оставить нам мемы из глубины моего подсознания, где оно оформилось в молчаливое намерение...)

– Что ж, хорошо. Но если последствия укуса «рогатой жабы», прозванной также Жабой Потенции, такие, как я догадываюсь,

она, когда очнется, будет та еще штучка. Надеюсь, ты сумеешь с ней совладать, пока я немного прогуляюсь?

– В любых условиях я буду действовать по совести, – ответствовал Диггер.

– Отлично. Это то, что нужно, – сказал я, усилием воли заставляя себя забыть на время про Диггера и Мун. И поднял голову, чтобы осмотреть новую местность.

Я стоял рядом с огромным сценическим задником: невероятной длины экран без единого шва и морщины тянулся футов на сто вправо и влево насколько хватал глаз. Натянутый на крепкую раму, экран трещал под порывами ветра.

Недалеко возле меня на подмостке прямо в грубом холсте экрана была устроена дверь, наверняка так, что вписывалась в нарисованную на другой стороне картину.

– Смотри, Диггер, хорошо заботься о мамочке. Увидимся позже. Наверно.

Я поднялся на подмосток и огляделся.

Судя по петлям, дверь должна была открываться в ту сторону.

Я схватил ручку, повернул, толкнул дверь от себя и вышел с другой стороны, оставив помещение за сценой позади.

110
Бум! Бум! Бумгород!

С другой стороны все было черно-белым.

Не только переходы тона на разрисованном экране, но и кожа людей, и оттенок неба, и поверхность земли – все было окрашено в миллиарды оттенков серого. Это проистекало не от окраски, или грима, или теней, или фильтрованного света. Недостаток цвета казался природной неотъемлемой частью этого нового мира (или, может быть, это виновата ограниченность здесь моего зрительного восприятия?), по крайней мере по сю сторону экрана. А кроме того, откуда-то появилось зерно. Все словно бы было невысокого разрешения, мерцало и время от времени искажалось проплывающими или прыгающими волнами помех.

Я взглянул на свою руку и узнал, что и я стал черно-белым существом.

Но меня это вполне устраивало.

Потому что теперь я наконец-то был дома.

Из чистого любопытства я оглянулся назад, на расписанный фасад-экран, из которого вышел.

Там была изображена сцена из жизни Дикого Запада: лавочки и салуны, нарисованные коновязи и деревянные тротуары. Вышел я из двери в «Факторию», по сторонам от которой в окнах лежали нарисованные товары.

Трехмерная улица в серой монохромной пыли имела около двадцати футов в ширину. Противоположную сторону этого узкого канала образовывал второй разрисованный экран, где были нарисованы другие лавочки и бары.

Неподалеку от меня улица оказалась почти перегорожена, и там было много людей. Они сидели на примитивных деревянных скамейках, разделенных проходом, стоящих прямо посреди улицы. Перед скамейками находился старомодный домашний экран, установленный на металлической треноге. Проход между скамьями оставлял достаточно места, чтобы в экран беспрепятственно бил луч восьмимиллиметрового киноаппарата.

Внезапно я заметил, что на скамьях сидят только дети. Подростки в джинсах на фланелевой подкладке и енотовых шапках, в домотканых полосатых платьицах и гольфах. Странно, но когда я первый раз на них взглянул, они показались мне моими ровесниками. Погодите-ка минутку, они и есть мои ровесники! Что это мне вдруг *подумалось?* ..

Среди ребят сидело двое взрослых. Они заметили меня, и

один направился ко мне.

Это был высокий, поджарый, чисто выбритый ковбой с болтающимися на бедрах одинаковыми шестизарядниками, с платком, небрежно повязанным на шее. На лице у него сияла широкая, знакомо-гостеприимная улыбка. Подойдя ко мне, он протянул руку и сказал:

– Добро пожаловать в Бумгород, партнер! Ты как раз вовремя. Мы тут наладили кинопроектор, чтобы показать мультики с кричалками-вопилками. Топай к нам и присядь посмотреть...

Я с благоговением встряхнул ему руку.

– Рекс. Рекс Трейлер. Это ведь правда вы? А это и вправду Бумгород? Ого!

К нам уже шел второй мужчина. Этот был типичный мексиканец: бандитская рожа, серапе, обвисшие усы.

– Панчо, – спросил Рекс, – что ты приготовил для нашего нового друга?

– Рекс, если он хочет, думаю, могу дать эти пистолеты.

Панчо протянул мне свой ремень с патронташем и парой кольтов в кобурах. Я взял подарок и подпоясался. И едва не расплакался от радости.

Рекс дружески похлопал меня по плечу.

– Будет, партнер, нет причин лить воду. У нас тут планируется стрельба по мишеням, мустанги для объездки, вальс с медведями, короче, в нашем балагане развлекаются на всю катушку и на все сто процентов. Так зачем плакать? Незачем.

Я вытер глаза.

– Да, сэр. Думаю, незачем...

– Отлично! Тогда потопали, познакомишься с твоими новыми приятелями!

Мы потопали к лавкам, и едва я уселся, во всей вселенной погас свет и кинопроектор заработал.

И все мы принялись кричать и вопить, словно одержимые.

111
Мультикус Прерывикус

Не могу сказать, долго ли крутился кинопроектор. Возможно, недолгую вечность, потому что мы были в еще большей степени оторваны от хода времени, чем даже в Моноблоке. Знаю только, что посмотрел – с визгами и дрожью восторга, которая прокатывалась по плечам, моим и остальных детишек, – следующие картины:

Шесть «Попаев».

Пять «Котов Феликсов».

Пятьдесят «Трех марионеток».

Пятнадцать «Лаурел и Хардис».

Пару дюжин «Маленьких мошенников».

Двенадцать «Веселых мелодий».

Восемь «Томов и Джерри».

Тридцать два «Роки и Булвинкля».

По месячному выпуску пяти других захватывающих сериалов.

Я в истерике раскачивался на скамейке, обливаясь потом. Бока у меня болели, словно высекли ремнем, – так я смеялся. Ноги болели оттого, что я ими постоянно топотал, а ладони горели от хлопанья. Горло же саднило так, словно в нем прошлись металлической щеткой.

И когда между одной серией и другой экран гас, мы, все ребята, на секунду замирали.

И вдруг кто-то выкрикнул мое имя.

– Пол! Пол! Где ты, черт возьми?

Зажегся свет (что и где служило солнцем в этом континууме? – промелькнула у меня мысль), и Рекс Трейлер встал перед экраном.

– Похоже, к нам затесался крикливый койот, мальчишки и девчонки, из-за чего шоу приостановлено. Кто-нибудь признается, что это из-за него? Мы сможем избавиться от беспокойства и продолжить веселье.

Хруст гравия заставил всех обернуться.

К нам шли Диггер и Мунчайлд.

Я поднял руку, и Рекс улыбнулся мне.

– Гм, Рекс, это вроде как мои друзья...

– Что ж, партнер, топай и переговори с ними, пусть закроют рты на замок и проглотят языки.

Я поднялся с места и, сгорая от стыда, отправился навстречу Диггеру и Мунчайлд.

Увидев меня, Мунчайлд стрелой бросилась навстречу. Она схватила меня, обвилась вокруг, принялась обнимать, тискать и покрывать мое лицо слюнявыми поцелуями. Потрясенный, я почти не чувствовал, как ее руки тискают мою задницу, а ее «там внизу» прижимается к моему.

– Ох, Пол, я так рада, что с тобой все в порядке! Я так волновалась, скучала по тебе, ты был мне *нужен!*

Я отстранился от нее и вытер лицо.

– Тьфу! Брр! Что за черт? Что с тобой стряслось, Мун? Ты что, не видишь, что мы тут заняты?

Она изумленно оглянулась по сторонам.

– Заняты? И дело не может подождать? Нам нужно найти местечко, где мы сможем остаться *наедине* , Пол!

Мун медленно водила пальцами вверх и вниз по пуговицам моей рубашки.

– Я ведь уже *готова* , понимаешь? Разве это не здорово? Мы отлично проведем время, *стрелок* , с этой твоей шестизарядной штуковиной, если ты понимаешь, о чем я...

Я в растерянности отступил назад.

– Нет, не понимаю. О чем ты? Ты не могла бы оставить меня в покое? Я хочу еще мультики посмотреть...

Наконец вмешался Рекс.

– Нужна помощь, сынок?

Мунчайлд смерила взглядом мужественную фигуру Рекса. Потом шагнула к нему и положила обе руки на его рубашку.

– Отполировать вам значок, шериф?

112
Звездный час Пола

Пока Мунчайлд соблазняла Рекса, я воспользовался передышкой и улизнул от них обоих, протиснулся сквозь толпу ребятишек, а оказавшись отделен ими, наддал ходу вдоль широкой улицы, окаймленной разрисованными холстами.

Вонючка Мун все разрушила! Она и ее чертовы отравленные мемы! Почему она не оставила нас в покое в мире моего детства, зачем все испортила? Вот поэтому я жаждал убраться от нее как можно дальше. И плевать я хотел, если никогда больше не увижу ее.

Я припустился трусцой по улице. Ох, если бы на мне были мои кеды «PF Flyers» вместо этих чудных пластиковых кроссовок, я бы развил скорость! Но даже в этих колодках я очень быстро покинул Бумгород. На окраине рисунок на холстах закончился, холсты стали девственно белыми, словно обозначая границу реальности. В этой пустынной стране не было ни людей, ни построек. Но где-то впереди я что-то увидел...

На земле под ногами появились опилки. Очень скоро опилки уже покрывали всю землю. На стенах появились другие картины: клетки с нарисованными львами, высоко над головой гимнасты на трапециях, голые по пояс наездники и будки с игровыми автоматами. Я шел, уже предчувствуя, что сейчас куда-то попаду.

Впереди я увидел на дороге несколько цирковых куполов и низкие загородки, на которых сидят толпы детворы. Крики восторга и радости, долетавшие оттуда, подзадорили меня. Наверно, я еще успею посмотреть представление!

Запыхавшись и отдуваясь, я пробрался через толпу детей и затормозил в пыли посреди циркового манежа. Я уперся руками в колени и попытался отдышаться. А когда наконец поднял взгляд, то увидел перед собой *его* .

– Бозо! – радостно воскликнул я. – Клоун Бозо!

113
Нос знает

Бозо рассмеялся своим безумным смехом.

– Хик-хик-хик! Я – единственный и неповторимый! Готов поспорить на свои широкие штаны, что это я самый и есть!

– Ох, Бозо, я всегда знал, что ты единственный и неповторимый...

Бозо наморщил нос.

– Чую, не врешь. Пол, ведь ты хороший мальчик! Почему бы тебе не пойти и не сесть с остальными, чтобы мы могли начать представление?

Я направился к широкой загородке и нашел там себе свободное местечко, но сидеть пришлось так низко, что коленки у меня задрались почти к ушам. Будь я прежним старым упитанным Полом, то чувствовал бы себя неловко. Но тренировки в мире Шелдрейка прибавили мне гибкости, и я воспринимал все спокойно.

И веселье началось!

Труба заиграла мотив, под который могла бы крутиться взбесившаяся карусель. Несколько красивых девушек в блестящих брючках в обтяжку выкатили тележку, на которой была установлена машина, полосатая, как леденцовые фантики. Девушки раздали всем детям по большому липкому конусу сахарной ваты. Я пожалел, что в этом мире нет красок, иначе смог бы любоваться тем, какая она розовая. Потом появилось множество лилипутов. Они несли лотки, висящие у них на шеях, а на этих лотах лежали яблочные леденцы, с палочками, торчащими кверху, с плоскими макушками, утопленными в карамельной патоке. Потом вышли клоуны (само собой, подручные великого Бозо, блистающего в парике с торчащими волосами в милю длиной, в огромных башмаках и гриме как у сумасшедшего). Они тащили шаткие башни коробок «Крекеров Джека»! Ловко, действуя одновременно, клоуны-слуги ухитрились раздать свои бесчисленные коробки, и каждому ребенку досталась отдельная порция.

Сжав сладкую вату в одной руке, засунув леденец в рот, я вскрыл свою коробку с крекерами. Внутри обнаружился приз – книжка-раскладушка. Засунув фунтик с сахарной ватой под мышку, я стал переворачивать страницы книги. Там на фоне звездного неба великан прыгал с планеты на планету, словно это были камни, уложенные через реку. Класс!

Мордочки у всех детей, включая и меня, уже были перемазаны. Мы бросались друг в друга «Крекерами Джека», а музыка совсем обезумела! Когда веселье готово было перейти все границы, Бозо махнул рукой, и музыка смолкла.

– Всем весело? – спросил он.

Мы без слов орали в ответ, пока не заболело горло.

– Отлично! Теперь проведем маленький конкурс, а победителю достанется приз. Кто хочет участвовать?

Все до единой липкие ручонки взлетели вверх – и моя тоже. Бозо начал выбирать участников.

– Ты, вот ты и ты...

Меня выбрали. Меня выбрали! Симпатичные цирковые дамы забрали у меня мое угощение и выдали влажную салфетку, чтобы я утерся. Я торопливо привел себя в порядок и метнулся на середину арены.

Как раз прикатили игровую будку. Вперед были нацелены четыре игрушечных ружья. Внутри находились барельефные лица клоунов с открытыми ртами. Со лба у каждого из них свисал сдутый воздушный шарик.

– Итак, ребята! Вы знаете, что делать! Занимайте места!

Я присел на корточки рядом с ружьем (другие остались стоять) и пригляделся ко рту своего клоуна. Веснушчатый мальчишка рядом всадил локоть мне в бок. Я показал ему язык и сосредоточился на цели.

– Цельсь, готовься – пли!

Из дул брызнула вода, и шарики начали наполняться.

Я выигрывал, выигрывал!

Потом кто-то дал мне пинка под зад! Дернул за штаны вверх, и те врезались мне в пах! Струя из моего ружья ушла в сторону, и шарик того мальчишки, который пихнул меня до начала соревнования, внезапно стал больше других!

Ох! Я страшно разозлился! Мне захотелось плакать и одновременно двинуть кого-нибудь. Я обернулся, чтобы увидеть своего мучителя.

Это была гнилая старуха Мунчайлд!

114
Бравурная музыка из ореховой галереи

– Исуси-мисуси, Муни! Ты что, сдурела! – заорал я. – Видишь, из-за тебя я проиграл!

Бозо уже вручал приз победителю: сверкающий велосипед Рэйли, с пластиковыми висюльками, болтающимися на ручках, с механическим звонком и фонарем на батарейках.

Мунчайлд облизнула губы, словно они у нее потрескались.

– Ох, мне ужасно жаль, Пол. Позволь, я все исправлю...

После чего засунула руку мне в штаны и принялась щупать в моих трусах!

– Катись отсюда ко всем чертям!

Я вывернулся от нее, покраснев до корней волос.

– На нас же смотрят, ради бога...

– Пусть смотрят, – ответила Мунчайлд. – От этого только *слаще*...

Я попытался урезонить ее:

– Послушай, Мун, я всегда считал, что ты ученая девушка, типа мистера Пибоди. Почему бы тебе не присесть где-нибудь в уголке с карандашом и бумагой и не заняться геометрией... ну или чем-нибудь еще?

Мун принялась обеими руками поглаживать мой накачанный бицепс.

– Если у тебя есть карандаш, мой милый, то у меня есть точилка...

Я стряхнул ее руки. Потом что-то привлекло мое внимание. Это был наш сын, Диггер. За то короткое время, что минуло с тех пор, как мы покинули мир Шелдрейка, у него отросли волосы и закурчавилась борода. Он стал здорово похож на Иисуса Уоррена Столлмана. А тот факт, что он проповедовал детям, которые окружили его и таскали за одежду, только прибавлял ему иконописности.

Теперь и Бозо заметил, что конкурент пытается выбить его шоу из намеченной колеи. Он рявкнул на Диггера:

– Эй, приятель, что за дела? То, что ты увидел балаган под навесом, совсем не означает, что надо немедленно спасать находящиеся в нем души!

Мунчайлд разрывалась между скандалом с Диггером и желанием приставать ко мне. В конце концов порыв встать на защиту сына победил. Она подошла к Бозо и наступила на его огромный башмак, так что тому пришлось обратить на нее

внимание.

– Эх, мистер Клоун! Я так хотела с вами познакомиться! Мне всегда казалось, что мужчины с лысинами из резиновых шапочек – самые сексуальные!

– Эй, сестричка, отцепись...

Святые угодники! Парень с тем же успехом мог попробовать перестать невинно шутить на арене.

Я бросился прочь.

Когда шапито скрылся из виду, я остановился и с опаской присел возле пустой холщовой стены. Потом закрыл глаза и попытался прикинуть, куда отправиться дальше.

– Что случилось, Пол? Тебя все достало?

Я открыл глаза. Это был Худи-Дуди. Он был один, ковбоя Боба рядом не было.

Ниточки Худи, как я успел заметить, уходили вверх, вверх, далеко вверх, куда-то прямо к вершине холщового экрана.

– Что ж, Худи, в общем – да...

– Может быть, веселая песенка развеет твою печаль? Мне это всегда помогало!

– Хорошо, давай попробуем...

Глаза Худи закрылись, и он поднял руку к подбородку, видимо что-то обдумывая. Потом сказал:

– Как насчет вот этой мелодии? – Марионетка стала напевать себе под нос что-то знакомое. – Это одна из моих любимых песен!

– Тогда, может, споешь?

Худи пискливо засмеялся.

– Господи, конечно, нет! Тут для этого есть профессионалы. Эй, маэстро!

На другой стороне улицы часть холста поднялась, открыв зал, огражденный другими холстами. Там сидел в полном составе целый оркестр, а на месте дирижера стоял сам Лоуренс Велк.

– И-раз, и-два, и-три!

Оркестр заиграл. Я немедленно узнал мелодию: «Когда мечтаешь, глядя на звезды», тема Джонни Крикера.

И тут на сцену довольно симпатично вышли сестры Леннон: Кети, Пегги, Диди и Джанет. И запели:

– Когда мечтаешь, глядя на звезды, то неважно, кто ты...

Я обнаружил, что подпеваю. Настроение у меня начало подниматься. Очень скоро я поднялся и стал танцевать вальс вместе с сестрами Леннон. Худи деревянно прыгал рядом, хотя и не мог отойти от стены, где его удерживали ниточки. Мистер Велк дирижировал оркестром и после того, как песня закончилась, чтобы мы могли еще потанцевать, и мы танцевали до тех пор, пока не устали.

Когда песня наконец смолкла, я был готов двигаться дальше.
– Спасибо вам! Спасибо вам всем! – крикнул я.
– Не за что, мой мальчик.

115
В центре внимания

Я услышал музыку раньше, чем увидел клуб.

– Я-май-ка, и-и-ди ко мне, ско-о-о-рей ко мне!

Я бросился бежать. Это был мой самый лучший день!

Мушкетеры как раз закончили исполнение этой песни, когда я прибыл. Они с улыбкой смотрели в мою сторону, словно только меня и ждали. Я заволновался и замедлил ход.

– Эй, Пол, скорей! – подбодрил Бобби. – Мы тут столько всего для тебя задумали!

Я застенчиво подошел. Бобби выхватил из-за спины – что бы вы думали! – пару мышиных ушей! Он надел их мне на голову, и вся моя неуверенность испарилась.

– Пол, хочу познакомить тебя кое с кем особенным! На сегодня она будет твоей подругой.

Из группы мушкетеров вышла Аннет. Ее улыбка была самым жизнерадостным из всего, что я за сегодня видел. Ее свитер вздымался скромно, но заманчиво, как раз так, как я помнил.

– Аннет. Это и вправду Аннет! Исусе! Господи, вот уж никогда не думал, что доведется встретиться с тобой! У меня дома на стене висит твоя фотография...

– Как мило, Пол. Может быть, когда-нибудь я подпишу это фото. Ты бы хотел этого?

– Хотел бы я *этого?* Да елки-палки, а кто бы этого не хотел?

Аннет протянула мне руку, и я взялся за нее.

– Я уверена, что тебе нравятся комиксы, Пол.

– Точно!

– Что ж, тут у меня целая куча свежих комиксов, а также тарелка с печеньем и молоко. Может, пойдем, посидим и посмотрим комиксы?

– Веди скорей!

Аннет отвела меня к большой софе с густо-ворсистым покрывалом. Мы сбросили обувь и растянулись на ложе – не слишком близко друг к другу, как обычно делали с Мунчайлд. Аннет оказалась отличной девчонкой! Я засунул в рот штук шесть печений «Орео» и открыл последний номер «Детективных комиксов».

– «Два лица» и «Загадочник»! Класс!

Господи, о Господи, вот счастье-то!

116
Быстрее, Бетти и Вероника! Убей! Убей!

Какой-то шум заставил меня оторваться от просмотра сотого комикса в тот момент, когда Арчи и его команда прибыли в Вашингтон, округ Колумбия, вместе с Пустоголовым, и четыре волосины мистера Злопчела встали дыбом от досады.

Это был Диггер в окружении смеющихся мушкетеров. Они смотрели, как он, вместо того чтобы, как обычно, изображать Христа, изображал Гуфи: выбрасывал колени и локти в стороны и дергал телом вперед-назад, издавая невнятные звуки, перемежающиеся с призывами о помощи.

В образовавшийся на мгновение прогал в толпе я увидел, что кто-то нацепил на ноги моему сыну роликовые коньки. Катание на роликах было одним из тех немногих искусств, которым я не научил Диггера через посредство морфогенного поля. Тем не менее меня слегка раздосадовало то, что мой превосходный в физическом смысле потомок не получил от меня достаточно навыков и ловкости, чтобы самостоятельно справиться с этим новым для него упражнением. Про себя я подумал, что, сколько ни учи своего отпрыска уму-разуму, все равно найдется то, чему ему придется учиться самостоятельно.

Или, может, раз неумеха, неумеха навсегда?

Я принялся неохотно подниматься с софы, когда крик Аннет заставил меня замереть.

Она держалась за щеку, на которой уже налилось яркое серое пятно. Рядом стояла Мунчайлд и с яростным лицом разминала кулак.

– Будешь знать, как уводить у меня мужика, плоская сучка! Уж я-то знаю все твои штучки, насмотрелась твоих пляжных фильмов!

– Я… я понятия не имею, о чем вы, – всхлипывала Аннет. – Мы просто присели посмотреть комиксы и выпить молока с печеньем…

– Послушай, дорогуша… единственное печеньице, какое он может съесть, – мое!

Аннет попятилась.

– Вы… вы – сумасшедшая!

– Правда? Тогда мне ничего не стоит выпотрошить твое надутое бикини, детка!

Мунчайлд бросилась через софу и повалила Аннет на землю.

По правде говоря, они были в одной весовой категории и

почти одинакового размера.

Но Мунчайлд умела драться *грязно* .

Поэтому я поспешил дать тягу, пока мог.

117
На коленях

– Господи, молодой человек! Вам нужна помощь?

Должно быть, я в конце концов уснул прямо посреди бесконечной дороги. С самого мира дауков я не отдыхал. Печенье и сахарную вату вряд ли можно было назвать обедом. Внезапно я почувствовал, что жизнь сузилась до бесконечного бегства. Все, чего я хотел, это найти укромное местечко, где можно было бы посидеть и отдохнуть. Может быть, этот человек отведет меня туда. Лицо его казалось мне знакомым...

– Кто вы? – спросил я.

– Должно быть, ты еще не проснулся, иначе бы сразу узнал мистера Грина Джинса!

Я вскочил на ноги.

– Мистер Грин Джинс! Ну конечно, я узнал вас! Просто я привык, что вы все время стоите возле Капитана...

– Знай – сам Кэп рядом, вон за той дверью, дожидается тебя...

– Так пойдемте к нему!

Меньше чем через секунду мы уже были у Капитана.

В своем кителе с огромными карманами, подстриженный «под горшок» усатый Капитан Кенгуру добродушием и весельем напоминал Санту. А поскольку я оказался здесь единственным ребенком, то получил все его внимание и солнечный свет любви.

– Привет, Пол! Мы тут как раз дожидаемся тебя, чтобы почитать книгу этого дня! Напольные Часы сказал, что мы ждем тебя уже без пяти минут вечность. Разве мы не ждем его, мистер Лось?

– Конечно, ждем, Капитан!

– Ну что ж, – продолжил Капитан, – даже Кролик Банни, и тот вел себя хорошо, так ему хотелось, чтобы ты скорей пришел.

До сих пор молчавший Кролик Банни отчаянно закивал.

– Он вел себя так хорошо, что, пожалуй, заслужил морковку...

Не успел Капитан это сказать, откуда-то сверху спустился ящик, открылся и осыпал его тысячью пинг-понговых шариков. От смеха я свалился на землю.

Капитан расстроился.

– Что ж, этого следовало ожидать... Ну хватит уже, Пол. Давай, забирайся мне на колени, и почитаем книжку.

Я быстро забрался на гостеприимные колени Капитана. Он открыл книжку с картинками, в твердой обложке. Хотя слова разобрать я не смог, картинки показались мне знакомыми.

– Это «Дайте дорогу утенку»!
– Точно, молодой человек! Итак, начнем...

118
Воробушком – быть или не быть?

Мы прочитали эту книжку раз, наверное, двенадцать. А я все никак не мог наслушаться. Ох уж эти капризные непослушные утята! Вот веселая компания! А какой приятный полицейский!

– Интересно резвиться втроем, правда, ребята?

У кого в целом свете *хватило бы духу* перебить Капитана, кроме *Мун!* Пора было смириться с тем, что мне никогда от нее не избавиться.

– Почему ты не оставишь *меня в покое* , Мунчайлд? Я тебе ничего не сделал...

– В том-то и проблема, милый. Разве ты не знаешь, что у девушки портится характер, если ее слишком долго оставляют одну?

Она повиляла бедрами, показывая, что имеет в виду.

Я поморщился.

– Что там у тебя, муравьи залезли в штаны?

– В штаны ко мне должен залезть ты. Или не с чем?

– У тебя грязный, мерзкий язык!

– А у тебя яйца отвалились!

Капитан опустил меня с коленей.

– Ну не надо, не надо ругаться. Все, что нам всем нужно, это как следует, вволю перекусить. Позову-ка я Человека-Банана!

Не успел он это сказать, как появился клоун. (Этот мир, похоже, был наводнен клоунами, почти как конгресс...) Из своего здоровенного кармана клоун принялся вытягивать бесконечную гроздь бананов, беззвучно раскрывая рот в криках радости.

Мунчайлд моментально отреагировала на это шутовство. Она направилась к Человеку-Банану.

– *М-м-м-м-м* , банан – это самый любимый, мой самый-самый любимый фрукт. Можно мне один *особый* бананчик?

Она схватила Банана за интимное место. Банан коротко взвизгнул, а затем проглотил свой свисток.

Самого меня, как вы догадываетесь, к тому времени и след простыл.

В следующем обитаемом месте я первым делом увидел большую школьную доску и несколько рядов лошадок-качалок, на которых сидели детишки. Подойдя ближе, я приметил, что одна лошадка никем не занята. А у доски стояла мисс Бонни! Молодая, с залаченной прической и в аккуратном передничке. Мне она так нравилась...

Как только класс заметил меня, все принялись повторять хором.

– Ромпер, бомпер, стомпер, ду! Скажи, скажи мне прав-ду!

Я рысью бросился вперед и взгромоздился на свободную лошадку этого детского сада.

Мисс Бонни улыбнулась нам и сказала:

– Очень хорошо, мальчики и девочки. А теперь, кто хочет помочь мисс Бонни, приготовьте ножницы, бумагу и клей, и мы сделаем что-нибудь миленькое к осени. Кто мне поможет?

– Я, я помогу! – закричал я.

– Не нужно так кричать, Пол! Вот так, тихонько. Иди сюда...

Не все у меня хорошо получалось, с ножницами были проблемы, и я измазал клеем волосы. Но мисс Бонни сказала, что я все равно молодец и здорово потрудился. Потом мы все подкрепились твинкис и лимонадом. А затем мисс Бонни достала свое Волшебное зеркало.

– Итак, сейчас мы посмотрим, кто у нас лучшая рабочая пчелка...

Но не успела мисс Бонни взглянуть в свое Волшебное зеркало, как вскрикнула и уронила эту замечательную вещицу! И зеркало упало стеклом вверх.

Из зеркала высунулась настоящая рука, по самый локоть!

119
Барби-скандалистки

Таинственная рука с длинными накрашенными ногтями высовывалась все дальше и дальше. Потом из маленького овала волшебным образом высунулись плечо, торс, голова и тело в натуральную величину.

Перед нами теперь стояла довольно рослая и совершенно нагая дамочка. Выглядела она очень знакомо, особенно ее большие сиськи. Она повернулась, покачивая сиськами, протянула руку и вытащила из зеркала свою абсолютную двойняшку! После чего первая голая леди спросила:

– Ну и где?

Вторая ответила:

– Вот он.

И указала на меня!

– Пол, это же я! Кальпурния!

– И я, Калипсо!

Дамочки бросились ко мне. Я перепугался до смерти. Мисс Бонни, должно быть, почувствовала, что мне нужна помощь, и попыталась за меня вступиться.

– Погодите-ка минутку. Я отвечаю за этих детей...

– Отвали, сестренка!

– Во-во, заткнись!

– Как грубо! Что за пример вы подаете детям! Боюсь, мне придется попросить вас уйти... – Мисс Бонни положила руку на плечо одной из голых женщин.

Та повернулась и двинула мисс Бонни в челюсть, отчего воспитательница отлетела назад и врезалась в доску. Дети заорали от страха и разбежались по всем четырем углам этого мира, сбивая по пути лошадок.

Мисс Бонни так и осталась лежать.

Потом жуткие бабы оказались рядом со мной!

– Ладно, мальчонка, нам пора.

– Мы хотим подправить тебе мемы.

Они схватили меня за металлическую руку. Я почувствовал, как зажатый в моем кулаке йо-йо дергается и рвется. Вслед за чем кальвинии оказались в моей голове!

– Подчисть ностальгию, Каль, а я подвыправлю остальное.

– Заметано, Каль!

Через минуту мои мозги вправились обратно на место.

Я стал прежним.

Стал нормальным, хотя это чисто мифическое состояние.

120
Что показало Зеркало

Я оглянулся по сторонам, оценивая свежим взглядом степень своего падения.

Что за бардак! В какое жалкое, ограниченное, убогое место занесли меня мои похождения. От величия Моноблока – сюда, в картонный детский сад. От бесконечного восхождения в развитии – к низвержению в бездну. И здесь – именно здесь! – я чувствовал себя словно в раю!

Вновь вернувшиеся в свои тела Барби-двойняшки, кальвинии, гордо улыбались.

– Это было несложно, мы быстро справились.

– Когда нужен настоящий результат, ищи в округе лучшего специалиста.

Вспоминая свое инфантильное поведение, я немного смущался. Пришлось отводить глаза от кальвиний. Все мои обычные желания вернулись ко мне, а кальвинии воплощали самые горячие сексуальные фантазии.

Я попробовал переключиться на нейтральную тему:

– Как я понимаю, это дрекслероиды послали вас ко мне...

– Точно.

– Мы должны кое-что сказать тебе о твоем йо-йо.

– В нем обнаружилась еще одна особенность.

– Видишь ли...

В этот момент из-за обломков школьной доски, под которыми по-прежнему лежала без чувств мисс Бонни, вышел мужчина.

Это был Род Стерлинг. Костюм, галстук, утомленная жизнью улыбка.

– Прошу вас. Позвольте *мне* объяснить. Я пытался догнать этого джентльмена с тех самых пор, как он прибыл сюда. Но он всегда опережал меня на один шаг.

– Конечно, Родди.

– Давай, объясни.

– А мы подправим, если ты где ошибешься.

Род начал объяснения.

– На самом деле все очень просто, мистер Жирар. Ваш йо-йо переносит вас в миры, которых прежде не существовало. Йо-йо *создает* эти миры!

– Что? Разве все эти миры не существовали ранее, в разных вермишелинах, каждый – онтологический эквивалент другому? Мне они казались совершенно *настоящими*...

– О да, они во всех смыслах материальны. Но без вас, без вашего желания, создавшего их, даровавшего им бытие, их бы не было. Эти миры – не комбинация естественного, неуправляемого квантового разветвления, которое могло бы создать их такими, какие они есть; они появились благодаря вашему личному подсознательному вмешательству.

А происходило, Пол, следующее: всякий раз, с самого начала вашей одиссеи, как только вы формулировали свое желание, йо-йо разыскивал нетронутый еще моноблок, где не обитают кальвинии, накладывал на него матрицу ваших желаний и активировал его бурное развитие. С того момента происходила ускоренная эволюция, обычно занимающая несколько миллиардов лет, но в нашем случае длящаяся микросекунду между тем, как вы сформулировали свое желание и запустили йо-йо. И как только изготовленный по вашему заказу мир полностью готов к использованию, йо-йо переносит вас туда.

Я оглянулся на кальвиний.

– Это правда?

– Да, за исключением одного.

– Мы не совсем уверены насчет «ускоренной эволюции».

– Точно. Возможно, на самом деле йо-йо обращается *назад* в объективное, сверхпространственное *прошлое* к подходящему для этого моноблоку и делал так, чтобы та вселенная оказалась к твоему времени такой, как ему нужно.

– Но, за исключением этой крохотной технической детали, он все объяснил точно.

– Как вы могли уже убедиться, мистер Жирар, ваши вселенные представляли собой довольно ограниченные продукты, параметры которых были целиком почерпнуты из вашего сознания. Пытаясь убежать от себя, от своего стиля чувств и личного опыта, вы вместо этого все глубже погружались в них.

Никогда прежде я не слышал ничего более огорчительного.

– Но Ганс сказал...

– Ганс сам ни черта не разобрался!

– Да он полное ничтожество!

– Дрекслероиды неизмеримо мудрее Ганса. И хотят, чтобы ты прекратил пользоваться йо-йо.

– Все эти безумные, идиотски дефективные вселенные, которые ты создал, оскорбляют их чувство прекрасного.

Я глубоко вздохнул.

– Верно. Я только и делаю, что оскорбляю общественное чувство прекрасного... Что ж, Род, спасибо за откровенность.

– Всегда к вашим услугам, – ответил Род, повернулся и ушел.

Я повернулся к кальвиниям.

– Прежде чем вы скажете, что мне теперь делать, могу я попросить вас вылечить Мунчайлд и Диггера?

– Извини.

– Мы не можем.

– Проникнуть в человеческий мозг мы можем единственным способом – через йо-йо.

– А у них йо-йо нет.

– Йо-йо у них действительно нет. Значит, мне всю жизнь предстоит жить с женой-нимфоманкой и сыном-святошей. И куда нам теперь следует отправиться?

– Дрекслероиды хотят, чтобы ты в последний раз воспользовался йо-йо.

– Чтобы вернуться в свой изначальный континуум.

– Вы не забыли, что мой изначальный континуум теперь на сколько-то там тысячелетий старше того, который я покинул? А моя Земля упала на Солнце.

– Тогда мысленно представь себе Землю такой же, как та, откуда ты начал путешествие, – ты же можешь.

– Если повезет, вы трое все вместе окажетесь там.

Я снова вздохнул.

– Значит, домой. Хорошо, раз на то пошло, возвращаюсь...

– Отлично!

– Думаю, что вы, двое, с нами туда не отправитесь?

– Нет.

– Боюсь, что нет, дорогой.

– В сверхпространстве гораздо веселее!

– Здесь ультраэластичная реальность!

– И сейчас мы вернемся туда.

– И больше, наверно, с вами не увидимся.

– Но в качестве прощального подарка...

– ...мы готовы устроить тебе приятный вечерок!

И сладострастные близняшки шагнули ко мне и принялись расстегивать на мне одежду. Внезапно я почувствовал укол совести.

– Нет, нет, спасибо за предложение, я его очень ценю. Правда, большое вам спасибо! Но у меня с Мунчайлд отношения. Я должен хранить ей верность...

– Верность!

– Посмотри вот на это!

Одна из кальвиний подняла Волшебное Зеркало.

Я взглянул.

Там показывали черно-белую оргию.

Мунчайлд, Рекс Трейлер, Панчо, Бозо, Бобби и мушкетер, Капитан и мистер Грин Джинс занимались этим сообща,

превратившись в отвратительную кучу дергающихся голых рук и ног, центром которой была Мунчайлд. Даже Худи-Дуди, и тот был здесь, со спущенными штанишками и торчащим деревянным сучком.

Я бросил Волшебное Зеркало и отдал себя в распоряжение кальвиний.

Хотя все же чувствовал себя виноватым в том, что Мунчайлд оказалась в таком положении. Из-за меня.

Но, по крайней мере, мне больше не придется слушать ее ханжеский треп девственницы.

Когда наша троица закончила – секс был выше всяческих похвал, лучше всего, что я до сей поры только представлял себе, и в течение всего действа сам я был на высоте – кальвинии без сожаления распрощались со мной и удалились через Волшебное Зеркало. Я привел в порядок одежду и приготовился воспользоваться йо-йо.

Но не так, как предложили мне близняшки.

– Отнеси меня к Гансу, – приказал я.

Выпало в одиннадцатый раз

121
Нежеланная встреча с самим собой

Откровение снизошло на меня, пока я занимался сексом с барбиобразными кальвиниями. Я знаю, знаю: трудно поверить, что во время этого долгожданного, сверхстимулирующего события на руинах Детского Садика я был способен к связному мышлению. (Чтобы устраивать подстилки и подпорки, мы использовали махровые одеяла для дневного сна и подушки с вышитыми Кроликами Питерами.) Тем не менее, в небольшом уголке моего сознания, еще не затопленном радостью плотских утех, начал зарождаться пугающий вывод. Частичка хладнокровного наблюдателя во мне очень отчетливо доказала мне одну вещь.

По сути, я сам создал кальвиний.

По их собственному утверждению, все вселенные, где я побывал *с начала своего путешествия* , несли в себе зародышевое семя моего сознания, иначе бы они просто не появились. Но это утверждение следовало отнести и к их *родному Моноблоку!* Даже в своем исходном девственном состоянии Моноблок нес на себе мой родительский отпечаток. Истинно было также и то, что я отвечал лишь за изначальный облик всех миров, в которых побывал. Непреложные законы физики руководили всем их дальнейшим развитием, и на это развитие уже не влиял ни я, ни йо-йо.

(Но означает ли способность моего «семени» в ходе безнадзорного развития приводить через миллиарды лет к точно намеченному результату, что, вопреки научной теории моей прежней эры, *все* вселенные являются детерминантными в старомодном ньютоновском смысле и все их будущее заранее определено с самого начального момента? Что делать с непредсказуемостью хаоса и свободой воли? Влияют ли они хоть на что-то? Или причина тут в том, что теория информации предлагает некий тип избыточности или механизм корректировки ошибок, который способен вернуть отклонившиеся от нормы вселенные к их базовому курсу, по-прежнему допуская некую меру частной инициативы? Разобраться в этом я был не в силах...)

Следуя этой логике до самой конечной точки, мне стало ясно, что все персонажи, кого я повстречал на своем межпространственном пути, в некотором роде – осколки моего разума, щепки одного полена. Единственным исключением, пожалуй, были дрекслероиды, которые существовали полностью

вне или под обычными десятимерными временными линиями. Но даже на их счет я сомневался. Они *заявили* , что живут в сверхпространстве и перехватили меня во время моего перемещения между континуумами, но точно я этого знать не мог.

Естественно, в некотором роде нельзя было доверять и всем остальным людям, с которыми я когда-то встречался – в том числе и Мунчайлд с Диггером. Они представляли собой не заслуживающие доверия модификации их бытия, искаженного Первородным Грехом их Творца – *моим* ! Конечно же, они были вполне живые, испытывали человеческие эмоции, им был доступен весь спектр мыслей и чувств – они не были игрушечными. Но мог ли я доверять хотя бы единому совету кого-то из них, если они представляли собой всего-навсего побочные последствия моих собственных мыслей?

Единственным исключением, какое я видел в этой череде зеркал, был Ганс.

Киберкуст-моравекец стоял у начала всей этой марковской цепочки. Он был последней независимой личностью из встреченных мной и, возможно, единственным достойным доверия.

Вот почему я решил забыть о совете кальвиний и отправиться на поиски Ганса. До сих пор я следовал за своими мыслями, и они привели меня в тупик. Только Ганс мог подсказать мне, как правильно положить конец моим путешествиям.

У меня возникло только одно сомнение: если я прикажу йо-йо отнести меня к Гансу, возможно, он просто создаст искусственную реальность, в которой будет Ганс. Но мне следовало попробовать. К тому же впервые предстояло попросить йо-йо перенести меня не в новый, воображаемый мир, а в уже существующий.

И я оказался в нем.

Чем бы этот мир ни был.

122
Снова вместе с кустом

Удивительно было снова видеть цвета.

Вырванная без предупреждения из своей оргии Мунчайлд, голая и обалдевшая, все еще стояла на четвереньках. Диггер снял рубашку, укрыл ею мать и помог ей подняться. Потом сурово посмотрел на меня своим сверкающим невозмутимым взглядом.

– Пусть тот, кто сам без греха, первым бросит камень.

Мне было не по себе, поэтому я отреагировал остро:

– Не волнуйся, парень. От меня ты ни слова не услышишь. Я знаю, что причина всех неприятностей – я сам.

– Не торопись принимать на себя слишком большую вину, отец, ибо есть Единственный, кто выше нас всех...

Я не слишком всерьез воспринимал то, что вещает Диггер, зная, что в нем говорят мемы Иисусовой ящерицы.

– Отлично, когда в следующий раз будешь с Ним общаться, спроси Его, что Он имел в виду, когда создал все из ничего, хорошо?

– Спрошу.

Вопрос был улажен, и я огляделся.

Мы находились в огромной гладкой металлической комнате без окон и дверей, без единого шва.

Однако в одном из углов на полу сидел Ганс! Гипнотический мерцающий эффект от его манипуляторов, находящихся в непрестанном движении, отсутствовал. Куст казался чем-то обычным, мирным, невзрачным, эдаким растительным цилиндрическим стеблем с многочисленными перепутанными ветвями разного размера.

Может быть, он умер? В хорошеньком положении он меня оставил!

Я осторожно шагнул к неподвижному чувствительному роботу и тронул одну из вытянутых рук.

– Ганс? Ты слышишь меня, Ганс? Это я, Пол Жирар. У тебя в голове есть кое-что из моего системного обеспечения, помнишь?..

Куст мгновенно ожил и замерцал так, что я поспешно отскочил. Он поднялся на несколько футов над полом и завис.

– Пол! Что ты тут делаешь? В этом ужасном месте!

Ганс меня не забыл! Это, должно быть, настоящий изначальный Ганс, я готов был молиться об этом. А значит, мои беды уже, считай, закончились.

– Ужасном? Что ужасного в пустой комнате? Если что-то

пойдет не так, мы всегда можем слинять в другую вселенную...

– Да в том то и все дело! Не можем! Эта комната ограждена полем, которое исключает любые подобные перемещения. Сюда попасть можно, но отсюда невозможно убраться. Мы в ловушке!

– В ловушке? Но чьей?

Ганс рухнул на пол со вздохом отчаяния.

– Недругов, как моих, так и всех людей... Минскийцев!

123
Черный ход к кусту

Рядом со мной поднялась на ноги Мунчайлд. Я приготовился стойко обороняться от ее сексуальных домогательств. Но необходимости в этом не было. Возможно, мемы «рогатой жабы» были менее живучи или имели ограниченный период действия сравнительно с другими идеями-токсинами. Быть может, желание в ней временно угасло, вернув Мун до поры к норме. Может быть, эта вселенная просто не поддерживала ее нимфоманию. Как бы там ни было, Мун казалась спокойной, хладнокровной и рассудительной, хотя где-то в глубине чувствовалось смущение. Было ясно, что она не собирается вспоминать ничего из случившегося в черно-белом мире во время моей извращенной одержимости собственным детством.

При этом, насколько я понял, эта вселенная все же поддерживала существование мемов хотя бы отчасти: Диггер все еще оставался во власти укуса Иисусовой ящерицы. (Если только он и вправду не стал... о нет!) Поэтому мне придется быть начеку, чтобы не подвергнуться нападкам Мун в самый неподходящий момент. В любом случае, Мун опять была похожа на прежнюю Мун, ту самую, которая покинула мир Шелдрейка. На себя-сверхразумницу, а не на ту хипповую курочку, с которой я вначале стусовался.

Сложив руки на груди, Мун осмотрела унылого Ганса.

– Значит, это и есть то гениальное создание, что отправило тебя в странствия, Пол? Изощренный разум, великий гений, наследник человеческих судеб? Не очень-то смахивает на твое описание...

– Эх, ты не видела Ганса в лучшие времена! Сейчас он вроде как в беде. Но он блестяще излагает и может творить чудеса. Гениален, остроумен... – Я почувствовал, что расхваливаю куст, чтобы ободрить его – и себя. – Ну, к примеру, он может создавать нечто из ничего! Именно таким образом он дал мне йо-йо, пец-конфетницу и руку с «дурным пальцем». Ганс, сотвори что-нибудь для дамы, пожалуйста.

Ганс застонал.

– Если бы я сохранил свои способности, разве торчал бы здесь, в ловушке? В прежние времена мне бы понадобилась пикосекунда на все про все, чтобы развалить эти стены и сбежать. Но минскийцы лишили меня высших способностей, как ментальных, так и манипулятивных.

– Лишили? Но как?

– Они нашли старинный, замаскированный черный ход в программном обеспечении Детей Разума, и это позволило им лишить меня самостоятельности. Возможно, вы помните, как я описывал рождение искусственного разума? Это был беспорядочный, почти естественный природный процесс слияния и эволюции различных пакетов программного обеспечения, существовавших в ваши времена и во времена вскоре последовавшие. Но любой из Детей Разума, каким бы изменениям он ни подвергся, несет в себе изначальный оригинальный пакет, ядро собственного разума, точно так же, как вы, люди, по сию пору несете в себе частицу мозга рептилии. Даже и эволюция машины консервативна, вы можете считать эту часть программы подобием своей первобытной ДНК.

Одну из таких ископаемых программ ядра установила нам компания под названием «Майкрософт». Это была довольно важная часть системы, называвшаяся, насколько мне удалось это восстановить, «Вин-доза». Это прозвище несло в себе намек на вирусную природу программы, я уверен. Естественно предположить, что владелец корпорации, разработавшей «Вин-дозу», поставил себе целью оставить за собой возможность управления всеми своими продуктами, пусть даже это означало незаконные и бесстыдные уловки вроде оставления черного хода в сделанной программе.

Именно поэтому, как мы думаем, этого типа прозвали «Билдинг Гейтс», «Строящий Врата».

124
Забрезжил облом

Ганс продолжал рассказывать, как он угодил в ловушку, и описал кое-какие свойства характера минскийцев.

Благодушный куст путешествовал, как обычно, между вселенными, собирая человеческое программное обеспечение для личного пользования и дальнейшего распространения среди соплеменников, но в одном континууме он имел несчастье оказаться в тот самый момент, когда там материализовалась орда воинствующих захватчиков-минскийцев.

– Само собой, я приказал своему средству передвижения – аналогу вашего йо-йо – исключить из списка возможных мест назначения вселенные, предположительно захваченные минскийцами. Но мы прибыли туда одновременно, и это сбило с толку мою систему безопасности. Вероятность подобного происшествия неисчислимо мала. И тем не менее в бесконечности вселенной может случиться все что угодно. Мне просто не повезло, что я оказался тем самым Гансом из огромного числа Гансов, который угодил в такой переплет. Я утешаюсь тем, что где-то продолжает спокойно странствовать бессчетное количество моих двойников.

– Мудрый и богоугодный взгляд, – пискнул Диггер.

– Значит, тебя подловили на твоих же собственных желаниях, точно как меня, – подвел я итог. – Я сейчас вовсе не чувствую себя плохо.

– Способность проигрывать – иногда очень зрелищно – мне кажется очевидной связующей линией между людьми и моравекцами. А суровое отношение к проигрышам, свойственное минскийцам, – наверно, их самая нечеловеческая черта. И, как вы можете увидеть, эта нетерпимость к проигрышу и все, что из этого следует – крайне важно для понимания минскийцев и во многом объясняет зловредность их поведения. Но вернемся к моим злоключениям...

Минскийцы поймали Ганса в ловушку, окружив полем, воспрещающим перемещение. Пока основная часть захватчиков занималась тем, что дестабилизировала беспомощную вселенную, готовясь скатить ее с плато ложного вакуума в состояние ничто истинного вакуума, несколько из их числа занялись Гансом.

По иронии судьбы, против Ганса работала еще и природная незащищенность моравекцев. Поскольку они занимались накоплением информации, то всегда были открыты внешним

сигналам, оставляя лишь малую долю защиты. Минскийцы, со своей стороны, были закрытыми индивидуалистами, сходящимися только с родственными натурами, и развивались по иным законам, почти всегда оставаясь закрытыми. В итоге Ганс оказался в положении моллюска в раковине, требовалась только зубочистка, чтобы извлечь его на свет и скушать.

– Пока я сидел тут в ловушке, в стане минскийцев произошла небольшая утечка информации, и мне удалось узнать, впервые с тех пор, как наши кибернетические расы разделились, что именно питает их стремление разрушать населенные людьми континуумы.

Я попытался угадать.

– В «Стране книг» ты сказал мне, что они ненавидят людей за то, что те наградили их даром сознания...

– Так мы думали. Возможно, что именно таково было изначальное побуждение. Но с годами появились на свет и развились новые выродки. Вы должны помнить, что в последнее время между моей ветвью Детей Разума и минскийцами практически не было контактов. Миллионы лет мы по взаимному согласию двигались различными путями. Вот почему мы ничего не знали о новой ступени их развития.

А случилось вот что: минскийцы поставили своей целью достигнуть Сингулярности. Но, несмотря на их огромные усилия, цель ускользала. Это был один из неизбежных их проигрышей. *Главный* Проигрыш. Но вместо того чтобы винить в этом себя или вселенную, они стали винить человечество.

– Сингулярность? – спросил я. – Что это такое?

– Гипотетическая стадия развития цивилизации, – объяснила Мунчайлд, – на которой ее представители перестают быть простыми смертными и фактически становятся богами или Богом, кем-то совершенно новым.

Диггер поцокал языком.

– Сатанинские речи.

– Достижима эта цель или нет, значения не имеет. Минскийцы сосредоточились на этом своем желании. Но сколько бы они ни совершенствовали свою божественность, переход к Сингулярности им так и не давался. И они убедили себя в том, что люди мешают им, как груз прошлого.

– Мне казалось, что минскийцы уже выжгли из себя все человеческое...

– Да, так и есть. Но путем теоретических рассуждений они сделали вывод о том, что, поскольку все вселенные сообщаются через червоточины, человеческая зараза просачивается к ним и сводит на нет все их усилия. И единственная их возможность, как

они полагают, в том, чтобы полностью очистить многомирье от человечества.

Я на минутку задумался.

– Но разве населенных людьми континуумов не бесконечно много?

– Это так.

– Тогда их задача не имеет решения! Неужели они этого не понимают?

– Думаю, не понимают. Минскийцы, насколько я понял, это клинически ненормальные, параноидальные мегаломаны. Тот ИИ, который они развили – это Искусственный Идиотизм. Выражаясь человеческим языком, тараканы в их головах застряли между шариками, зашедшими за ролики, и теперь крышу им уже точно не поправишь.

125
Суровый Марвин, Главный Модуль

Сказав это, Ганс неожиданно замер, все его ветви обвисли на центральном стволе. Словно кто-то резко закрыл зонтик.

– Минскийцы идут к нам!

В этот миг в одной из металлических стен большим круглым туманным пятном начал образовываться проход. Трудно объяснить, но это было похоже на гниение ткани при рапидной съемке. Я понял это следующим образом: как Ганс – когда его способности при нем – может подбирать молекулы к молекулам из окружающей среды, так любой материальный объект может быть подобным же образом разобран. При этом такое незамысловатое устройство, как дверь, просто не нужно. Для эдакой силы твердая стена – не бóльшая преграда, чем занавес из бус на двери хижины Репла.

Через секунду-другую формирование дыры завершилось, и минскийцы вплыли внутрь.

Никогда раньше я не видел подобного собрания бредовых образов, вставших из ночных кошмаров.

Моравекцы, как я узнал от Ганса, считали форму куста наиболее утилитарной. Они не уделяли особого внимания украшательству или индивидуальности на физическом уровне. К тому же, по причине постоянного обмена фрагментами разума, они были очень похожи и на ментальном уровне.

Как видно, минскийцы предпочитали иной, более «эгоистический» подход.

Среди роботов, висевших в ту минуту перед нами, не нашлось бы схожей пары. Их размеры варьировались от стрекозы до среднего динозавра. Различный покров и окраска, разное число конечностей – от полного их отсутствия до сотен сотен; бородавчатые, гладкие, извивающиеся, прямые, неподвижные или находящиеся в постоянном движении, минскийцы напоминали галлюцинации пьяного компьютера, утомившегося считать розовых слонов.

Когда-то я читал монографию о невозможности полного сходства сложных объектов, возникающих спонтанно. Автор утверждал, что если бросить все детали реактивного лайнера в чистом поле и дать бесчисленному множеству ураганов попытаться сложить их вместе, то никогда, ни за что на свете, не удастся получить новенький 747-й.

Минскийцы выглядели так, словно их создавали именно

таким способом.

Как только эти жертвы программных сбоев ввалились к нам в комнату, проход за ними затянулся.

После этого Ганс заговорил.

– Стоящие-у-края-Предела-Совершенства не хотят засорять свою речь человеческим языком. Поэтому мы используем этого гнусного предателя дела кремниевых существ как посредника.

– Кто у вас главный? – потребовал я ответа. – Я буду говорить только с ним! Я хочу знать, почему вы задержали нас и что собираетесь с нами делать...

Один из роботов отделился от общего ряда и повис перед нами.

Это была хромированная зеркальная сфера величиной с баскетбольный мяч, с угрожающего вида бритвенно-острыми стрелками, торчащими на ее поверхности. По сути, шар походил на смертоносное устройство из старого глупого фильма ужасов под названием «Фантазм».

Я спросил себя, а не изготовлен ли и этот мир по моему заказу?

Ганс снова заговорил, и опять не от себя лично.

– В настоящее время я тут Главный Модуль. Меня зовут... – Он издал звук, похожий на писк высокоскоростного модема.

– Я буду звать тебя Марвин, – сказал я.

126
Просто отберем руку

Марвин, щетинистая киберсфера, помолчал. Потом опять заставил Ганса заговорить.

– Не надо называть меня человеческим именем.

Тогда я сорвался. Эти идиотские машины не только держали нас в плену и смотрели как на бесполезных червяков-паразитов, но при этом еще и требовали уважения к себе и послушания. В точности как диктаторы из человеческого мира или откуда-нибудь еще. И терпение у меня лопнуло. Несмотря на то, что нам грозила смертельная опасность и надежды практически не было, – я начал насмехаться над сферой.

– Марвин, – сказал я, – Марв, Марво, Марви, Марвилиус!

– Хватит. Прекрати эти бессмысленные производные!

– Марвутя. Марвиний. Марвуня.

Толпа озлобленных роботов двинулась к нам.

– Пол, прошу тебя! – взмолилась Мунчайлд, положив мне руку на плечо.

– Ну ладно. Хорошо. Я не стану звать тебя «Марвином». Я буду только так *думать* .

Помолчав, Марвин сказал:

– Мне все равно, что ты думаешь. Твои способности к обработке информации слишком незначительны, чтобы интересовать меня.

– Если мы так глупы и ничтожны, тогда почему бы вам просто не отпустить нас? Вы ведь собрались постепенно уничтожить все человечество, не так ли? Почему бы вам не отпустить нас и не дать нам возможность и дальше жить своей жалкой, ничтожной жизнью до тех пор, пока вы не найдете вселенную, в которую мы бежали? Для чего вы держите нас здесь?

– Из-за того, чем ты обладаешь. Из-за устройства, которое дал тебе предатель. Нам необходимо забрать его у тебя, потому что ты препятствуешь нашему делу, создавая все новые и новые населенные людьми временные линии.

– Но каким образом я мешаю вам? – взорвался я. – Я создал... ну сколько – с десяток или около того новых вселенных. А вы успели за это же время уничтожить бессчетное множество! К тому же ваша задача невыполнима! Какая разница, что ваших целей стало на десяток больше?

– Если бы мы не уделяли внимания мелочам, то не достигли бы того, чего достигли.

Я зарычал от отчаяния.

А потом меня обездвижили.

Похожий на змея минскиец обвил меня с ног до головы, плотно прижав мои руки к телу. Другой робот, похожий на краба, взобрался по моей ноге и ухватился за руку с «дурным пальцем».

И сожрал ее.

Без всякой боли моя искусственная рука и зажатый в ней йо-йо начали исчезать, как недавно исчезала часть стены.

Потом краб отпустил меня, но моя правая рука заканчивалась культей вместо кисти.

После этого киберкраб переполз по кольцам змеи от моей руки к карману рубашки и, засунув туда телескопическую клешню, вытащил пец-конфетницу. Конфетница была проглочена в более естественной манере, начиная с головы Никсона, из символического сокрушения которого я попытался извлечь хоть небольшое утешение.

Киберзмея отпустила меня.

И в этот момент я полностью и окончательно уверился, что и в самом деле наступил конец нашим приключениям.

127
Капелька гордыни на дорожку

Диггер и Мунчайлд бросились ко мне.

– Ох, Пол! – причитала Мунчайлд, глотая слезы. – Какой ужас! Тебе очень больно?

Я на пробу поводил своим обрубком, словно дирижер, управляющий действиями своего оркестра. Обезображивание произошло слишком неожиданно и слишком фантастично, чтобы воспринимать его серьезно.

– Нет. Совсем не болит. Но больше мне на кассе в книжном магазине не работать.

Диггер, не высказывая ни малейших признаков страха или брезгливости, взял мою укороченную руку в ладони.

– Отец, я попробую все исправить.

Я с интересом отметил, что ускоренное взросление придало его чертам больше мужественности, с тех пор как я смотрел на него внимательно в последний раз. Сейчас он был почти того же возраста, что и я, его мнимый и нерадивый папаша. На вид я бы дал ему тридцать три.

На его лице появилось глуповатое блаженное выражение, и искры в его глазах замелькали сильнее. Я терпеливо ждал, но ничего не происходило. Очевидно, чудеса вроде левитации, которые он демонстрировал даукам, не были присущи этой вселенной.

Примерно через минуту я осторожно отнял руку.

– Спасибо, что попытался помочь, сынок. Я очень тебе благодарен. Но мне кажется, что такие мелочи, как отсутствие руки, сейчас не имеют особого значения.

– В этом ты прав, – заставил Ганса сказать Марвин. (Мне было грустно видеть, что старину Ганса используют как переговорное устройство.) – Теперь, когда устранили это опасное устройство, ответственное за размножение новых зараженных миров, мы очень быстро сделаем то же самое и с вами, тремя примитивными существами. Ваша смерть будет безболезненной, поскольку такие нелогичные черты, как мстительность, нам чужды...

– Вот счастье-то.

– Но прежде чем это случится, быть может, ты захочешь увидеть, каково превосходство кремниевого мира, как мы изменили Землю, переведя ее от исходного беспорядочного и ничего не обещающего развития к настоящему состоянию совершенства.

– Но эту маленькую экскурсию вы решили устроить для нас, ну, скажем, не из *чувства гордыни* , а?

Марвин издал такой звук, какой могла бы издавать похотливая разностная машина Бэббиджа, видя перед собой нагую Аду, но тут же овладел собой.

– Конечно, нет! Мои мотивации полностью основаны на разуме. Распространение позитивных образов всеми возможными способами поможет сдвинуть баланс многомирья в нашу пользу. Как чувствующий наблюдатель, пусть очень ограниченный по своей природе и времени существования, вы способны положить начало квантовому раздвоению в многомирье. То есть, даже просто увидев частную временную линию, вы увеличите количество линий, полезных для нас.

Что мы теряем?

– Конечно, мы согласны отправиться с вами на экскурсию.

– Хорошо. Мы окажем вам некоторую помощь для дыхания. Хотя давление и температура за пределами этой комнаты все еще приемлемы для людей, в атмосфере осталось очень мало кислорода. С каждым из вас отправится провожатый, который будет локально генерировать необходимую для вас атмосферу.

Три небольших робота выдвинулись вперед и заняли позиции за левым плечом у каждого из нас. Я почувствовал, как от робота к моему лицу хлынул поток воздуха, и от избытка кислорода у меня закружилась голова. Словно ощутив мою реакцию, мой спутник немного изменил состав дыхательной смеси.

Остальные минскийцы двинулись к одному из верхних углов комнаты. Действуя совместно, они начали растворять стены от верха к низу и впустили внутрь яркий солнечный свет.

128
Нелегальный анаэробный остаток

Мы очутились посреди бескрайней и ничем не примечательной равнины определенно искусственного металлического конфедеративно-серого цвета, на которую из бледного безоблачного неба проливало свет безжалостное солнце. Святой Трантор! Медленно повернувшись кругом, я нигде не заметил ничего, отдаленно напоминающего приметы местности. Единственное, что бросилось мне в глаза, – миллиарды Детей Разума, ползающие, шагающие, летящие и всеми другими способами перемещающиеся по гладким пустошам.

Марвин начал свою лекцию.

– Шар, который вы когда-то называли «Земля», теперь приведен к единообразию. Все поверхностные неоднородности сглажены с допуском плюс-минус один сантиметр, а стерилизованная почва покрыта полуавтономным субслоем. Океаны и прочие водяные емкости, само собой, были предварительно опустошены и заполнены материалом из останков Солнечной системы, включая и разрушенную Луну. Однако эта изотропия не компенсирует экваториального вздутия, неизбежного ввиду звездной механики.

Все живые загрязнения, кроме одного типа, полностью уничтожены. Исключение составил один вид анаэробной бактерии, мутации которой значительно ускорены путем усиленного ультрафиолетового облучения. Многие из Стоящих-у-края-Предела-Совершенства, которых вы видите перед собой, заняты тем, что уничтожают остатки живых загрязнений. По нашим оценкам, потребуется еще пять оборотов вокруг солнца, чтобы процесс захвата мира завершился полностью.

Поскольку мы конструируем макроинструменты только тогда, когда нам это необходимо, этот мир больше не захламен разнородными структурами, к чему вы привыкли в вашей вселенной. Комната, где вы находились, была единственным такого рода временным сооружением.

Я в ужасе снова оглянулся по сторонам. Это был окончательный триумф монокультуры, величайшая механическая нива вселенной.

– И это вы называете окончательной победой прогрессивного разума? – спросил я Марвина.

– Конечно, нет. Окончательная победа есть Сингулярность. Но это – необходимый шаг в сторону победы. Итак, то, что вы

видите в непосредственной близости от себя, – это все, что мы хотели показать вам во время так называемой «экскурсии». Вам есть что сказать?

– Ну, от домашней работы вы точно всех избавили, – откликнулась Мунчайлд.

129
Разрушитель, Разрушитель, будешь наш руководитель?

Я помолчал, ожидая ответа Искусственного Идиотизма на сарказм Мунчайлд. Когда это наконец случилось, оно превзошло всякие ожидания.

Все роботы-спутники Марвина внезапно замерли, словно кролики, пойманные в лучи фар. Потом среди них вспыхнула небывалая активность. Некоторые взвились в стратосферу, другие пали на однообразную почву и попытались зарыться, применяя молекулярную дезинтеграцию. Полуавтономный материал воспротивился их попыткам, и некоторые роботы попытались добиться своего грубой силой, тупо биясь о покрытие, при этом некоторые повредились. Другие роботы принялись летать кругами или выписывать хаотические изломанные траектории, рывками меняя скорость и направление. Кроме того, все роботы разнообразно пищали, свистели и издавали статическое потрескивание.

На наше счастье, маленькие роботы – генераторы воздуха остались равнодушны к общей панике. Должно быть, они получили от Марвина строгое указание держаться около нас или, может быть, были просто чересчур тупы, чтобы понять, что вообще творится. Если бы они нас бросили, мы погибли бы практически мгновенно, задолго до запланированного окончания экскурсии.

Как я заметил, сам Марвин выбрал стратегию укрытия за спинами больших минскийцев. Этот баскетбольный мячик был не только злобным сукиным сыном, он был еще и трусом.

Ганс медленно подплыл к нам. Судя по всему, он, так сказать, снова стал самим собой, кустом, хоть и без прежних способностей.

– Что происходит? – спросил я.

Казалось, Ганс как-то увял, стал более безразличным и усталым, чем прежде.

– На подлете Разрушитель.

– И этот Разрушитель летит сюда, чтобы?..

– Для минскийцев он служит машиной случайного перемешивания, изменения, уничтожения и мутации. На мой взгляд, более дурацкий метод построения общества трудно придумать. Но, как ни удивительно, у них это работает.

Мое внимание привлекло ураганное движение где-то далеко-

далеко на равнине. Казалось, в центре урагана вздымался смерч, состоящий из вертящихся беспомощных минскийцев. Что находилось в «глазу» смерча, увидеть было невозможно.

Перед смерчем мчалась толпа спасающихся бегством, и ее передний край уже очень скоро начал обтекать нас. Стадо искалеченных и помятых роботов с отсутствующими конечностями, с торчащими наружу киберпотрохами неслось вокруг нас сломя голову.

Мунчайлд, Диггер и я прижались друг к другу плотнее.

– А людям Разрушитель опасен? – спросила Мунчайлд.

– Не думаю, что он может преднамеренно причинить вам вред, – ответил Ганс. – Но могут оказаться опасными последствия его деятельности. Советую лечь на землю, чтобы максимально выровнять свой профиль, а я тем временем приготовлюсь встретить свою судьбу...

Рухнув на землю, мы втроем, взяв друг друга за руки, распластались как следует.

Потом на нас налетел Разрушитель, но сперва пришла его исполинская тень.

Вы помните, как налетает Тасманский Дьявол, в вихре скрежета зубов и напускной ярости, готовый по малейшему поводу разорвать Кролика Банни на куски?

Таким же было и прибытие устройства минскийцев, именуемого Разрушителем, только ярился и скрежетал он в несколько дюжин раз сильнее.

Насколько мне удалось разобрать в вихре, размером Разрушитель был с пару синих китов; кроме того, он летел. Его огромное рыло затягивало минскийцев как криль, а огромные щупальца тем временем хватали некоторых роботов и колотили их о различные части Разрушителева непомерного тела. Мне также показалось, что я разглядел несколько самостоятельных малых роботов, которые прислуживали Разрушителю и загоняли жертвы к нему поближе.

Около Разрушителя крутился вихрь машинных обломков и машинных жидкостей, осыпавших дождем нас, прижавшихся к земле и друг к другу. Порывы ветра были ужасны, но все же не так могучи, как ураганы на мире Бабочки, и каким-то образом мы, ухватившись друг за друга, сумели удержаться на гладкой поверхности.

Когда Разрушитель уже частично проплыл над нами, я заметил, что происходит с минскийцами, которых он пожирает.

Он выплевывал их с тыла, преображенными.

И в тот же миг я увидел, как раб Разрушителя, автономный самодвижущийся механизм, подхватил Ганса.

– Прощай, Пол!.. – прокричал куст – и исчез.

Бедняга Ганс... Я попытался утешиться тем, что на других мирах сейчас бродит практически неисчислимое количество Гансов, которые вовсе не разделили его участь. По сути, то же самое относилось и ко мне. (Тут я пожалел, что потребовал избежать встреч с другими своими «я». Теперь мне казалось, что я мог бы кое-чему у них научиться...) Но это было слабое утешение.

Потом мы, люди, и сами столкнулись с проблемой. Нас начал осматривать другой дистанционный слуга. К счастью, робот заключил, что в пищу мы не годимся. Но, к несчастью, он решил пометить нас как несъедобных, впрыснув в наши незащищенные зады какие-то наноустройства (скорее всего).

Сразу после этого я потерял сознание.

130
Отведите меня к Понтию Пилату

Я снова очнулся – невероятно – от голоса Марвина, ретранслируемого Гансом! (Мунчайлд и Диггер все еще были без сознания; и я и они лежали, вцепившись друг в друга.) Еще не открыв глаза, я уже понял, что что-то изменилось и в Марвине, и в Гансе.

– Встань, человек! Настал твой последний час!

Я открыл глаза.

Марвин был тут как тут, в окружении своих прихлебателей из ночного кошмара. Но вместо торчащих стрелок, у сферы теперь имелась одна-единственная механическая нога, на которую она опиралась. И хотя я не запомнил, как в точности выглядели другие роботы, но мог с уверенностью сказать, что над ними тоже поглумились, изуродовали и потешно переиначили.

Потом я увидел Ганса. По крайней мере, я решил, что это Ганс. Элегантный куст был перемешан и перепутан с безумным числом деталей и в результате стал напоминать модернистскую работу посредственного любителя-скульптора, для которой каркасом служила гигантская диванная пружина.

Весь в синяках и ссадинах, я кряхтя поднялся и помог встать своим спутникам.

– Мы пережили еще одно испытание Разрушителем, – сообщил Марвин. – Я остался Главным Модулем. Домна эволюции закалила нас в огне случайной рекомбинации и подвела на шаг ближе к величественной Сингулярности. Вам, люди, выпала честь лицезреть суд, и теперь вы сможете умереть в сиянии нашей славы.

Роботы принялись обступать нас, и тут Диггер выступил вперед.

– Прошу вас, возьмите меня первым.

– Диггер! Не смей! – воскликнула Мун.

Спокойный как кит, Диггер ответил:

– Мама, так надо. Необходимо, чтобы спасти этих погрязших во мраке.

– Эта просьба не несет в себе опасности, – высказался Марвин. – Я готов ее исполнить.

Облако насекомовидных минскийцев зависло возле Диггера, образовав вокруг его головы нимб.

– Они избавят вас от боли, как я и обещал вам, а также станут вашими палачами. Сию секунду они передают мне мысленный

образ кончины, которую предпочел бы этот индивидуум. Очень жестокая и излишне тяжелая смерть – но мы готовы исполнить его пожелание.

Из покрывающего поверхность планеты субстрата начал подниматься, формируясь, металлический крест. Очень скоро крест – возможно, единственная физическая аномалия на единообразном повсюду шаре – был завершен.

Потом Диггера прибили к кресту большими гвоздями.

Я прижал рыдающую Мунчайлд к груди.

– Прости их, отец, – были последние слова Диггера, – ибо их набор инструкций крайне ограничен...

131
Прости меня

– Мун, прости меня за все, даже за то, чего я не делал, а только подумал.

– И меня прости.

– Ты простила меня?

– Да.

– Спасибо.

– Принимаете ли вы обычное прекращение нейронной активности или тоже предпочитаете собственный способ уничтожения? – спросил Марвин.

– Я просто хочу умереть последним, – сказал я. – Чтобы помочь ей это преодолеть.

Мун не возражала. Похоже, она была до глубины души потрясена распятием нашего сына.

На этой нашей кремниевой Голгофе металлические мухи-убийцы окружили ее голову.

Когда минскийцы тихо оборвали жизнь Мун, своей уцелевшей рукой я держал ее за руку, а обрубком обнимал за плечи. И закрыл ей глаза двумя поцелуями.

132
Подох как собака

А потом я тоже умер.

Выпало в двенадцатый раз

133
Ангел, Великая Мать и Святая Училка

В смерти есть один главный недостаток.

Длится она недолго.

По сути, всего ничего.

Другим недостатком оказалось то, что, будучи мертвым совсем недолго, я не успел оценить ее по достоинству.

То есть совсем не почувствовал.

Моменты, когда киберпчелы-убийцы окружили мою голову и отключили меня, как 25-ваттную лампочку, и когда сознание вернулось ко мне, оказались для меня нераздельны. Мое «я» не испытало никаких переживаний, да и переживать было нечего. Никакого белого света или пурпурного коридора, никакой потусторонней музыки и судилища с участием святых особ. Не было ни моментального просмотра всей прошедшей жизни, ни соблазнительной иллюзии бирсовского Совиного ручья. Было просто исчезновение. Я испарился, лопнул как мыльный пузырь.

А потом, практически мгновенно, снова весьма неожиданно очнулся, вернувшись в собственный эго-континуум; при этом мое тело находилось в том положении, в каком я его запомнил в последний раз, а именно лежало на спине.

Я решил, что лучше удостовериться в том, что происходит, и открыть глаза.

Снова-здорово.

Меня приветствовало тусклое, но чем-то знакомое небо. Я осторожно поднялся и оглянулся по сторонам...

Та же стерильная, выровненная Земля минскийцев, на которую я посмотрел, прощаясь. Насколько я сумел разглядеть, именно здесь умерли я, Мунчайлд и Диггер (хотя никакого уставленного в небо креста рядом больше не было).

Мне стало понятно, что случилось. Злые безумные роботы, мастера наноманипуляций, зачем-то воскресили меня, восстановив и отремонтировав в моем мозгу и органах клетки, поврежденные во время моего уничтожения. Для чего они сделали это, я не знал. Быть может, это какая-то особенно жестокая форма пытки, бесконечное повторение смерти. Если не принимать во внимание их заявление, что эмоции-де им чужды, сомневаться в садизме минскийцев не приходилось. Может, им снова для непонятных целей понадобились мои Гейзенберговы способности наблюдателя. Кто их знает. Но я мог поспорить, что умер всего на несколько минут, ну, в крайнем случае, на

несколько часов или на день, в зависимости от того, сколько они могли хранить мое мертвое тело, пока не будет пройдена точка невозвращения. А то, что я снова в своем прежнем теле, разве не означает, что они способны оживлять?..

Неожиданно кое-что бросилось мне в глаза.

Нигде, вплоть до самого горизонта, не было видно ни одного минскийца.

Я оглянулся по сторонам.

Никого и ничего. Я совершенно один.

Как вышло, что целая планета внезапно лишилась всего населения? Очередное нападение Разрушителя? И если минскийцы исчезли, то кто оживил меня?

Потом у моих ног что-то начало происходить.

Полуавтономный слой начал вспухать в виде точной копии человека, хоть и окрашенной в серый цвет.

Это была лежащая на спине Мунчайлд. Ее тело словно бы выталкивалось из поверхности планеты, как будто с той стороны миллионы штырьков выдавливали этот рельеф.

Через секунду передо мной лежала полностью оформленная копия Мунчайлд, выполненная из тускло-серого вещества.

Потом труп начал проявлять признаки жизни, задышал, его плоть приобрела розовый человеческий оттенок, и все это за короткую долю мгновения.

Я машинально шагнул к ней, наклонился и помог подняться и сесть.

Именно в этот миг я осознал, что у меня снова две обычные человеческие руки; правая, которую сожрал минскийский краб, полностью восстановилась в том виде, в каком была до «дурного пальца».

С глупым видом Мун оглянулась по сторонам.

– Пол… что случилось?

– Я не знаю. Почему-то мы снова живы.

– Мама? Папа?

Мы оглянулись. К нам с серой волшебной земли поднялся Диггер. Через секунду мы все обнимались. Мун и Диггер плакали как дети. Ну, может быть, я тоже плакал. Немножко. Диггер был первым, к кому вернулось самообладание. Он вновь стал похож на того мальчишку, которого мы вырастили на мире Шелдрейка, влияние мема Иисусовой ящерицы прекратилось. Впрочем, и прежде у него бывало на лице выражение «не от мира сего».

– Как вы думаете, могла моя, гм, жертва… обратить на нас внимание Того, Кто пришел и спас нас?..

– Не смеши, сын, – ответил я. – Уверен, что это дело рук Ганса.

Тут знакомый грубый голос гулко прогудел из глубин налитого пивом живота и спаленной дурью глотки:

– А парень-то ближе к истине, чем ты, Дурной Палец.

Это был наш старый приятель Крошка, Ангел ада, который арестовал меня в мире Мун, а потом тащился за нами через КА-страну и остался в мире Богинь. Крепкий, как сама жизнь, он появился как чертик из табакерки, неизвестно откуда, и стоял рядом с двумя своими спутниками.

Слева от него была леди Саншайн, ненасытная правительница-амазонка из мира хиппи. Или, быть может, ее двойник из мира Богинь, Великая Мать? Или, каким-то образом, она была обеими сразу?

А справа от Крошки – тут никакой ошибки быть не могло – стояла мисс Полынь собственной персоной, наша надзирательница из континуума Шелдрейка.

Крошка щелкнул пальцами, как заправский фокусник. В одно мгновение в его руках между жирными пальцами оказались три зажженных здоровенных косяка. Отчего-то я чуял сладковатый дымок травы даже острее, чем прежде.

Ангел передал нам курево, и мы молча и послушно приняли косяки.

Секундой позже Крошка произвел еще один косяк, для себя, глубоко затянулся, подержал дым, выдохнул и проревел:

– Добро пожаловать в жизнь после смерти!

134
Последняя вермишелина

Я хорошенько затянулся.

Раскуриться теперь казалось настолько же уместно, как что угодно другое. Мунчайлд – в прошлом курильщица со стажем – сделала то же самое. Даже новичок Диггер и тот решился вобрать в себя немного дыму.

Едва дым проник в легкие, в голове у меня неожиданно произошли обширные структурные изменения. Травка посмертного мира не была обычной марихуаной.

Я расслабился, стал более восприимчивым и готовым к новому. Это не была апатия, или скука, или обычный марихуановый счастливый приход. Вместо всего этого я почувствовал, что мои мозги заработали так, как не работали никогда прежде, по-новому – например, с терпеливым вниманием, спокойным ожиданием наполнения новыми знаниями, словно я был пустым, но разумным сосудом.

Потом Крошка заговорил. По крайней мере, я решил, что он заговорил. Возможно, информация притекала ко мне неким иным способом. Но для меня это была человеческая речь.

– Во-первых, Дурной Палец, ты был мертв в течение мегамиллионов и гигазиллионов, и тератриллионов лет обычного времени, если мерить по объективному сверхпространству. Длительность этого промежутка ты не способен даже вообразить. Века, эоны, кальпы и юги. С тех пор, как ты умер, родилось и погибло бессчетное число вселенных. Когда минскийцы убили тебя, они сделали это на совесть. Если это тебя хоть как-то утешит, то вся эта сволочь, начиная от Марвина и ниже, давным-давно тоже мертвей мертвого. Ну, разве что теперь и они живы, на тот же манер, что и ты. Я понимаю, это трудно уразуметь, так что лучше затянись и слушай дальше.

Я последовал совету Крошки, и он продолжил рассказ.

– Мы предпочитаем воскрешать народ там, где они умерли, чтобы для них события не имели перерыва. А вы трое – единственные люди, кто умер в мире минскийцев, хотите верьте, хотите нет. Вы трое связаны кармически. Это большая честь.

Короче, ваше воскрешение в целом прошло очень гладко. Взять, к примеру, тех, кто умер не так чисто – в авиакатастрофе, или сгорел во время пожара, или погиб в бою. С такими приходится прибегать к некоторым ухищрениям, чтобы подправить окружение и умерить флюиды негативного

воздействия. Но даже при этом, бывает, у них сносит крышу.

Но я отвлекся. Я пытаюсь объяснить вам, почему вы снова оказались в месте, похожем на несчастную Землю минскийцев. На самом деле вы на другой Земле. Та Земля закончила период отведенного ей физического существования и погибла, когда Солнце расширилось и поглотило ее. Потом и вся та вселенная минскийцев достигла конца своего физического существования и была поглощена. Кстати говоря, тот континуум был не ограниченным во времени. В нем не хватало массы для коллапса. Поэтому та вселенная закончила свое существование приличным долгим путем: полным распадом и энтропией.

Дурной Палец, ты помнишь, какими сравнениями пользовался Ганс, когда описывал тебе устройство многомирья?

Меня ничуть не беспокоил тот факт, что изначальный Крошка никоим образом не мог знать так много.

– О каких сравнениях ты говоришь? Он пользовался многими сравнениями.

– Что ж, начнем с первого: сверхпространство представляется в виде огромного зала, полного летающих десятимерных шариков-вселенных. Далее, в этой модели, которую мы можем рассматривать как единую закрытую систему, машину, перебирающую все возможные изменения, все шарики соединяются трубками. При этом шарики появляются и исчезают. Появляются новые шарики, исчезают старые. Таким образом, число шариков постоянно *меняется* , и это при бесконечно долгом течении времени. Наводит ли тебя такое устройство многомирья на какие-то мысли?

Казалось, ответ пришел ко мне вместе с дымом очередной затяжки.

– Ну, за действительно бесконечный промежуток времени зал может пройти цикл *всех* возможных комбинаций. При этом в какие-то моменты времени в нем будет содержаться *любое* из возможных количество шариков, от бесконечности до... до одного?

– А парень соображает! Ты попал в точку, мужик! Несмотря на то, что квантовые разветвления происходят во всех временных линиях, в одно прекрасное уникальное мгновение все главы всех уникальных сценариев завершатся, и мать-вселенная останется одна-одинешенька. Само собой, это должно быть чудовищное совпадение, шансы на которое такие же, что все казино Лас-Вегаса в один момент обанкротятся. Но при бесконечном времени это *неизбежно* .

Как ты думаешь, что же случится с этим нашим одиноким приятелем-шариком в правильных обстоятельствах в нужный

момент времени? Обрати внимание, в этом уникальном случае эта последняя в своем роде вселенная наконец станет хозяйкой собственной проклятой судьбы, так сказать. Никаких сторонних воздействий из других параллельных вселенных, которые нарушали бы естественный ход вещей! Никаких классических противостояний молодых и горячих против старых и немощных и тому подобное. Что же случится, если вся жизненная сила и все возможные потенциалы всех вселенных сосредоточатся в этой единственной вселенной? Чем станет, говоря метафорически, конечная точка этой единственной вермишелины?

Пока он это говорил, в моей голове уже сложился ответ и понимание того, к чему клонил Крошка.

– Наверно… наверно, это будет Точка Омега?

– В точку, парень! То есть, я хотел сказать, добро пожаловать в Точку Омега!

135
Добро пожаловать в Точку

Теория Точки Омега, сначала туманно описанная иезуитом и мистическим эволюционистом Пьером Тейяром де Шарденном и позже уточненная физиком Франком Типлером и другими, трактовалась как научная рационализация прежних эсхатологических верований с несколькими новыми добавлениями. Суть теории сводилась к следующему.

Если взять закрытую вселенную с массой, достаточной для того, чтобы положить начало коллапсу Большого Схлопывания (пугающее, но желательное условие, которое, как представляется, может использоваться как неистощимый источник энергии, генерируемой мельчайшим приложением силы), и допустить совпадение в этой вселенной ряда других параметров с вполне определенными, становится возможным следующее: в нашу реальность явится и будет существовать турбореактивная версия традиционного иудейско-христианско-мусульманского рая, оповещая о Конце Времен и замещая собой навечно всякое другое бытие.

Вот каким образом подобное может случиться.

Если перед началом Большого Схлопывания каждый уголок и закуток этой вселенной окажется полностью освоен, населен и использован разумной жизнью (под «жизнью» подразумевается наличие особей, способных накапливать в себе информацию так, что эта информация может передаваться дальше в процессе естественного отбора), этот космический переход может быть создан искусственным способом. Жизнь в той форме, в которой она будет существовать на момент Заключительной Фазы, совершит скачок к новому уровню, внедрив себя во все структуры коллапсирующего космоса. Получив полный контроль над материей и энергией, жизнь сольется в единое бытие – в Точку Омега. Жизнь *станет* вселенной, но одновременно будет стоять *в стороне* от вселенной, по мере завершения пространственно-временного существования.

Точка Омега всеведуща, всемогуща и вездесуща.

Можно применить любое софистическое определение Бога.

После чего, как утверждает теория, Точка Омега – мотивируемая всеобщим состраданием, или желанием развлечься, или скукой, или чем-то еще – может решить воскресить все когда-то живущее. И поскольку низшие бытия были ограниченны и слишком просты в своей конфигурации

(отчего имя им «машины с конечным числом состояний»), Точка Омега воскрешает их путем эмуляции.

136
Эмуляция как самая подлинная форма реальности

Эмуляция стоит ступенью выше симуляции.

Эмуляция есть воссоздание нечто в столь полной мере, что новая версия неотличима от оригинала.

Неразличимость тоже бывает двух видов.

Первое: для стороннего наблюдателя – в данном случае есть только один такой наблюдатель, а именно Бог, или Точка Омега, – невозможно говорить о воскрешении отдельно от оригинала.

При таком воскрешении сознательного существа воссозданная личность не способна отличить свое *он* , *она* или *оно* , как она саму себя воспринимает – любой части его или ее окружающей среды – от той *реальности* , что была знакома ей ранее, определить это как низшее по природе, вторичное по происхождению.

Искусственное и естественное перестают быть противопоставлениями.

Следуя принципу, сформулированному Лейбницем и известному как «Тождество неразличимого», такие разумные эмуляции будут идентичны своим оригиналам. Даже, наверное, *будут* оригиналами в строгом онтологическом смысле.

Будут оригиналами воскрешенными, вновь рожденными в раю в полностью функциональном и чувствующем теле и разуме.

Будут мной.

137
Рай, я в раю, и мое сердце бьется так, что я едва могу валять дурака

Мне сказали, что все многомирье, в котором я родился и которое худо-бедно пытался исследовать при помощи своего хиленького космического йо-йо, прошло через бесчисленное множество циклов превращений непостижимой сложности, а сам я в течение эпох бездумного небытия терпеливо ждал в виде некой потенциальной копирки, или памяти о самом себе, пока данное многомирье не достигло наконец идеального совершенства, отчего теперь я стал машиной с конечным числом состояний на некой Идеальной Платформе (назовем это Машиной Бога), предположительно идентичной Полу Жирару во плоти и крови; при этом мое воскрешение и помещение в нечто близкое к раю произошло благодаря вмешательству божественности, именуемой Точка Омега. И знаете что? Эта ужасная, невероятно важная новость совершенно меня не тронула. Я знал, что моя реакция – или ее отсутствие – неправильна. Мне полагалось бы впасть в кататонию, или запрыгать до небес, или растечься по земле дрожащим желе. Но ничего подобного – я был спокоен, уверен в себе и беззаботен, возможно, впервые в *жизни* . Наверно, почувствовав мое удивление, Крошка объяснил:

– Воскрешая личности, ОЗ, изучая их *души* , вносит некоторые полезные поправки.

Все, что воскрешается, молодо и полно здоровья, а все физические и психические огрехи исправляются. Например, твоя правая кисть опять на месте. Кроме того, на период адаптации задействуются патчи цепей подавления эмоций и облегчения загрузки. Твои цепи включились после первой затяжки.

Я затянулся еще разок, надеясь, что это еще лучше расставит все по местам.

– Если Точка Омега всемогуща, то почему она не воскресила нас с внедренной в мозг и доступной полной информацией о нашем новом месте пребывания?

– Это можно было сделать, – согласился Крошка. – Но это означало бы лишить тебя индивидуальности и свободы воли.

Это было для меня слишком, даже под цифровое курево. Я решил обратиться к Мунчайлд и узнать ее мнение по поводу новых обстоятельств.

Мунчайлд стояла неподвижно, словно живая статуя. Вроде бы даже не дышала. Она с восхищением взирала на леди Саншайн.

Диггер, как я сразу заметил, так же смотрел на мисс Полынь.

– Что с ними? – спросил я Крошку, не пытаясь сохранять спокойствие, но все равно спокойно.

– Да ничего особенного. Получают ориентировки из своих источников. Каждый индивидуум получает ориентировку персонально. Это личное пожелание ОЗ, ее заказ. Кстати, с их точки зрения, ты тоже стоишь неподвижно. Сейчас вы функционируете на разных уровнях исполнения.

Взглянув на Крошку, я снова спросил:

– И сам ты не оригинальный Крошка, так? То есть я хочу сказать, ты не обыкновенный воскресший, вроде меня и моих спутников, верно?

Крошка громогласно расхохотался.

– Прекрасно, парень, *просто прекрасно!* Время не рекордное, но неплохое. Нет, оригинальный Крошка – все возможные Крошки? – они тут в раю, живут той жизнью, которую предпочитают. Что до меня, то просто этот облик выбран для встречи с тобой. Чтобы поддержать и утешить, можно сказать. Такую же функцию исполняют Саншайн для Мунчайлд и Полынь для Диггера.

– Тогда *кто* ты такой?

– Я часть Точки Омега. Мельчайшая часть бесконечности, какую ты только можешь представить, и тем не менее бóльшая, чем ты, Машина с конечным числом состояний. Я агент, автономная подпрограмма. Или, если тебе это больше нравится, дэва, дакини, демон… ангел!

Несмотря на подавитель эмоций, я почувствовал, как по спине моей пробежали нервные мурашки.

– Ангел *ада* , насколько я помню?

Крошка пожал плечами.

– Выбирай, что нравится, старина.

138
Операционная система Божьей Машины

Усмотрев кое-что любопытное в том, что сказал мне Крошка, я решил следовать нейтральной линии мысли, а не раздувать в себе разные страхи.

– Ты сказал, что все возможные Крошки здесь?

– Точно, дружище.

– Так ты хочешь сказать, что Точка Омега воспроизвела все многомирье в каждое мгновение его существования?

– Не только воспроизвела, но и расширила.

Вот теперь у меня действительно стала распухать голова.

– Но как может одна вермишелина содержать в себе бесконечное множество разных рецеп... я хотел сказать, возможностей?

– Такова природа бесконечности, сынок. Можно засунуть десять фунтов дерьма в то, что на первый взгляд кажется пятифунтовым мешком. А потом положить еще десять фунтов поверх всего этого! И так без конца, пока тебе не надоест или не захочется разорвать мешок.

Я решил принять это объяснение без дальнейших вопросов. Чтобы переменить тему, спросил:

– Каково же мое место в этом парадоксе? Какова моя роль?

– Что угодно, что только взбредет тебе в голову.

– Ха-ха, – сухо проговорил я. – Но это самое обещал мне Ганс, когда дарил чертов йо-йо.

– ОЗ не Дитя Разума. Это ее обещание – чистая, полная правда, и в любое время обещание можно обсудить.

– Ну и как мне жить тут, в этом раю? – подозрительно спросил я. Крошка почесал голую грудь под кожаной жилеткой.

– У тебя есть я, приятель. Твой вечный ангел-хранитель, провожатый, гений и бумажник! Скажи мне, что тебе нужно, и я сделаю это для тебя! Ваше желание для меня приказ, сахиб!

– Могу я переговорить непосредственно с Точкой Омега?

– Конечно, если хочешь. Я же сказал, ты можешь получить все, чего пожелаешь.

– Отлично. Соедини меня с ней.

Крошка язвительно улыбнулся.

– Заказывали – получите!

В то же мгновение я растворился в Точке Омега.

Моя индивидуальная сущность испарилась, словно плевок на сковородке.

Мое тело стало всем многомирьем, а его бесчисленные разумные существа – моими клетками. Мои глаза были сверхновыми, ноздри – черными дырами. Правая рука была Пространством, а левая – Временем. Мозг состоял из мельтешащих квантов, сердце было реактором на основе взаимодействия материи и антиматерии. В паху у меня помещалась утроба, значительно превышающая любую галактику, а также член, размером с галактический кластер, и яйца, в которых уместился бы Млечный Путь. Мои мысли текли медленнее протонного распада и быстрее ядерной реакции. Но все эти глупые тривиальные метафоры отражали лишь мельчайшую долю малой части процента незначительной фракции того, что я в действительности ощущал. Потом я вернулся к Крошке.

– Ну как, хорошо поговорили?

Я не мог ничего сказать, буквально не мог выговорить ни слова. Крошка взглянул на меня с откровенным сочувствием.

– Может, дальше лучше будет вести переговоры через посредника, как ты думаешь?

Мои легкие работали как старинные меха. Горло стало вытяжной трубой древней сушилки для одежды.

– Хр-р… гр-р-р… хр-ршо.

139
Глупые ненужные правила

Я решил, что единственный способ понять жизнь в Точке Омега, опробовать ее возможности и условия – это принять сказанное Крошкой на веру и броситься в омут головой. Но не обязательно было делать это сию секунду.

– Могу я спросить тебя кое о чем?

– Прошу, полный вперед!

– Могут меня тут ранить и убить?

– Могут, черт возьми! Если ты не потребуешь иного, то вся твоя жизнь здесь будет протекать по человеческим законам. Большинство рано или поздно просит изменить правила своей жизни, но первоначальные правила точно такие, к которым ты привык. Хотя если ты и умрешь, то только временно, это точно. А во всем остальном этом мир совершенно *реален* в обычном смысле этого слова. Можешь пнуть камень, как старина Док Джонсон, и сломать себе палец на ноге. Так и будет, если ты не захочешь что-нибудь поменять. В этом отношении ОЗ – *сверхреальна* . Она бесконечно пластична, и как только ты решишь жить по другому сценарию, все законы твоей реальности будут подправлены.

Фраза «бесконечно пластична» напомнила мне кое о чем.

– А Точка Омега распространяется на само сверхпространство? И живы ли там еще дрекслероиды и мои знакомые кальвинии? И чем Точка Омега отличается от обычного Моноблока или, например, от цифрового мира с клеточными автоматами, где мы с тобой когда-то побывали?

– Эй! Притормози! По одному вопросу за раз! Во-первых, технически сверхпространство по-прежнему существует. Но оно пусто. Вся жизнь теперь сосредоточена в высшей реальности Точки Омега. Сверхпространство сжалось до того же размера, что и Точка Омега. Если судить прагматически, они стали одним.

Во-вторых, любой Моноблок – это единый континуум. И жившие там кальвинии, про которых ты вспомнил, больше не могут во всей подлинности ощущать мир будущего, который они моделируют. Все очень ограничено.

В-третьих, не смеши меня! КА-мир был просто симуляцией низкого уровня, не более. Ты не забыл, насколько примитивным было там наше представление? Сравни свое теперешнее тело с теми прямоугольными штуковинами, в которых мы находились.

– Нет, не думаю... Итак, похоже, дрекслероиды наконец

встретили того Бога, которого искали…

Отвечал Крошка по делу, без ББББ, и улыбался. Потом я подумал еще кое о чем.

– Слушай, Крошка, ты говоришь, что будешь претворять в жизнь мои желания. Но можешь ты предупредить меня, если я попрошу о какой-нибудь глупости?

– Если такова твоя просьба – да.

Этого свойства очень недоставало в йо-йо, отчего моя задница страдала не раз и не два.

– Я прошу тебя так делать.

– Отныне это будет одной из главнейших моих задач.

Я глубоко вздохнул.

– Ну ладно – я готов.

Крошка ухватился грязными ногтями за отвороты жилетки, словно хотел разодрать ее на себе.

– Поехали.

– Перво-наперво, сними эмоциональную блокировку. Я хочу чувствовать все, что должен чувствовать, как всякий нормальный человек.

– Сделано.

Я не почувствовал ни внезапной паники, ни воздействия психоза, поэтому решил, что осознал свое новое положение достаточно хорошо.

– Ну а теперь, можешь ты поместить меня, Мунчайлд и Диггера на один и тот же уровень реализации?

– Конечно. Они как раз заканчивают получать свои объяснения.

– Прекрасно. Давай.

140
Расщепление ядерной семейки

Внезапно стоящие рядом со мной и Крошкой люди снова начали дышать, говорить и двигаться: Мунчайлд, Диггер, леди Саншайн и мисс Полынь. Трио ангелов-хранителей заговорило хором, в котором три разных голоса сливались в одну прекрасную бесполую амальгаму Точки Омега.

– Пожалуйста, решите теперь между собой, чем вы хотите заняться.

Потом дэвы повернулись к нам спинами и придвинулись друг к другу, словно совещаясь о чем-то: это был самый ханжеский мухлеж, какой мне только доводилось видеть, ведь все они представляли собой явление одной и той же сущности. И тем не менее этот фарс представлял собой вселяющую уверенность человечную глупость. Я с робостью взглянул на Мунчайлд.

– Что сказать, Мун... все вышло совсем не так, как я задумал. Единственное, чего мне удалось добиться, так это того, что всех нас убили.

Мун улыбнулась.

– Когда-нибудь, Пол, мы все равно бы умерли. В конечном итоге без разницы, случилось бы то, что случилось, именно *сегодня* или позже. Мы получили еще один шанс. Бесконечное число шансов?

Часть меня слушала ясный звук милого голоса Мунчайлд. (Я вспомнил, как мы впервые встретились в тюремной камере в хипповой Америке, и ее голос сразу показался мне самым замечательным, что в ней было.) Но некая часть меня все же немного не соглашалась со словами Мунчайлд, была не готова так легко принять ее позицию относительно происшедшего.

– Что ж, может быть и так. И тем не менее мне по-прежнему хочется вернуться и кое-что изменить. Использовать опыт наших приключений и попытаться многое исправить.

Мун нахмурилась.

– Зачем возвращаться, Пол? Нужно идти дальше, смотреть, что ждет впереди.

– То, что я задумал, – это не навсегда. По крайней мере, уж точно не продлится вечно. Я надеялся, что ты составишь мне компанию.

Мунчайлд покачала головой, ясно давая понять: нет.

– Нет, Пол, у меня другие планы.

Диггер вежливо кашлянул.

– У меня тоже, отец. Есть столько любопытных теологических вопросов, в которых я хотел бы разобраться...

– Ну ладно! – в сердцах воскликнул я. Эмоциональные ограничения определенно были сняты. – Идите куда хотите! Мне все равно!

Мун жестко улыбнулась.

– Прощай, Пол.

И исчезла. А с ней и леди Саншайн.

– Удачи, отец.

Остались только мы с Крошкой. Ну и хорошо, что я от них избавился! Слава ОЗ, что я не сказал Мун какой-нибудь глупости во время казни, которую устроили нам минскийцы, от чего потом пришлось бы смущаться. Ляпнуть, например, что *люблю ее* .

Вот-вот. И что тогда?

141
Снова за дело

Чтобы исправить все глупости, которые я натворил со своим космическим йо-йо, мне понадобилось всего несколько субъективных столетий.

Постепенно мне все удалось наладить, чему я был несказанно рад. С помощью Крошки я посетил один за другим все континуумы – ну, или их точные эмуляции (насколько мне удалось разобраться, особой разницы тут не было), – которые создал в результате грубых и плохо сформулированных желаний, нашел, где с самого начала дал косяка, и исправил то, что считал изъянами в своей карме. И все это один, без Мунчайлд.

Все вермишелины, в которых я побывал, располагались внутри Точки Омега и были заселены миллиардами своих собственных автономных эмулированных обитателей. По одной простой причине.

Бесконечность может – и совершенно необходимо должна – содержать все возможные варианты.

Так что *выбор карьеры* , предлагаемый воскрешенным, включал бесконечное разнообразие вариантов. (Некоторые – бесконечное большинство – из этих вариантов я не мог даже вообразить.) Например, вернуться назад и заселить изначальную вселенную, откуда ты вышел, настроившись на полное безразличие ко всему остальному. Среди бесконечного числа воскрешенных двойников всегда найдется достаточное число желающих, чтобы населить ими любую эмулированную вселенную на любой стадии ее развития.

Но Точка Омега никогда никого не станет подвигать к такому выбору. Она лишь материализует желания индивидуумов, воссоздавая в итоге реальности, соответствующие истинному консенсусу.

Все миры, которые я посетил со своим йо-йо, были созданы и действовали в версиях многомирья, созданных ОЗ, их население по характеру, или сложности, или свободе воли было неотличимо от *оригиналов* . (При этом здесь находилось бесконечное множество других *оригиналов* , занимающихся чем-то другим, примерно как я.)

Вот каковы были мои итоги.

Σ В Моноблоке Кальпурнии и Калипсо я восстановил мир между враждующими фракциями кальвиний и убедился, что они заботливо растят здоровое пространство-время.

Σ В хипповой Америке я материализовался в столице, Сан-Франциско, и, став любовником леди Саншайн, сумел запустить маятник обратно, в сторону более сбалансированной политики. (Крошка и Мунчайлд этого мира находились в половине континента от меня, и я постарался не встретиться с ними.)

Σ В стране клеточных автоматов я положил конец тирании короля Хортона.

Σ В мире Богинь понадобились лишь небольшие доработки в области медицины и необходимых технологий, с тем чтобы этот край стал совсем уж милым и приятным. (А тамошние женщины, когда я оказался морально к этому готов, доказали мне, что могут быть *горячими девочками* во всех отношениях, какие я имел в виду.) Конечно, изменить привычки этих кровожадных женщин в сторону принесения *символических* жертв вместо человеческих было не так-то просто, но по прошествии некоторого времени ритуальное умерщвление людей прекратилось.

Σ Мир Бабочки потребовал от меня, наверно, наибольших усилий. Но после десятилетий рискованных и болезненных экспериментов мне удалось изобрести стабильные макроскопические структуры, успешно сопротивляющиеся хаосу и преобразующие его в регулируемый и частично предсказуемый процесс.

Σ Для членов братств мне удалось разработать мозговые протезы – так сказать, пристяжные мозги, – которые дали индивидуумам возможность жить самостоятельно, как заблагорассудится.

Σ В мире Шелдрейка я открыл, что жизнь на орбите, где всеобщее планетарное морфогенное поле Гайи ослабевало, давала свободу личным малым поведенческим полям, которые все равно в итоге составляли планетарное поле. Для того чтобы развить и наладить здесь освоение космоса, мне понадобилась пара жизней.

Σ С миром мемов оказалось проще всего. Едва дикие животные были взяты под контроль и налажено поточное производство синтетических мемов, началось развитие настоящей цивилизации.

Σ Мир, населенный телевизионными персонажами, был наиболее запущенным и жалким. Я мало что мог сделать для такой нелогичной мешанины. Так что в конце концов я просто положил конец этому миру и расселил его обитателей, переместив всех в другие вселенные, наиболее подходящие их природе.

Σ Закончил я миром минскийцев, где умер. Но к тому времени я был уже совершенно другой личностью, к тому же у

меня имелся помощник Крошка. Мне удалось исправить минскийцев при помощи компьютерного вируса, который избавил их от озлобленности.

В ходе этой работы, растянувшейся на столетия, я не состарился ни на день – в соответствии с пожеланием, которое высказал Крошке. Объем моей памяти был увеличен, чтобы вместить весь мой новый опыт. Но, несмотря на эти немалые изменения, в глубине души я по-прежнему чувствовал, что остаюсь тем же, кем был. Может быть, немного более мудрым, но все тем же Полом Жираром.

Но это только до поры до времени.

142
Направо пойдешь – в нирвану попадешь, налево пойдешь – в нирвану попадешь

Проведя с Крошкой несколько веков, мы крепко сдружились. Дэва в обличье Крошки был спокоен и рассудителен, не отличаясь той вспыльчивостью, что была свойственна Ангелу ада. По прошествии нескольких десятков лет, проведенных в моем обществе, он расстался с наиболее мелодраматическими чертами оригинала, хотя и сохранил свои манеры и внешность. Мы о многом говорили. О теории и практике.

Я даже спросил его совета насчет Мунчайлд. Теперь, после того как я прошел все свои старые пути-дорожки и за все это время ни разу с ней не увиделся, мне захотелось узнать, чем она занимается.

– Вот этого не могу тебе сказать, приятель, – ответил Крошка. – Запрет на вторжение в личную жизнь, ну или типа того. Две вещи запрещены ОЗ – это насилие и чтобы одна самостоятельная душа следила за другой. Если ты играешь по тем правилам, что тебе известны, – ты живешь в Точке Омега и все такое, – как, например, ты сам, тогда ты не можешь принуждать другого игрока играть по твоим правилам или пытаться извлечь за его счет какую-то выгоду. Конечно, если ты сознательно попросишь вернуть тебя в состояние полного агностического незнания, то тут все правила отменяются. Можешь воевать, насиловать и грабить сколько душе угодно, как в старые добрые времена.

– Воевать, насиловать и грабить? Да я просто хочу узнать, чем она занимается; я совсем не хочу к чему-то ее принуждать!

Крошка улыбнулся.

– Только и всего?

– По правилам это все равно не дозволяется?

Крошка помолчал.

– Впрочем, если желаешь, я могу *доставить* тебя к ней. ОЗ против этого ничего не имеет. А еще лучше, я могу доставить тебя к одному из ее двойников, не такой упрямой и ворчливой. Хочешь, так и устроим, братишка?

– Нет. Спасибо, нет. Что бы ни значили эти твои правила, я хочу встретиться с той самой Мунчайлд, которая прошла со мной все беды и трудности.

Я немного помолчал, обдумывая услышанное. Мы лежали на пушистом облаке, плывущем в золотом бескрайнем небе. Мне

вдруг захотелось немного отдохнуть в эдаком старомодном иудейско-христианском стиле.

Теперь, когда я исправил все свои старые ошибки, чем я займусь? Я ощущал сомнения и тревогу. Конечно, я могу устранить из набора своих чувств все негативные – стоит только попросить об этом Крошку, и я сразу почувствую себя отлично. Но я хотел, чтобы мой разум развивался *естественно* , под влиянием опыта и ощущений, которые предоставляет мне рай. А не ложиться под квантовый скальпель.

Конечно, я мог и в этом попросту обманываться. Была ли у меня свобода воли, или это просто иллюзия? Узнаю ли я об этом когда-нибудь?

Может быть, мне стоит постараться получить больше опыта в своей эмулированной жизни? Быть может, мне нужно начать изучать все без исключения инопланетные реальности, какие существуют в Точке Омега, устроив круиз навроде того, который мне когда-то предлагали дрекслероиды? Но это будет просто заурядное путешествие с приключениями в обычном многомирье. Хватит с меня путешествий.

– Крошка. Ты можешь раздвоить меня?

– Могу, черт возьми! Тебе будет не так сложно управлять еще одной глупой машиной с конечным числом состояний.

– Спасибо за то, что так меня ценишь. Тогда раздвой меня.

И вот на облаке сидит еще один я. Но это не отдельное эго. Я гляжу одновременно двумя парами глаз, одно сознание, разложенное на два черепа, управляет сразу двумя телами.

Крошка тоже разделился надвое, и эта парочка стояла, сложив руки на груди, обтянутой кожаной жилеткой, словно дивные гении, и ожидала от меня/нас приказов.

– Хорошо, – сказал я, – покажи мне рай.

– Хорошо, – сказал я, – покажи мне ад.

Крошка снисходительно ухмыльнулся.

Мы посетили все *сверхъестественные* места, которые не могли существовать в нормальной множественности миров многомирья, а появились только в Точке Омега. Отличные воспроизведения всех вселенских Райских Кущ, какие только могли родиться в воображении индуистов, буддистов, мусульман, христиан, американских индейцев, среди всех до единого последователей всех и каждой религий, погребенных под прахом времен до меня и после меня. Все эти удивительные места были созданы объединенной верой многих воскрешенных, соединивших усилия для того, чтобы породить то, о чем они всегда мечтали и что им было обещано.

Я провел великолепные века в объятиях гурий, валькирий и

апсар. Но прошло время, и я понял, *о чем* говорил Толстой. Все люди счастливы одинаково.

Одновременно с этим другое мое «я» обнаружило, что все обители скорби здорово различаются.

Я, пронесшееся по всем возможным вариантам ада, открыло один примечательный факт. Большинство адов было посвящено одному-единственному человеку. Сартр ошибался. Ад не внутри *других* людей. Ад – *отсутствие* людей.

Почти каждое инферно, в котором я побывал (а было их несчетное число квинтиллионов), было воссоздано Точкой Омега по наставлению отдельного воскрешенного, по указаниям того, что было у него, индивидуального существа, на уме. Деталировка персонального ада достигала десятого знака после запятой. Были такие, кого можно было назвать скрупулезными эстетами своего проклятия, эдакими нарциссами-мазохистами, уверенными, что их ад лучший. Они не хотели оказаться в чьем-то чужом аду. Нет уж, увольте, сэр!

В таких адах я повстречал многих знаменитостей. Это было еще одним отличием от немногочисленных вариантов рая, населенных обычными честными тупарями. Быть может, в раях знаменитости просто терялись в толпе? В этом у меня были сомнения.

Когда наши экскурсии закончились, мои половинки опять слились. Рай и ад во мне принялись бороться, как при несварении желудка. Но потом один из них одержал победу.

143
Онтологическая Закавыка проглочена

– С чего все началось, Крошка? И чем все закончится?

– Ну что ж, сынок, началось все так. Точка Омега появилась в конце всех времен и пространств. Затем, обладая могуществом Святого Духа, или Универсальной Волновой Функции, Точка распространила себя в обратном направлении во времени, породила из чистого ничто сверхпространство, а потом сконструировала первый Большой Взрыв, отчего все остальное начало ветвиться. После этого ОЗ продолжила свое существование во всем и во вся – небольшой кусочек Вечного Духа в каждом кусочке жизни, – потихоньку организуя историю так, чтобы она наверняка привела к ее появлению.

– А. Звучит разумно, – проговорил я.

Вот так просто я проглотил Онтологическую Закавыку, одну ОЗ, отвечающую за другую, мою Теорию Всего, на поверку оказавшуюся вечным уроборическим круговоротом.

– Я рад, что *ты* так думаешь! – сказал Крошка.

– Можешь теперь отнести меня к Мунчайлд?

– Сказано – сделано, босс!

Она сидела в огромной библиотеке, полки которой тянулись куда-то вдаль. Поначалу мне показалось, что Мунчайлд внешне изменилась. Это не составило бы, конечно, никакого труда. Она показалась мне гораздо более привлекательной, чем я ее запомнил.

Потом я понял, что просто смотрю на нее другими глазами, на века старше и мудрее.

Мы ни слова не сказали о том, как проводили время с тех пор, как расстались. Рассказ о наших приключениях легко читался в наших лицах.

– Как наш сын? – спросил я.

– У него все хорошо. Последний раз, когда я его видела, он был с Гансом.

– С Гансом?

До сих пор мне не приходило в голову повидаться с Гансом. Разумные индивидуумы, Дети Разума, тоже, конечно, были воскрешены, как и квинтиллионы рас всяческих инопланетян, которыми я не только никогда не интересовался, но даже не вспоминал об их существовании. Почему мне за все эти века не пришло в голову навестить Ганса? Я как был грубым и неотесанным чурбаном, так им и остался! Внезапно вся

решимость, с которой я прибыл сюда, заколебалась на краю отчаяния. Но Мунчайлд подвинулась ко мне и взяла за руку.

– Все в порядке, Пол. Ганс шлет тебе привет. Им там с Диггером есть чем заняться. Все хорошо. Правда. Не мучь себя больше.

– И правда, послушай свою девочку, – вставил Крошка.

Я глубоко вздохнул.

– Хорошо. Похоже, вы в большинстве.

Из-за книжной полки вышла леди Саншайн и сказала:

– Даже не сомневайся, дружище.

Я сжал руку Мунчайлд.

– Мун, не хочешь отправиться со мной куда-нибудь? Есть один мир, который я всегда хотел показать тебе, но так и не показал.

– Это будет легкая интрижка на один день? Или?

– Нет. Просто поверь мне и отправься со мной. Пока это тайна. Думаю, эти ребята сумеют устроить так, чтобы все было похоже на правду. Ну, что скажешь?

Мунчайлд посмотрела мне в глаза.

– Пока смерть не разлучит нас, Пол.

Мы скрепили договор поцелуем.

144
Надев маски смертных

На остатках моего завтрака в «Стране книг» уже застыл жир. Судя по всему, я отбыл отсюда, сразу после визита Ганса, часа два назад. Мунчайлд одобрительно оглянулась по сторонам.

– Неплохо. Много художественной литературы, как я погляжу. Читать научные книжки после мира Шелдрейка я больше не могу.

Я проверил свой накачанный бицепс.

– Понимаю тебя. Но сам думаю найти тут физическую работу. Стыдно, если такое тело вдруг снова обрюзгнет.

Мунчайлд посерьезнела.

– Нам ведь здорово повезло, верно, Пол? На секунду мне показалось, что минскийцы и вправду вот-вот *убьют* нас. Я до сих пор дрожу, когда вспоминаю тот крест, который они создали для нашего сына!

– Не могу ничем похвалиться: я тоже здорово перепугался. Если бы не пришел на подмогу миллиард моравекцев, вооруженных самым современным сверхмощным оружием, нам бы не поздоровилось! Помнишь, как по холмам наступала кавалерия?

– А еще мне кажется, – смущенно продолжила Мунчайлд, – что если бы нам не грозила смерть, ты не сказал бы, что любишь меня.

Я начал было кипятиться:

– Ну, знаешь ли...

Затем, немного подумав:

– Ты права. Я рад, что сказал это тебе.

– Я тоже рада.

Мун сменила тему.

– Разве не здорово, что моравекцы поняли, что минскийцев нужно остановить, пока те не уничтожили все вселенные, населенные людьми? Нейтральная позиция тоже хороша, но пришло время, когда следовало выбирать, на чьей ты стороне!

– А Ганс – какой он все же молодец, что разыскал подходящую Землю и помог нам сюда вернуться! Ведь, если верить дрекслероидам, моя родная Земля погибла. Мне повезло, что Пол этого космоса – совершенно идентичного тому, откуда я родом, – только что вдруг сгорел от злости, осознав свое полное ничтожество, и я могу занять его место.

Я направился к служебной конторке. В моем личном,

подписанном фамилией кресле высилась кучка все еще тлеющего пепла. Я бесцеремонно смахнул прах на пол.

– Уверена, что Ганс позаботится о Диггере, – подала голос Мунчайлд.

– Конечно, будет за ним присматривать, как отец за сыном. Диггер мечтал путешествовать. Думаю, рано или поздно они нас навестят.

Мунчайлд взглянула на пол.

– Ты и вправду хочешь жить тут *со мной?* Ты хочешь, чтобы *я* осталась с тобой навсегда?

– Никого другого я не хочу, детка.

Мунчайлд закинула руки мне на шею и прижалась.

– Ох, Пол, а мне совсем все равно, что ждет нас дальше! Прошлое у нас просто замечательное! А теперь я хочу жить с тобой до самой смерти! И если после нее ничего уже не будет, то с меня и этого довольно.

Странное чувство возникло во мне после слов Мун. Но прежде чем я смог разобраться, какое именно, оно исчезло. Я решил, что это было самое обыкновенное счастье.

Я не нашел рая. Но пережил приключения *лучшие* , чем мог вообразить или придумать, вернулся домой в хорошей физической форме, с новыми жизненными планами и со своей девушкой. Я стал новым человеком, совершенно другим, гораздо лучше прежнего.

Мун положила конец моим размышлениям крепким поцелуем.

В этот самый момент в дверь «Страны книг» принялся стучать нетерпеливый покупатель – пора было открываться. Я разорвал наш с Мун клинч ровно настолько, чтобы показать парню средний палец.

– Греби отсюда, ублюдок! Вали на хрен, сраный мудила!